Александр ПРОЗОРОВ
Арий
Новый цикл от создателя «Ведуна»!
Аркаимский колдун

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

IX век до нашей эры…

На обширной Русской равнине живут три великих народа: славяне, выплавляющие железо, возделывающие огороды и поклоняющиеся Сварогу и Макоши, скифы, добывающие медь, пасущие в степи тучные стада и чтящие великую Табити, и лесовики, живущие охотой и ведущие свой род от зверей-первопредков. Где-то эти народы враждуют, где-то торгуют, жизнь идет заведенным порядком. Однако нежданно в этот тихий мир проникает из XXI века наш соотечественник, прирожденный колдун по имени Андрей, считающий себя истинным арийцем и ищущий своих первопредков, дабы познать все тайны магии. Равновесие мира нарушается, и начинается Большая Война…

- Александр Прозоров
  -
  - Пролог
  - Часть первая
    - Васильки в ногах
    - Большой алтарь
    - Эпоха амулетов
    - Путь в Аркаим
    - Семь дочерей демона
    - Безумие полной Луны
    - Земля лесов
    - Время небесных духов
- notes
  - 1

Александр Прозоров
Аркаимский колдун

© Прозоров А., 2016
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

Пролог

Облака разошлись, и на недавно кошенный луг, между сосновым бором и тихой, но полноводной рекой Вымь, упали желтые лучи круглой холодной луны. Оказавшись на свету, встрепенулись и громче застонали лягушки, застрекотали сразу несколько цикад, в лесу недовольно чирикнули птицы. От воды потянуло слабым запахом мятой осоки; дрогнули камыши, между которыми паслась невидимая в черной воде рыба.

– Ты глянь, луна-то какая, Тройчата! – откинулся на спину безусый паренек, лежащий у костра. Он был совсем юн, лет шестнадцати, но толстая кожаная куртка, широкий ремень с петлями для оружия, легкий железный топорик под рукой и лежащее чуть далее копье с похожим на ладошку наконечником выдавали в мальчишке воина. – Сказывают, в такие ночи лесные люди в зверей перекидываются и на охоту выходят.

– Неужели ты веришь в эти бабьи побасенки, Щипач? – отозвался второй воин, сидящий по другую сторону костра на круглом потрепанном щите. Он тоже был одет в толстый кожаный панцирь и опоясан ремнем, на котором висела замшевая поясная сумка. Однако уже обзавелся бородой и солидными усами. – Превращаться в зверей не умеют даже взрослые боги! Ты хоть раз слышал, чтобы Триглава в лося перекинулась? Или Даждбог? Откель тогда у лесовиков глупых таковому умению взяться?

– Так ведь лесовики, Тройчата! Они со зверьми в родстве. Сказывают, за предков своих – волков, рысей и быков всяких почитают.

– Тихо! – вскинул палец взрослый воин.

– Что? – Паренек приподнялся, закрутил головой.

– Не суетись, Щипач, – легким шепотом произнес Тройчата. – Ночью все едино ничего не углядишь. Слушать надо, слу-у-ушать…

– Цикады умолкли… – опасливо выдохнул паренек, и рука его торопливо нащупала рукоять топорика.

– Слу-ушай… – качнулся вперед, чуть привставая, мужчина.

Слабый шелест, словно дуновение ветерка, прокатился от реки к тусклому сторожевому костру, и свет огня проявил взметнувшиеся в прыжке звериные тела.

– А-а… – Настороженный паренек успел вскинуть оружие, и лезвие топорика столкнулось с оскаленной волчьей мордой. Но ударило без замаха, а потому бессильно скользнуло по густой жесткой шерсти. Клыки лязгнули перед самым лицом, словно сжирая крик дозорного – но это Щипач сам сбился с дыхания,

успев откинуться, ускользая от опасности. Он взмахнул топориком и вогнал-таки его зверюге в крестец. Но и волк оказался ловок – хищник извернулся и сомкнул свою пасть чуть ниже затылка юного врага, с хрустом перекусив позвоночник.

Опытный воин оказался для зверья куда более опасным противником. Он принял нападение не на топор, а на щит. И хотя удар сразу двух тяжелых туш сбил мужчину с ног, Тройчата не получил ни царапины и даже успел наугад взмахнуть топориком вдоль земли. Железо сочно чмокнуло, вонзаясь во что-то мягкое, и воин торопливо ударил туда же щитом, окантовкой ломая кости невидимого врага. Тот жалобно взвыл, а дозорный быстро крутанулся, закрываясь щитом от шороха, толкнул правый край деревянного диска от себя и тут же ударил им вперед, ощутив упругое сопротивление живой плоти. Взмахнул топориком – но на этот раз никуда не попал – и сразу крутанулся на месте, широким движением отпугивая зверье.

Темнота недовольно зарычала, вспыхнули огоньки, метнулись вперед. Тройчата опять закрылся, но щит спас только от волка, прыгнувшего сверху. Второй же напал понизу и вцепился в щиколотку, дробя клыками сустав. Отпустил, не дожидаясь ответки, шарахнулся в сторону. Воин охнул от боли и, теряя равновесие, взмахнул руками, вскинув и щит, и топорик. К открывшейся груди тут же метнулись сразу два зверя.

– Береги-и-и!.. – закричал воин, но окончание фразы захлебнулось кровью.

Впрочем, и этого короткого предупреждения оказалось достаточно, чтобы находящийся неподалеку поселок зашевелился.

Селение выглядело просто: два стоящих напротив друг друга длинных бревенчатых дома, десяти шагов в ширину и полусотни в длину каждый; крытые тесом двускатные крыши, окошки для выпуска дыма наверху, широкие двери внизу. Углы домов соединял тын, образуя просторный двор с колодцем в центре. На каждую сторону двора были сделаны прочные ворота, сшитые из толстых жердей и подпертые на ночь кольями. Крепость не крепость, но ночевать можно без опаски, даже в нынешние тревожные времена.

Вот и теперь – едва послышался крик, двери домов распахнулись, на двор стали выбегать мужчины, на ходу оправляя куртки и застегивая пояса.

– Что там? – спросил стоящего у колодца караульного один из выскочивших бородачей.

– Похоже, стадо наше кто-то угоняет, Горчак, – ответил тот. – Эх, зря мы лосей на выпасе оставили! Не сильно отощали бы, и в

загоне переночевав.

– «Не отощали бы…» – передразнил его Горчак. – Сам, небось, пожрать завсегда готов! А скотину на вытоптанном дворе держать хочешь. Да и откуда здесь татям таковым взяться, чтобы на стадо покуситься? Ведь выследим и перебьем!

– На татей не похоже, старшина, – покачал головой караульный. – Криков, стука не было, на бой не тянет. А вот вой и скулеж я слышал.

– Нешто волки? – встревожился другой воин. – Эти не угонят. Эти зарежут всех, одного пожуют и уйдут. Эти кровь куда больше мяса любят. Им убивать в удовольствие, останавливаться не умеют. Спасать надобно лосей-то…

– Мамай, Русак, Лапоть, остаетесь, – быстро принял решение старшина. – Остальные за мной. Глянем, кто балует. Ворохапка, открывай!

Караульный торопливо выбил подпорки от направленных к лугу ворот, оттянул створку. Два десятка мужчин – со щитами, копьями, с топориками и ножами на поясах вышли в лунную ночь, быстрым шагом направляясь к выпасу. Однако почти сразу вдоль тына и за их спинами к распахнутым воротам метнулись стремительные тени, норовя незаметно проскочить в оставшийся почти беззащитным двор.

– Сзади!!! – Хитрость оказалась разгадана почти сразу. – Ворота закрывай! Во-олки!

Зверей заметили и воины вышедшего отряда, и четверо оставшихся мужчин. Они тут же навалились на створку, толкая воротину вперед, подпирая кольями, – и внутрь успело проскочить всего два серых хищника.

– Лови их, лови! – развеселились караульные. Они взялись за пики и стали бегать по просторному двору, норовя наколоть зверей на острый наконечник. – Мяска захотелось? Теперь хворост своими шкурами закрывать будете!

Примерно такая же судьба ожидала и остальных волчьих собратьев – Горчак быстрыми командами развернул своих людей в цепь и прижимал хищников к тыну.

– Не упустите зверей, мужики! – Старшина, двигаясь в центре отряда, опустил копье. – Покончим со стаей, на несколько лет в лесах спокойно станет!

И тут случилось неожиданное. Воздух наполнился тяжелым шмелиным гулом, и в спины людей ударили сразу десятки стрел. Тяжелые каменные наконечники, предназначенные для охоты на крупного зверя, уверенно пробивали толстую дубленую кожу ратных доспехов и впивались в тело на глубину в два-три пальца. Убить, может, и не убивали – но боль причиняли изрядную, да и

кровь по спинам сразу потекла широкими струйками.

Ругаясь и вскрикивая от попаданий, воины поспешили повернуться, подняли щиты – и тут же вперед метнулись волки, норовя порвать врагам щиколотки, сухожилия или перегрызть правый локоть, если тот оказывался слишком далеко отставлен назад. Люди начали падать один за другим, и после каждого падения ливень стрел, направленный в уцелевших, становился все гуще…

Во дворе ничего этого не видели. Охотниками на затравленных волков овладел такой азарт, что по сторонам они уже не смотрели и потому не заметили нескольких рысей, быстро пробежавших по кровле. Крупные лесные кошки спустились к самому краю крыши и, улучив момент, сделали то, что умели лучше всего на свете: обрушились сверху на ничего не подозревающую добычу.

В тот же миг волки из дичи превратились в охотников – и тоже кинулись на сбитых с ног врагов… В воздухе запахло парной кровью, а звери, подбежав к кольям, толчками своих сильных тел выбили подпорки жердяных створок. Открыть их серые хищники не могли – но это и не требовалось. После того как замертво рухнул последний защитник, со стороны реки, от камышовых зарослей, появились обвешанные ветками и травой лучники. Пряча свое оружие в колчаны, они взялись за ворота и распахнули их настежь. Уверенно вошли во двор. Следом неспешно протрусила вся звериная стая, а самым последним вошел длинноволосый шаман, прическа которого состояла из тонких и толстых косичек, одеждой была свободная засаленная малица, с пояса свисало несколько бараньих и козьих рогов и хвосты всякого зверья – лисьи, горностаевы, волчьи, беличьи, сусличьи. Из оружия шаман имел только посох, тоже увешанный кисточками из звериного меха и покрытый рунами, да клееный нож – основа из дуба, а кромка набрана из кремневых пластинок.

Сделав круг по двору, принюхиваясь и водя левой ладонью, шаман остановился рядом с колодцем, положил посох на землю, воткнул в него нож, отступил в сторону.

Звери, разбегаясь, стали один за другим прыгать через него – и прямо в прыжке преображались, оборачиваясь молодыми сильными мужчинами. Причем многие, несмотря на юность, уже имели на теле по нескольку крупных шрамов. Кувыркнувшись, они поднимались с земли голыми – и сотоварищи из лучников спешили подать оборотням куртки, штаны, сапоги, пояса.

– Ну вот, – поднял лицо к небу один из перекинувшихся воинов, темноглазый, черноволосый и остроносый. – До рассвета еще не меньше двух часов, а Емва уже взята. Получилось даже

быстрее, чем ожидали.

– Еще не взяли, Любый. – Почтительно склонившись, шаман выдернул нож из посоха, поднял свою корявую палку и оперся на нее. – Оставшиеся славяне заперлись внутри.

– Ну и что, Велихост? – пожал плечами худенький мальчишка, болезненно потирающий свежий кровоподтек на ребрах. – Подожжем, и пусть сидят, сколько захотят!

– Если подожжем, глупый котенок, они сгорят вместе со своим добром! – наставительно ответил шаман. – Зачем тогда мы сражались, коли останемся без добычи? Поджечь можно и просто так, без схватки опасной. Стрелами.

– Подождем утра и выбьем двери тараном, – вздохнул Любый. – Спешить больше некуда, славянские мужчины мертвы.

– А чего не сейчас? – не унимался мальчишка. – Дело-то быстрое!

– Потому, малой, что прожекторов на сегодня мы еще не изобрели, – пожал плечами остроносый оборотень. – Мы намного лучше обычных людей чувствуем темноту, поэтому воевать нам лучше ночью, полузрячими супротив слепых. Однако обычными делами, Васхо, проще все-таки заниматься при свете.

Однако воинам, только что одержавшим победу, не сиделось на месте. Все еще объятые азартом схватки, они оказались не в силах ждать рассвета. Отыскав где-то бревно, воины всего парой ударов высадили дверь правого дома, устремились внутрь. Послышался истошный женский визг, крики, детский плач.

Остроносый нахмурился, поманил к себе ша-мана:

– Велихост, иди туда и проследи, чтобы никого не убили.

– Но почему, Любый? – нахмурился тот. – Зачем ты так добр к славянам? Ведь они наши враги! Почему нам не сжечь их раненых? Это устрашит тех, кто еще не вступил в битвы! Почему нам не принести в жертву лесным духам нескольких славянских детей? Духи ответят нам благодарностью!

– Нашим потомкам еще долго жить на этой земле, Велихост, – ответил остроносый оборотень. – Если мы польем ее кровью невинных детей и пропитаем мукой умирающих пленников, она насытится злобой, и эта злоба станет отравлять души нашего народа. Зачем нам это, Велихост? Пусть эта земля останется чистой и счастливой, полной красоты и радости. Если мы станем убивать славянских детей и пытать раненых, славяне захотят отомстить. Они будут воевать не зная усталости и жалости и не успокоятся, пока не истребят весь наш род либо не сгинут сами. Зачем нам пробуждать в них ненависть, Велихост? Пусть знают только то, что мы сильнее, что с нами бесполезно воевать. Этого достаточно. Посему я желаю, чтобы на этой войне проливалась

кровь только воинов и только в битвах. Что до детей и женщин, каковые не понравятся нашим парням, до стариков и увечных мужчин, выживших на поле боя, то поутру посадите их в лодки и отправьте вниз по реке. А не хватит лодок, свяжите им плоты! Пусть в Вологде знают, что эта земля больше не принадлежит славянам. Пусть поймут, что случится со всеми воинами, каковых они попытаются отправить вместо этих.

– Да будет воля твоя, Любый, – почтительно склонил голову шаман и поспешил в разоряемый дом.

Часть первая

Васильки в ногах

Это был всего лишь миг: смартфон пискнул об эсэмэске, он опустил глаза на звук, сунул руку в карман – и тут же ощутил сильный удар в плечо.

– Какого… – ругательство Андрей оборвал на полуслове, успел вовремя проглотить, увидев жалобное личико потирающей лоб девушки:

– Мамочки, больно-то как!

– Простите, пожалуйста. Отвлекся. – При виде хрупкой жертвы молодой человек, высокий и худощавый, с темными волосами и острым носом, ощутил себя виноватым. – Позвольте, я посмотрю?

– У вас там кирпич спрятан, да? – Девушка подняла голову, все еще морщась. У нее были большущие глаза цвета кофе с молоком, точеный носик и светлые, словно чистый снег, губы. Подбородок с ямочкой и тонкая шея, воскрешающая в памяти подзабытое слово «лебединая». Легкий аромат жасмина и мускуса с примесью горчинки, словно от новенькой, недавно продубленной кожи. Совсем не женский запах. Похоже, сегодня она воспользовалась чужим дезодорантом… – И чего ты на меня так вытаращился?

– Я студент-медик, – ответил молодой человек. – Смотреть на пострадавших – смысл моей жизни.

– Ну и как там? – слабо улыбнулась девушка. – Голова пополам? Или жить буду?

Андрей запоздал с ответом. Он пытался понять: у незнакомки и вправду губы белые, как снег, или просто помада такая? У молодого человека появилось явственное желание этих губ коснуться. Проверить своими, насколько они холодны…

– Ау-у, человек-кирпич! – окликнула его девушка. – Почему молчишь? Все так страшно?

– Я постигаю пустоту всей своей предыдущей жизни, милая леди, – спохватился Андрей. – И готов осматривать вас бесконечно.

– Спасибо за комплимент, но у меня нет в запасе этой бесконечности. – Девушка снова потерла лоб, а потом вдруг коснулась ладонью его плеча, чуть нажала: – Странно. А ведь кажется мягким. Вы меня тоже извините. Засмотрелась на стрижей, вот и врезалась. У нас в парке их никогда не было.

Андрей понял, что незнакомка уже уходит и через миг навсегда растворится в толпе, унося свою маленькую тайну, свои глаза и голос, и…

– Стойте! – взмолился он. – Простите, девушка, вы не могли бы принять участие в небольшом научном эксперименте? Это займет всего несколько секунд.

– Несколько секунд? – Незнакомка заинтересовалась и остановилась. – Десяти хватит?

– Вполне, – обрадовался Андрей, завладев-таки вниманием жертвы. – Вы не могли бы сойти с гаревой дорожки и поставить ногу на траву?

Незнакомка пару мгновений колебалась, глядя ему в глаза, а потом осторожно переступила через низкий бордюр парковой дорожки. Тут же вокруг ее туфельки вверх рванулись яркие васильки – и от неожиданности девушка даже отдернула ногу. Цветы исчезли. Незнакомка поколебалась, снова шагнула на газон – и опять вокруг ступни распустилась целая клумба.

– Как ты это сделал?! – Кофейные глаза изумленно округлились.

– Теперь нужно записать результаты, – деловито сообщил Андрей и достал из заплечной сумки тетрадь, щелкнул кнопкой ручки: – Назовите, пожалуйста, свое имя, адрес и номера доступных телефонов.

– Ты меня клеишь? – широко улыбнулась девушка, отступая с газона обратно.

– Я с тобой знакомлюсь, – уточнил студент-медик. – Меня зовут Андрей, учусь в меде, холост, свободен, здоров.

– А я уже почти замужем, – виновато развела руками девушка, наклонилась и поцеловала его в щеку: – Спасибо за фокус, Андрей! Впечатлил…

Она засмеялась, отступив, помахала ладошкой и снова побежала через парк.

– Так как тебя зовут?! – крикнул ей вслед молодой человек.

– Катерина!!! – на миг развернулась девушка и побежала дальше.

– Ну вот, что же всегда так не везет? – разочарование наполнило душу Андрея горечью. Ведь он уже почти завладел незнакомкой – ее интересом, ее помыслами. И вдруг – бац! Тайна унеслась, лишь слегка коснувшись его щеки своим краешком. Ее словно выдернули из-под самого носа, слегка поманив соблазном. И от того потеря показалась втрое желаннее.

Впрочем…

Катя явно испытала неловкость из-за своего «почти замужества». И она назвала свое имя! Похоже, девушка тоже была не против более близкого знакомства и ушла через силу, перешагнув через собственные желания просто из порядочности.

– Порядочность – это хорошо… – решил Андрей и потянул

носом воздух. – Но ведь «почти» – это еще не замужем. Ты пока свободна…

Он уловил жасмин и мускус с горчинкой и резко сорвался с места, стремясь успеть к цели, пока легкий путеводный аромат еще не рассеялся.

Запах провел молодого человека через парк во двор одного из домов ближайшего квартала, указал нужный подъезд панельной многоэтажки – закрытый, правда, на кодовый замок. Дождавшись выходящего жильца, Андрей скользнул внутрь, побежал вверх по лестнице, пока на пятом этаже не почувствовал заветный аромат. Медленным шагом он прошел мимо дверей и без труда обнаружил квартиру, возле которой запах обрывался.

– Подожди немного, я скоро, – попросил он китайскую железную дверь и скатился обратно по лестнице.

Но уже через двадцать минут молодой человек опять стоял перед нею, держа в руках большой букет алых роз, пахнущих дешевым одеколоном. Андрею эта маркетинговая хитрость не нравилась – но в найденном поблизости магазинчике других приличных цветов просто не имелось. Впрочем, молодой человек давным-давно заметил, что мало кто из окружающих различает запахи так же хорошо, как он, – и уверенно нажал кнопку звонка.

За дверью послышались шорохи, негромкие переговоры. Но потом щелкнул замок, створка распахнулась.

– Как ты меня нашел?! – Девушка была в черном топике и коротких шортах.

– У меня же сохранились данные эксперимента! – вскинул брови Андрей. – Так что ничего сложного.

– Мой след на траве и имя?

– Было бы желание, и хватит даже запаха духов.

– Однако ты умеешь удивлять, – покачала головой девушка. – Только я уже говорила. Я не свободна. У меня имеется жених.

– Может быть, ты расскажешь об этом подробнее? Например, сегодня вечером на концерте. Надеюсь, ты любишь авторскую песню?

Катя заколебалась, глядя в глаза настойчивого гостя. И тут в прихожей появилась круглолицая, среднего возраста, комплекции и роста женщина в махровом халате, остановилась:

– Какие роскошные цветы! Давно не видела таких красивых.

– А это вам, – улыбнулся женщине Андрей.

– Мне? – удивилась та и чуть взбила крашенные охрой кудри. – В честь какого праздника?

– В благодарность за чудесную дочь.

– О-о, как это галантно! – расплылась женщина в широкой ответной улыбке, приняла букет. – Но ведь вы не Вадим, верно?

– Это Андрей, мама, – посторонилась девушка, пропуская гостя в квартиру. – Просто знакомый, студент из медицинского института. Их корпуса от нас через парк.

– Медик? – вскинула голову женщина. – А вы не могли бы посмотреть мое плечо? Уже полгода болит, измучило совсем!

– Мама! – взмолилась Катя.

– А чего не посоветоваться с другим врачом? – не поняла женщина. – Доктор наш про нервы постоянно что-то непонятное говорит да таблеток на семь тысяч выписал. Вот только толку никакого!

– Конечно, посмотрю, – согласно кивнул Андрей, но уже без улыбки, и опустил заплечную сумку под вешалку.

– Я сейчас, цветы в воду поставлю. Доченька, ты доктора в комнату проводи. Не здесь же он осматривать будет.

– Ты же просто студент! – зашипела на гостя девушка.

– Четвертый курс, – гордо вскинул растопыренные пальцы Андрей.

– Недоучка!

– Мне же не операцию на сердце делать нужно.

– Мне раздеваться? – громко спросили из-за двери.

– Нет, обнаженного плеча хватит! – ответил гость.

– А может, ты извращенец? – подколола его Катерина.

– Почти угадала, – согласился студент. – Показывай, где руки мыть.

В небольшой комнате с диваном и кроватью он усадил женщину на стул, потрогал плечо сперва пальцами, медленно вдавливая их, потом размял больное место между ладонями. Больная охнула.

– Мне нужен шерстяной шарф и горчица, – потребовал от Кати гость. – А вам, леди, горячий чай с малиной или медом.

– Какой шарф и зачем горчица? – потребовала ответа девушка.

– В каком-то из мест, где твоя мама долго находится, ей дует в плечо. И постоянно выстуживает мышцу. Избавьтесь от сквозняка, поносите на плече шерстяную повязку, слегка присыпанную горчицей, через неделю все пройдет, – пообещал Андрей и уточнил: – На ночь повязку можно снимать.

– Я же говорила, мама, давай эту форточку просто заколотим! – всплеснула руками Катя.

– Так ведь тогда кухню вообще не проветрить, – возразила женщина. – Там и так не продохнуть!

– Может, я посмотрю? – предложил гость.

– Не нужно, Андрей, – отрицательно покачала головой девушка. – Мы уже деньги отложили, осенью стеклопакеты

поставим.

– Тогда оставшееся время хотя бы не подставляйтесь, пожалуйста, – посоветовал студент больной.

– Спасибо, юноша, у вас золотые руки, – натянула халат на плечо женщина. – Пойду тогда чай поставлю. На вас заваривать?

Молодые люди не ответили, и она махнула рукой:

– Ну ладно, – вышла из комнаты.

– Опять удивил, – признала Катя. – Спасибо.

– Мне несложно, – покачал головой Андрей. – Я ведь в мед пошел потому, что лечить более-менее получается, а не для того, чтобы там научиться. И как насчет концерта?

– Я чувствую подвох! – усмехнувшись, ткнула его пальцем в грудь девушка. – У тебя все и всегда с неожиданностью. Колись!

– Выступление будет в ресторане. Музкафе «Три коровы». Столик, вино, возможность поболтать.

Катя с какой-то грустинкой улыбнулась, покачала головой:

– Почему ты не появился раньше, Андрей? – Она слегка развела руки. – Теперь все. Время свиданий кончилось. Я выхожу замуж.

– Муж, семья, достаток и спокойствие? Все, как положено, согласно графику? – прищурился Андрей. – Нашлась удачная партия, и страшно ее упускать? Это чертовски перспективный парень или состоявшийся серьезный джентльмен?

– Мы знакомы всего три часа! – В голосе Кати появился холод. – Кто ты такой, чтобы читать мне нотации? И что ты можешь про меня знать?

– Очень многое, – склонил голову набок молодой человек. – Например, за минувшие три часа ты три раза сказала, что выходишь замуж… но ни разу не ответила мне, что любишь другого.

– Ты еще и психолог?

– Ты будешь жить в покое и благополучии, но никогда не узнаешь счастья, – взял ее за руку Андрей. – Потому что ты всегда будешь тосковать о любви. Любовь – это такая штука, которую легче потерять, чем не узнать ее вовсе.

– Откуда в тебе старческая мудрость, студент-недоучка? – хмыкнула девушка.

– Наслушался, – пожал плечами Андрей. – Пациентки любят в жилетку поплакаться. Чего им еще делать в процедурке, пока тянется плазмофорез, кроме как не на судьбу свою жаловаться?

– У тебя на все ответ готов, как я посмотрю. – Свою руку девушка так и не забрала. – Тогда посоветуй, студент, что мне делать? Ты ведь знаешь меня целую вечность. Больше трех часов. Бросить все и пойти искать любовь? Так, что ли? Но только ради

чего ломать себе судьбу? Мужа надежного и достаток на что променять? На призрачную фантазию? Может, ее и нет вовсе, любви этой?

Девушка стояла перед ним, глядя в глаза, и наполнялась холодом. Холодом ужаса, холодом безнадежности, холодом предчувствия. Холодом, от которого лопаются души и судьбы, – молодой человек ощущал, как морозные колючие льдинки осторожно перебираются с пальцев девушки на его ладонь, крадутся наверх, стремясь выстудить и его тело. Но взгляд Кати заворожил его, не позволяя отдернуть руку, оторваться на безопасное расстояние.

«А может, и нет у нее снежно-белых губ? – вдруг подумал Андрей. – Может, это я, и только я вижу ее такой? Мерзлой, оледеневшей? Может, это только мне, единственному, хочется ее отогреть?»

– Ты когда-нибудь встречал любовь? – придвинувшись ближе, вскинула подбородок девушка. – Ты сам? Поклянись, что она есть! Вдруг поверю?

– Отдай свою судьбу мне, – прошептал Андрей, и теперь уже по его спине пробежал холодок предчувствия.

– После трех часов знакомства? – Катя покачала головой. – И что я получу взамен?

– Мое сердце.

– И все?

– Так больше у меня ничего нет, – чуть пожал плечами молодой человек.

– Ты хочешь, чтобы я отдала себя всю в обмен на твое сердце?

– Все на все, – тихо произнес он.

– Это безумие. Мы даже незнакомы!

– Это безумие, – кивнул Андрей. – Ты согласна?

Катя облизнула свои снежные губы, ее пальцы задрожали. Она закрыла глаза, с силой сжала веки и вдруг выдохнула:

– Да! – Она сглотнула. – А!.. Да-да! Забирай меня всю! Только скорее, пока я не передумала!

Андрей обнял девушку и крепко поцеловал ее. Затем потянул за собой, бегом уводя из квартиры. И снова целовал – в лифте, в такси, на улице, на лестнице, у себя в комнате, торопливо срывая с нее одежду, и в постели, уже став с нею единым целым, целовал жадно, нетерпеливо – словно без Кати всю свою жизнь умирал от жажды и теперь никак не мог утолить ее…

Жажда отпустила его только в вечерних сумерках – чтобы уступить место усталости, неуловимой дреме, и потому в реальность молодого человека вернула испуганная фраза:

– Это что, уже утро?

Андрей открыл глаза, увидел рядом спину сидящей девушки, тоже поднялся, обнял ее за плечи, поцеловал в шею. Катя чуть наклонила голову, прижимаясь к его щеке своей. И вдруг испуганно проронила:

– Что же я теперь маме скажу?

– Хочешь, я сделаю так, чтобы она не вспомнила про твое отсутствие?

Девушка покачала головой:

– Нет, лучше я позвоню… Боже, что я натворила? – выдохнула она.

– Изменила свою судьбу. – Молодой человек опрокинул гостью на спину, поцеловал в горячие пунцовые губы, потом в глаза, пригладил волосы, губами опустился ниже, от подбородка к ключице, к груди.

– Ну и ладно! – засмеялась она. – Словно гиря с души упала. Пусти, мне нужно отлучиться…

Девушка поднялась и вышла из комнаты.

Андрей тоже поднялся, сладко потянулся, подошел к окну, выглянул наружу:

– Солнце над крышей. Похоже, институт сегодня в пролете…

– Мы все проспали! – отозвалась Катя, входя в комнату. – День в разгаре… Ого, что это?!

Андрей повернулся к ней, и девушка увидела татуировку размером в половину его груди: вписанную в круг свастику, которую окаймляли языки пламени. По краю круга шли угловатые, словно ломанные, руны, напоминающие вавилонскую клинопись.

– Коловрат, знак солнца, – развел плечи молодой человек. – Знак огня и вечных перемен. Плюс защита от чар, невезения, порчи.

– Ты сделал себе татуировку свастики? – свистяще прошептала Катя. – Ты что, из этих? Которые таджиков и узбеков убивают?

– Я что, похож на идиота? – не понял парень. – Таджики и узбеки приезжают сюда строить, копать, мыть лестницы, подметать дворы. Работать, делать Русь сильнее и богаче. Если их убивать, изгонять полезные рабочие руки, здесь воцарится грязь и вонь. Какая польза от этого арийской расе? Убивать нужно тех, кто унижает русских, предает и позорит нас. Но это уж точно не узбекские дворники!

– Господи, почему я всего этого не заметила вчера? – пробормотала, в ужасе оглядываясь, Катя.

Если не считать обычного шкафа и постели, комната студента-медика напоминала шаманский схрон. Полки, пусть

покрытые лаком, были грубо вытесаны из толстых досок и покрыты рунами. Сверху на них стояли книги, учебники и справочники – а снизу свисали украшенные перьями и когтями палочки, бубен с беличьими хвостами, какие-то бутылочки и берестяные туески. В углу стояли два посоха, над дверью висели ветки полыни, на стенах, прямо поверх обоев, шла цветная роспись в зверином стиле, кружилось на нитках еще несколько коловратов, и даже на потолке – и то красовалась свастика.

– Вчера я тоже, кроме твоих глаз, ничего вокруг не видел…

– Ты нацист и неоязычник… – сглотнула Катя. – Почему же мне так не везет? Почему мои парни всегда оказываются отморозками?!

– Подожди! – вскинул ладони молодой человек. – Я сейчас все объясню.

Наверное, попытайся Андрей ее схватить, Катя бросилась бы бежать. Но он, наоборот, отступил, глубоко вдохнул, распахнул окно, вытянул руку наружу. Через несколько мгновений на нее села синица и принялась деловито чистить перышки. Молодой человек широким плавным движением поднес птицу гостье:

– Ее можно потрогать…

Катя от увиденного чуточку ошалела и на миг расслабилась, провела симпатичной пичуге пальцем по голове:

– И к чему этот фокус?

Молодой человек щелкнул над синичкой пальцами – и внезапно на руке его распахнул крылья огромный остроклювый орел! Оттолкнулся, в несколько взмахов одолел расстояние до окна и вылетел наружу. По комнате закружились сдутые со своих мест листы бумаги, какой-то сор, коричневые перья.

– Ого!!! – отшатнулась к стене гостья. – Что это было?

– Прежде чем ответить, я должен тебе кое в чем признаться, – щелкнул пальцами молодой человек, и окно закрылось. – Я вовсе не фашист, не сектант, не отморозок и не неоязычник. Уж совершенно точно – не «нео». Я самый что ни на есть реальный.

– Реальный – кто? – не поняла девушка.

– Ты только не пугайся… но я колдун, – развел руками Андрей. – Так уж получилось. От меня это совершенно не зависело.

– Лучше колдун, чем нацик, – нервно хохотнула девушка. – Но еще лучше просто фокусник, чем колдун. Или ты сам во все это веришь?

– Фокусникам трудно заниматься врачеванием, – чуть скривился студент-медик. – А оно мне нравится больше, чем создание мороков или мелкие выигрыши на ипподромном тотализаторе.

– Ты делаешь ставки на ипподроме?!

– Стипендия маленькая, а жить на что-то надо, – повинился Андрей. – Но я редко и по мелочи, чтобы не привлекать внимания.

– То есть ты снимаешь эту квартиру? – гостья ненароком выдала свои тайные мысли.

– Нет. Я ее купил… – полушепотом признался молодой человек. – Еще на первом курсе. На самом деле иметь некоторые колдовские способности – это не так уж плохо.

Андрей заговорщицки ей подмигнул.

– Похоже, что да… – заметно успокоилась гостья.

– И теперь, когда ты знаешь все, хочу спросить еще раз… Ты готова обменять свою судьбу на мое сердце? – Андрей протянул ей ладонь, на которой пульсировало самое настоящее, живое окровавленное сердце. Быстро сжал кулак, разжал – и на ладони оказался крупный алый бутон розы. – Последний шанс убежать…

Катя взяла бутон, понюхала. Стрельнула глазами по сторонам, вдохнула, выдохнула, покачала головой:

– Вчера я решилась на самое настоящее безумие, Андрей… Ты даже не представляешь, каково это: вдруг взять и сломать свою судьбу из-за случайной встречи! У меня было такое чувство, что я сделала шаг в пропасть. – Девушка подняла лицо и посмотрела ему в глаза. – Из пропасти не возвращаются, колдун. Я решилась, и теперь моя судьба принадлежит тебе. Что ты будешь делать с нею, чародей?

– Любить… – Андрей взял ее лик в ладони и стал целовать со вчерашней жадностью.

В этот раз их страсти хватило всего на пару часов, и к полудню молодые люди все же выбрались из постели, переместившись на кухню. Как были, так и переместились – обнаженными.

– Чего желает моя обожаемая королева в это время суток? – поинтересовался Андрей. – Только предупреждаю, что кроме кофе, сосисок и консервированных персиков в доме ничего нет.

– Ты же колдун! – Катя села на подоконник, привалившись спиной к косяку. – Хлопни в ладоши, и пусть появится!

– В смысле заказать доставку? Но тогда проще спуститься в кафе. В соседнем доме есть очень неплохое.

– Это профанация! – рассмеялась девушка.

– Это прогресс. – Чародей достал из кухонного стола большую консервную банку. – Иногда мне кажется, что высокое искусство магии убила служба доставки. Точно так же, как фотография уничтожила живопись, кино похоронило вертепы, а телефоны истребили почтовых голубей.

– Ничего, компьютеры отомстят им за всех, – улыбнулась Катя. – Андрей, а как ты стал чародеем? Разумеется, если это не затянувшаяся шутка…

– Нежить научила. – Молодой человек вывалил компот из банки в большую стеклянную чашу, заправил кофеварку. – Когда я был еще совсем маленьким, ко мне приходили забавные мохнатые существа, прилетали криксы, похожие на клыкастых младенцев с крылышками, со мною играли на улице белки и птицы, пытались говорить памятники и мертвецы, помогали с игрушками домовые. Было забавно, и родители смеялись, когда я этим хвастался. А после пяти лет каждое полнолуние стала появляться тень, которая учила меня заклинаниям, оберегам, управлению животными и людьми, наведению мороков, целительству. Услышав про нее, папочка и мамочка, вместо того чтобы похвалить, – Андрей налил в кофеварку воды, – отвели меня к психиатру. И там мне очень-очень не понравилось, еле отбился. С тех пор я вел себя так, чтобы к злому доктору больше не попадать. Потом, когда я показал кое-что с птичками и конфетами в школе, ребята стали требовать, чтобы я раскрыл секрет своих фокусов. Даже бить пытались… В общем, я быстро понял, что о своих возможностях лучше помалкивать. Скромность – второе счастье. Тебе покрепче?

– Да, – кивнула Катя. – То есть никто ни о чем даже не подозревает?

– Когда я закончил школу, то счел себя самым умным… – Андрей подставил чашки под две коричневые струйки. – В итоге добрые люди написали на меня в прокуратуру кляузу за незаконное предпринимательство, шарлатанство, мошенничество, гипноз, вымогательство и чего-то там еще. Правда, все больные, которых я вылечил, писать заявления отказались, и дело заглохло. Нет заявления потерпевших – нет состава преступления. Нет преступления – нет следствия. Но я в очередной раз понял, что скромность украшает. И что мне крайне нужен медицинский диплом. Это ведь полезно и для общего образования, и лечить можно будет без оглядки, кого только захочу и как захочу… – Колдун поставил чашки с напитком на стол, по сторонам от вазы, и указал ладонью: – Прошу! Теперь твоя очередь рассказывать, моя королева. Почему всех своих парней ты считаешь отморозками?

– На роду, наверное, написано, – пожала плечами Катя, забирая кофе и возвращаясь на подоконник. – В школе сдружилась с Германом, парнем – мечтой всех подружек. Он постоянно устраивал розыгрыши, не мог пройти мимо таблички «Вход воспрещен» и не влезть, где-то что-то приворовывал, где-то

отнимал, но с шутками и прибаутками. Тогда мне казалось, что это очень круто, что так и нужно жить. А потом он убился, пытаясь сделать селфи на карнизе высотки. Мне повезло, что с ним в тот раз впервые была не я…

Андрей протянул ей чашку. Девушка отрезала ложкой кусочек персика, отправила в рот:

– Спасибо! Вот… После школы познакомилась с отличным мужиком. Солидный, обеспеченный, ласковый. Как он умел ухаживать!!! Но однажды не пришел на свидание, перестал отвечать на звонки. Оказалось, посадили. Перебивал номера на угнанных авто. Я побилась головой о стену, поругалась с мамой и для успокоения отправилась с подружкой Ольгой на мотоциклетный фестиваль. В тот же день познакомилась там с отличным парнем. Уверенным в себе, веселым, не жадным. И главное, я ему страшно, до дрожи, нравилась. Прямо души не чаял. И все было хорошо, пока однажды не случилась размолвка и я не попыталась хлопнуть дверью. Тут Вадим вдруг достал пистолет и пообещал меня пристрелить, если я его брошу. Оказалось, что он бандит, самый настоящий. Какой-то рынок они там «держат», и все такое. Ты представляешь, как я испугалась, увидев эту свастику у тебя на груди? Мало мне было уголовников, так теперь еще и наци!

– И ты согласилась выйти замуж за бандита?

– Ты плохо слышал, Андрей? – Катя шумно втянула ноздрями воздух. – Если бы я отказалась, он бы меня убил! Мне что, нужно было бежать из дома, менять внешность, прятаться? Я немного поплакала, а потом подумала, что относится он ко мне неплохо, деньги у него есть. Скоро его грохнут или посадят, и все достанется мне. Вот и согласилась.

– Офигеть, какая прагматичность! – рассмеялся молодой человек. – Не ожидал.

– Дурак ты, Андрей, – вздохнула девушка. – Знаешь, какая мечта была у меня в детстве? Думаешь, о любви и принце? Нет. Я мечтала разбогатеть. Так сильно, чтобы можно было кушать каждый день все, чего захочу и сколько захочу. Отец бросил нас, я еще маленькая была, даже алиментов никогда не видели. Мама – учительница в младших классах. Так что кофе с персиками на завтрак не кушали. Я не хочу возвращаться к той жизни. И детям своим ничего подобного не пожелаю. И к черту любовь!

– Любовь не спрашивает, мечтаешь ты о ней или нет…

– Спасибо, я в курсе. – Девушка доела персик. – Когда у меня все уже наладилось и я стала уверена в своем будущем, в меня вдруг врезался на тропинке тощий студент-недоучка, о котором я не знала ничего, кроме имени, и я в тот же день сбежала с ним из

дома. Вот скажи мне, Андрей, что это было? Любовь, или я просто умом тронулась? Как можно отличить одно от другого? Ты же медик, должен разбираться!

– Чтобы ответить на подобный вопрос, мне нужно провести полный врачебный осмотр, – ответил молодой человек и отставил чашку. – Кашля, хрипов, высыпаний нет?

Свой осмотр он почему-то начал с коленок, причем проверял их губами, с каждым поцелуем поднимаясь все выше и выше – пока девушка не застонала, прикусив губу. Ее дыхание участилось, пальцы вцепились в волосы Андрея, и она забыла про все на свете, кроме омута сладострастия, в котором топила обезумевшую Катерину его ласка.

Влюбленные утомились от сладкой борьбы, лишь когда за окном начало смеркаться.

– Персики, доставка пиццы или ресторан? – лаконично спросил молодой человек.

– Персики, – раскинувшись на постели, лениво ответила Катя. – Ты, персики и прохладный душ – вот все, чего только я желаю от этой жизни. Ты можешь остановить это мгновение навсегда, колдун?

– Лучше я сделаю его только началом, – пообещал Андрей. – Каждый день, когда ты будешь просыпаться в моих объятиях, ты пожелаешь сохранить навсегда именно это новое мгновение.

– Так не бывает, колдун… – простонала многоопытная девушка.

– Во всяком случае, я постараюсь, – немного ослабил уровень своих обещаний Андрей.

– Когда-нибудь… – начала было отвечать Катя, но тут из охапки ее одежд, лежащих у стены, послышалась мелодичная мелодия. Девушка перекатилась на край кровати, дотянулась, выудила смартфон, посмотрела на экран и совершенно блаженным голосом произнесла: – Ах да, я совсем забыла, меня же скоро убьют…

Она провела пальцем по стеклу, поднесла телефон к уху:

– Привет, Вадим! Я встретила другого человека, влюбилась и уже целые сутки изменяю тебе с ним. Так что замуж за тебя я не выйду. Пока! – Она выключила телефон и кинула его в стену. Села в постели: – Андрей, подойди, пожалуйста, ближе, я хочу тебе кое-что сказать. Андрей, я люблю тебя! Я люблю тебя больше жизни, я люблю тебя так, что согласилась умереть ради проведенной с тобой ночи. И мне почему-то совсем не жалко и не страшно. Хотя бы поцелуй меня, Андрей, на прощание! Наверное, безумие и любовь – это одно и то же. Неизлечимая смертельная болезнь…

Молодой человек вернулся к девушке, крепко поцеловал ее алые губы, потом покрыл поцелуями лицо, шею, стал спускаться губами по телу, постепенно изгоняя из сознания Кати дурные мысли, разжигая огонь страсти, наслаждения, желания, превращая его в неистовый вулкан чувств, взрыв которого окончательно опустошил силы девушки, и она провалилась в глубокий безмятежный сон.

Андрей еще долго лежал рядом, опершись на локоть, и любовался обнаженным телом. Из созерцания его вывел шорох в углу. Молодой человек вздохнул, вытянул руку, провел ладонью над головой девушки, поднялся, негромко сказал:

– Мертвой воды принеси… – И, распахнув окно, вскинул руки ладонями вверх.

Спустя несколько минут разошлись невидимые облака, комнату озарил холодно-желтый свет яркого полумесяца. Молодой чародей подставил ему лицо, словно под струи воды, покрутил головой, вдруг резко повернулся, снял с полки тонкую восковую свечу, зажигалку, запалил фитилек. Оставил на подоконнике разгораться, открыл стоящую там же шкатулку, достал медальончик с янтарной вставкой, дунул, подержал в кулаке, положил девушке вниз живота; пробежался пальцами по свисающим туескам, раскрыл два из них, измельчил пальцами лежащие там гранулы, вскинул над девушкой, подхватил свечу, начертал над нею в воздухе размашистые руны, пробормотал:

– Земли отчие, воды текучие, прах родовой, небеса вечные призываю…

Пятиконечная руна с соединенным основанием слабо засветилась, словно развеянный порошок загорелся в воздухе. Колдун вернул свечу на подоконник, взял с полки короткий нож, срезал с головы девушки несколько волос, несколько с себя, быстрым движением скрутил их в простенький узелок.

– … при вас, по воле доброй, связываю плоть свою с плотью девы сей во единое целое, и быть сему единым, покуда узел сей не будет развязан… – Андрей поднес прядь к огню свечи. Волосы затрещали, скручиваясь и обращаясь в легкий дымок. Колдун подул на него, отправляя за окно: – Лети, облако, через овраги глубокие, через леса густые, через горы высокие, через море-окиян на остров Буян. Опади, облако, на бел-горюч Алатырь-камень. Пусть помнит всегда вечный Алатырь-камень, что не найти никому узла сего ни в воде, ни в земле, ни на небе, что не развязать его более ни смертному, ни бесплотному, ни живому, ни всякой нежити отныне и во веки веков!

Чародей еще раз дунул, выгоняя дымок наружу, оставшийся прах осторожно высыпал в медальон, капнул на него со свечи

чуток воска и тут же сжал пальцами огонь, гася трескучее пламя.

Послышался шорох, мелькнула неясная тень. На подоконнике появилась деревянная плошка размером с ладонь, внутри покачивалась вода. Колдун опустил в нее щепоть, быстро и уверенно начертал влагой вокруг медальона несколько вписанных одна в другую рун: кружок вокруг украшения, ломаную линию вокруг кружка, несколько знаков справа и слева, выше и ниже. Сходил в прихожую, снял со стены зеркало, поставил его на подоконник так, чтобы лунный свет большим желтым овалом падал на янтарное украшение.

– Земли отчие, воды текучие, прах родовой, небеса вечные призываю, – повторил он начало заклинания, – быть единой плотью мне с девой сей отныне и до часа последнего, и да будет ее беда бедой моею, ее радость моею радостью, ее боль моею болью, ее счастье моим счастьем. Пред тобой, хозяйка ночи, клянусь, что не оставлю ее ни в беде, ни в болезни, ни в горести, и призываю тебя сей клятве в поручители. И да станет час нарушения сей клятвы моим последним часом! – Андрей взял с подоконника плошку с мертвой водой. – Земли отчие, воды текучие, прах родовой, небеса вечные, владычица ночная… Примите сию клятву и отдайте мне плоть девы сей. Да буду един я с ней, как един с дыханием, душой и помыслом своим. Отныне и навеки!

Колдун склонил голову, а затем решительно осушил чашу.

Лунный свет задрожал, и светящаяся над девушкой руна медленно опустилась на обнаженное тело.

* * *

Разбудил Катю аромат кофе. Девушка приоткрыла глаз, повела носом, потом посмотрела на молодого человека.

– Похоже, хотя бы ты реален, – зевнув, пробормотала она. – Никак не могу понять, что было сном, а что происходит наяву?

– Все. – Андрей поставил чашку в изголовье, разжал правый кулак. Из него вывалился и закачался на коричневой суровой нити небольшой кулон: желтый камушек в серебряной оправе, похожей на раскрывшую крылья бабочку. – Вот, возьми. Это амулет любви. Там чуток моей крови, мой волос и еще кое-что. Заговорен в полночь на твоем лоне. Если с тобой что-нибудь случится, я сразу почувствую. Но на цепочке носить нельзя, почему-то не работает, так что на эту нить не пеняй. Надень.

– Кажется, я пропустила что-то интересное?

– Ничего особенного, – поцеловал ее молодой человек. –

Демоны были как демоны, феи как феи, лешие как лешие. Все как всегда.

– Кто-о?! – округлились глаза девушки.

– Да шучу, шучу, – поднялся молодой чародей. – Обычный заговор. Я поклялся Луне, что отныне моя плоть и кровь – твоя плоть и кровь, и владычица ночи соединила нас воедино. Твоя боль отныне – моя боль, твой страх – мой страх, моя квартира – твоя квартира. Ну, и так далее. Вот ключи, у меня запасной комплект уже три года валяется. Чашку молока и городскую булку на кухне у холодильника не трогать, это для маленьких помощников. Залетающих птиц не гонять, с волками здороваться, ястребам когти не стричь. В общем, все как положено.

Катя засмеялась, поднялась:

– Наверное, мне никогда не понять, что ты говоришь всерьез, а что в шутку.

– Шутки шутками, но гости у меня бывают разные, – предупредил Андрей. – Бояться их не нужно, но и пугать тоже. Мне пора на лекции. А ты, если тебя что-то тревожит, можешь остаться здесь. В столе сколько угодно персиков, я как-то по жадности целый ящик купил, пароль вай-фая записан на роутере. Захочешь заказать еду с доставкой, деньги у крокодила в пасти. Он тоже заговоренный, но твои пальцы откусить не должен. Ты же теперь моя плоть и кровь, обязан принять за меня.

– Ты знаешь, я, пожалуй, проверять не стану, – мотнула головой девушка. – И тоже пойду на лекции. Добровольно отбывать пожизненное, пусть даже в твоей постели, не собираюсь. Разберусь как-нибудь с Вадиком, трястись от страха не стану. Через эту проблему нужно перешагнуть, разрубить узел раз и навсегда. А то всю жизнь придется прятаться.

– Все будет хорошо. – Андрей надел ей на шею медальон. – Тогда давай истребим наличные сосиски и разойдемся по институтам.

* * *

Опасения Катерины воплотились в реальность после второй пары, когда в просторном и прохладном коридоре института ее вдруг резко схватил под локоть крепкий, коротко стриженный парень в кожаной куртке:

– Ну-ка пойдем!

– Пусти, Вадим! – громко крикнула Катя. – Я же сказала, все кончено!

– Бегом пошла, шлюха! – рванул ее сильнее парень. – Я тебе

покажу, чем поблядушки для вас, сук, кончаются! Хочешь трахаться со всеми, так будут тебе все! У тебя теперь вся жизнь одним субботником будет, пока не сдохнешь.

– Девушка же сказала, что не хочет нику…

Вадим не дослушал однокурсника, попытавшегося вступиться за несчастную, – отпустив Катю, бандит резко и неожиданно ударил его в живот и сразу снизу вверх в челюсть. Студент отлетел на несколько шагов и рухнул на спину, а бритый парень поймал за волосы попытавшуюся убежать жертву:

– Ку-уда, сучка?! У тебя сегодня особый день! Шлюхин праздник. Пошла, сказано!

– Полиция уже едет! – показал смартфон еще один студент, заступая им дорогу. – Я все заснял!

– Ну и подрочи на свое видео! – посоветовал бритый. – Сам уйдешь, или зубы пересчитать?

Студент отступил, и Вадим отправил несостоявшуюся жену пинком вдоль коридора:

– Пошевеливайся, шлюха!

– Помогите, кто-нибудь! – взмолилась Катя.

– Они в фейсбуке лайки за тебя соберут, – презрительно хмыкнул Вадим, намотал ее волосы на руку, вынудил подняться. – Шевели лапками, сучка! Побежали, побежали!

Он уже вывел девушку на крыльцо, когда кто-то мимоходом приподнял Вадиму локоть – и в тот же миг бандит согнулся от острой боли в боку.

– Это была методичка по барбитуратам, – пояснил, склонив голову набок, высокий темноволосый и худощавый паренек. – Очень тяжелая вещь. Особенно в смысле зачета. На всякий случай предупреждаю, что я по образованию хирург, и резать людей для меня никакой моральной сложности не составляет. А еще я хорошо знаю анатомию и могу убить тебя даже скомканным листом бумаги. Так что…

– Тварь! – Вадим взял себя в руки и резко ударил врага сразу из полусогнутого положения. Но кулак врезался в книгу, а паренек исчез. И уже в следующий миг бандит ощутил у себя в ноздре что-то твердое.

– Не дергайся, а то колпачок в мозг войдет, – посоветовал студент-медик. – Теперь выбирай. Или мы заканчиваем беседу в отделении, за просмотром видео с твоими здешними похождениями, или я вынимаю ручку и ты тихо-спокойно уходишь. Какой вариант нравится больше?

– Ухожу… – прохрипел Вадим, поняв, что пугающе спокойный хлюпик не шутит.

– Молодец, быстро схватываешь…

Стержень из носа исчез.

Вадим сбежал вниз на несколько ступеней, оглянулся:

– Еще увидимся, – и стал быстро пробираться через толпу собравшихся зевак.

– Андрей! – Катя кинулась к молодому человеку, крепко его обняла. Но все же буркнула: – Зря ты его отпустил. Лучше бы сдал в полицию.

– Ты забываешь, – поцеловал ее глаза чародей, – что я нацист, неоязычник, убежденный ариец, русский активист и все такое с полусотней приводов. Если бы мы с твоим бандитом попали в ментовку, то не факт, что посадили бы его, а не меня. С точки зрения прокуратуры он по сравнению со мной просто голубь мира.

– Ты же говорил, что не нацист! – чуть отшатнулась Катя.

– А менты не верят, – пожал плечами Андрей. – Вернешься на лекции или забьешь на учебу и пойдем обедать?

– Не знаю… – заколебалась девушка. – Вдруг Вадим вернется?

– Тогда я тоже вернусь… – Молодой человек положил ладонь ей на грудь и слегка нажал пальцами на невидимый под топиком кулон. – Пока амулет на тебе, я чувствую все, что с тобой происходит.

– Да? – Катя подняла руку, накрыла его ладонь своею. – Амулет? А он точно действует?

– Я же здесь, – улыбнулся Андрей. – Неужели не заметила? Пока амулет рядом с тобой, то считай, что я тоже рядом.

– Здорово… – Девушка наконец-то улыбнулась. – А если я тебе изменю, ты тоже ощутишь?

– Разумеется.

– Какая опасная вещь! – проникновенно произнесла Катя. – Я хочу себе такой же.

– У тебя ведь уже есть, – удивленно вскинул брови колдун.

– Не-е-ет, – покачала пальцем девушка. – Я хочу амулет верности, который будешь носить ты! Если я тебе отныне буду верна, то и тебе придется. Баш на баш.

– Амулет любви, – поправил молодой человек. – «И станут двое, как един человек». Что-то вроде колдовского оберега. Клятва мужчины в том, что он станет оберегать избранную…

– Не уходи от ответа. – Катя положила палец ему на губы. – Сделаешь?

– Тебе придется самой темной полночью принести самую черную клятву, – зловеще проговорил Андрей, – что отныне ты будешь плоть от плоти моей, кровь от крови, станешь частью меня в делах и помыслах. Причем развод этой клятвой не предусматривается.

– Я скажу больше, – так же мрачно сообщила девушка. – Ради этого я даже прогуляю последние пары. Веди меня, куда пожелаешь, мой герой!

– Тогда поехали. А то мне машину пришлось под знаком бросить. Как бы эвакуатор не утащил.

Через четверть часа Андрей остановил автомобиль возле красно-белого супермаркета, обогнул его справа и толкнул дверь в небольшую каморку под надписью «Ремонт ювелирных изделий».

– Привет повелителям золота! – поприветствовал он светло-русого мужчину лет тридцати, курчавого и с большими залысинами. Одет тот был в спецовку и густо пах моторным маслом.

– Привет волхвам! – кивнул мужчина, взял с прилавка очки и нацепил на усыпанный черными крапинами нос. – Какими судьбами в наших краях?

– Все как всегда, Михалыч. У людей томление душ. Нужны амулеты любви.

– Себе или клиентам?

– Тебе-то какая разница?

– Да так, интересно… – Мастер настолько пристально всмотрелся в девушку, что Катя невольно прикрыла грудь ладонью. Михалыч довольно ухмыльнулся, и девушка поняла, что выдала своего спутника.

– А почему волхв, а не колдун?! – с вызовом спросила она.

– Богам требы приносит, болезни целит, мудрости учит, чудеса творит. Значит, волхв. А колдун он притом, али физик-релятивист, или леший, лесной, то нам без разницы, – невозмутимо пожал плечами мастер. – Особые пожелания будут?

– Бабочки, – кратко ответил Андрей. – Янтарь можно черный.

– У меня, кстати, с насекомыми есть, – приободрился мужчина. – Пауки, комары, жуки, кузнечики. Недорого отдам. Клиентам понравится.

– Михалыч, – укоризненно покачал головой молодой человек. – Мне нужен настоящий, натуральный янтарь. На нитролак заговоры не ложатся.

– Так бы сразу и сказал, что себе, – невозмутимо парировал мастер. – Три дня нормально?

– Нормально.

– Тогда в понедельник вечером заходи.

– До свидания, – кивнула девушка Михалычу и ухватила за локоть выходящего из мастерской Андрея. – Чем дальше, тем интереснее! Так ты еще и волхв?

– Ничего особенного, – пожал студент-медик плечами. – Есть

много людей, которые чтут прошлое, уважают своих предков и богов. В дни великих языческих праздников мы собираемся вместе на природе, пируем, веселимся, возносим требы, проводим ритуалы. Поскольку толковые богослужения выходят только у меня, то место волхва за мной и закрепилось. Опять же травмы, болячки, отравления и прочие всяческие свадьбы, это тоже ко мне. Тут на втором этаже хорошее кафе. Перекусим?

– Ну, хоть раз в два дня не помешает, – согласилась Катя.

Вскоре они сидели за столиком, дожидаясь бизнес-ланча, и девушка опять проявила любопытство:

– А свастика на груди тебе тоже как волхву полагается?

– Свастику я еще в старших классах сделал, когда первые деньги появились, – признался Андрей.

– Зачем?

– Да потому что достали! – передернул плечами молодой человек. – Почему, стоит заговорить о своей земле, о своем народе, все сразу начинают кричать: «Нацист! Расист! Ку-клукс-клан! Ату его, ату!»? Почему я должен молчать о своих предках? Почему должен стыдиться того, что я настоящий ариец?! Почему мне должно быть стыдно, что именно мои предки построили священный Аркаим и открыли железо, что мои предки создали Трипольскую цивилизацию и возвели Змиевы валы, что наш народ всегда и неизменно бил и вонючих дикарей из Западной Европы, и разгульную степную вольницу? Что в этом дикого и постыдного? Почему я должен затыкаться и каяться за победы и величие своего народа?! Да, я ариец! И я горжусь этим!

– Андрей, тише. На нас оглядываются, – попросила девушка.

– Да молчу, молчу. – Чародей откинулся на спинку стула, но уже через несколько секунд качнулся вперед: – Вот ты говоришь, узбеков и таджиков убивают. А разве это они учат нас стыдиться самих себя, собственного народа, собственного прошлого? Вот смотри. Сейчас к нам гастарбайтеры из Азии приезжают, на стройках шестерят, это что означает? Что мы лохи ничтожные или все же развитая страна? Пятьсот лет назад к нам точно так же из Европы гастарбайтеры тысячами перлись. Как это в учебниках описывается? «Недоразвитые русские, не способные ничего сделать сами, приглашают специалистов из передового Запада». Когда мы полтора века назад Европу кровью умыли и запретили ей появляться в Черном море, это как называется? Ага, «поражение в Крымской войне»! А когда Швецию и Польшу раздолбали? Это уже «поражение в Ливонской войне». Ты можешь мне сказать, почему в нашей школьной программе нет ни единого научного, археологического, летописного, исторического факта, а излагаются только побасенки немецких проходимцев двухвековой

давности?! Почему нет ничего про святилище в Аркаиме возрастом в пять тысяч лет, про трехтысячелетние доменные печи окрест Русы, онежские камни с древними рунами, русские солярные диски в Костенках и Сунгири…

К столику подбежал официант, принялся расставлять тарелки и негромко сказал:

– Вы можете быть десять раз правы, юноша, но вас уже попытались снять на видео. Приятного аппетита.

– Кажется, я догадываюсь, как ты заработал свои пятьдесят приводов в полицию, Андрей, – вздохнула Катя, берясь за ложку.

– Естественно, – передернул плечами студент-медик. – Я же не бандит и не фрик, который с криком «Хайль!» кидается на дворников. Я опасен. Я знаю, что русских истребляют те, кто засирает ра-зум детям, кто учит подростков стыдиться арийского происхождения, русских богов, своих побед и достижений. Они не тело, они душу человеческую школьникам гноят. Ненавижу! – Андрей скрипнул зубами и сжал кулаки. – Я бы все наше министерство образования поубивал через одного! Дураков в Сибирь, снег убирать. А умных на виселицу бы отправил. Потому что уж они-то сознательно гадят, сознательно стараются выслужиться перед западными педиками!

– Милый, ты меня пугаешь, – совсем уже шепотом произнесла Катя.

Волхв из медицинского института сделал глубокий вдох, выдох и почти спокойно произнес:

– Не бойся, я не собираюсь бежать к роно и забрасывать его гранатами. Я отлично понимаю, что там сидят пешки, которые выполняют то, что приказано. Гомосечная мафия окопалась на самом верху. Но до нее так просто не добраться. Прячутся, что крысы, даже порчу на них не навести. Ни следа за ними, ни плоти не подобрать, ни подклада не подкинуть.

Девушка в задумчивости положила ложку.

– Прости, я больше не буду, – понял ее мысли Андрей. – Да, это твоя карма, ты опять связалась с отморозком. Но зато я уже почти вылечился. Хочешь – верь, хочешь – не верь, но Михалыч как-то сказал, что полностью на моей стороне, и предложил составить план вооруженной борьбы…

– И? – приободрила замолчавшего студента Катя.

– Я спекся на втором абзаце, – признался Андрей. – Не знаю, что и как делать? Не начинать же гражданскую войну с нынешними русскими за русское величие! Если уж и бороться за величие арийской расы, нужно придумывать другие методы.

– А что было в первом абзаце твоего плана?

– Заглавие.

Катя фыркнула и с усмешкой взялась за ложку.

Это маленькое происшествие научило девушку больше не задавать вопросы про свастики и язычество – а сам Андрей про арийцев и школы разговоров не заводил. Похоже – повзрослел, и прежний детский максимализм остался в прошлом. Студента четвертого курса девушки стали интересовать больше, чем арийское происхождение, – и Катя была чертовски рада, что именно она оказалась главной героиней этой перемены. Колдун из медвуза любил ее с той же страстью, с какой желал уничтожить министерство образования.

* * *

Три дня промелькнули незаметно.

Это был именно он – тот самый медовый месяц, когда не хочется ничего более, только обнимать любимого, целовать, ласкать и получать ответные ласки, тонуть в океане сладострастия, выныривать, немного переводить дух – и снова кидаться в бездну нежности. В первый день они питались только персиками из старых запасов, на второй – дважды заказывали пиццу и только на третий – вышли в магазин за новыми запасами провизии. Да и то лишь потому, что вечером все равно нужно было ехать к ювелиру.

Висящий на груди «амулет любви» обжигал Катину душу – ей невероятно хотелось повесить точно такой же на шею Андрея. Она нутром чувствовала – после этого он точно станет принадлежать ей одной. Безусловно и навсегда. Больше всего на свете она сейчас боялась, что внезапно обретенная сказка кончится, оборвется, что она проснется дома, в своей постели, и все происходящее окажется всего лишь сладким сном. Амулет обещал привязать к ней любимого крепко-накрепко и наконец-то избавить от страха потери.

Перед ювелирной мастерской неожиданно обнаружилось изрядное скопление людей. Человек двадцать, не меньше. Причем среди мужчин многие оказались не по моде бородаты и длинноволосы, да еще в рубахах грубой ткани, а женщины – с косами, гребнями в волосах и в свободных платьях. Иные и вовсе в легких и цветастых «цыганских» юбках.

– Смотрите, кто пришел! – обрадовались они при виде Андрея, всей толпой качнулись к нему. – Ты-то здесь откуда?!

– Привет, Соболь! – обнял молодой человек одного и тут же раскрыл объятия другому: – Привет, Кузня! Привет, Леший! Рад тебя видеть, Мирослава!

Катя отпустила руку спутника, отстала на шаг, но одна из девушек неожиданно ее обняла:

– Рада видеть тебя, милая! Хорошо, что ты приехала!

Незнакомка отступила, и ее место тут же заняла другая.

– Ты умница, что с нами! – обняла ее огненно-рыжая женщина лет тридцати. – А ты красавица! Прямо хоть на роспись.

– Привет, милая! – поцеловала ее в щеку еще одна девица.

В первый миг Катя растерялась, но потом поймала себя на том, что такое отношение ей приятно. И даже очень. Она стала отвечать на объятия и поцелуи и здороваться с этими людьми, словно с давними знакомыми.

– А мы тут решили собраться всем своим родом, посидеть, поболтать, повеселиться, – сказал бородатый мужчина с обильными кудрями соломенного цвета, перехваченными у лба веревочкой. – Столик в кафешке заказали. Вот Михалыча ждем. Он сказывал, последний клиент вот-вот появится, и он свободен. А тебя как сюда занесло, волхв?

– Совершенно случайно… – ухмыльнулся молодой колдун. – Вы совершенно случайно собрались именно здесь и именно сейчас? И не кинули мне даже простой эсэмэски?

– Не издевайся над волхвом, Соболь, – посоветовала женщина в длинном синем платье, опоясанная то ли золотой, то ли позолоченной цепочкой, глядя на Катю и удерживая девушку за руки. – Когда прошел слух, что наш суровый аскет и отшельник вдруг появился у Михалыча с юной чаровницей, да еще и амулеты любви заказал, трудно было удержаться и не посмотреть на его избранницу. И она хороша! – Женщина повернула голову к Андрею: – Ты собрался зажилить обряд?

– Михалыч стукач! – душевно выдохнул колдун.

Все дружно расхохотались.

– Раз уж ты проявил скромность, волхв, – похлопал его по плечу Соболь, – мы решили скинуться и устроить пирушку сами.

– Я просто хотел сделать амулет, – попытался оправдаться Андрей, однако вызвал только новый взрыв смеха.

– А обмен амулетами как это в мире русском называется? – хлопнул его по спине Кузня.

– Мы бы провозгласили семью на первых же требах!

– Тебе никто не запрещает, волхв. Но ведь амулеты ты получаешь сегодня. Значит, помолвка была? Что скажешь, красавица? Сговорились?

Катя уже успела проникнуться веселой дружелюбной атмосферой и потому просто вытянула за шнурочек свой кулон.

– Ур-ра!!! Качать молодых! – встрепенулись нео-язычники. – Качать!!! И несите их за стол!

Катя взмыла в воздух и зажмурилась от радости и внезапной невесомости.

Семь раз вспорхнув в вышину, она проплыла на руках в дверь, потом наверх и опустилась во главе накрытого стола.

– Чего теперь ждать? – тихо спросила она. – Будут кричать «Горько» и заставлять пить водку из туфельки?

– Даже не надейся, все будет намного хуже, – так же шепотом ответил Андрей. – По языческому обычаю нас уложат на снопах, поставят вокруг парусиновый полог, а сами станут пировать в паре шагов, громко давать советы и считать стоны… Но не сегодня. Постели на Медовый Спас выложат, когда в луга праздновать поедем. Сегодня просто что-то вроде помолвки.

– Если ты собрался меня напугать, – Катя нащупала его ладонь и крепко сжала, – то стараешься зря. Я никуда не сбегу.

– Я люблю тебя, – ответил колдун. – И сделаю все, чтобы ты никогда в жизни не пожалела об этих словах.

Банкет затянулся почти до полуночи, позволив Кате познакомиться почти с половиной «рода русичей», чтящих древние арийские традиции. И мелькающие то и дело серьги со свастиками, рунические трезубцы, вышивки с призывами к величию нации, тосты за возрождение великого Аркаима постепенно перестали вызывать у нее отторжение. Ну, увлекаются друзья стариной, ну и что? В тех же мотоклубах или кружках макраме происходит все то же самое: своя символика, своя одежда, свои разговоры, до которых обычным людям нет никакого дела. В конце концов солярный круг не виноват, что западноевропейские подонки так мерзко подпортили его репутацию…

* * *

– Яблочный спас, медовый спас, хлебный спас, грушевый спас… – загибала пальцы Катя, когда, наконец-то расставшись на остановке с друзьями-родичами, они с Андреем возвращались через парк. – Разве это не православные праздники?

– Ты еще капустники забыла, – ответил ее личный волхв. – При чем тут христианство? Люди собирали урожай тех или иных культур и по этому поводу устраивали веселье. И начхать им на псалтырские расписания. Запретить это, понятно, не получилось. «Не можешь запретить – возглавь».

– Капустники – это ведь что-то театральное, нет? – не поняла девушка.

– Капустники – это когда земледельцы собирались целыми

деревнями в каком-нибудь просторном доме и рубили капусту для засолки, – объяснил Андрей. – При этом, понятно, травили анекдоты, рассказывали побасенки, пели, шутили, веселились. Ну, чтобы не скучно работать было. Потом капуста кончилась, а хохмачеством стали заниматься в театрах. Вот так и живем: половину арийской культуры попы украли, другую половину – лицедеи. А что осталось, то прокуратура…

– Эй, хирург, чего не здороваешься?! – прервал его рассказ громкий оклик.

Со скамьи, скрывающейся в полумраке под разбитым фонарем, поднялись две крупные фигуры. Один любопытствующий встал поперек дорожки, второй скользнул молодым людям за спину, отрезая путь к бегству.

– Вот и свиделись, умник. – Вадим предусмотрительно остановился на небольшом отдалении и поднял пистолет. – Ну, давай, хирург, расскажи, куда тебе пулю лучше вогнать, между ног или в лобешник? Ты какой из голов чаще думаешь?

Его приятель, стоящий позади Андрея, радостно заржал.

– Ох, ребята, неудачное вы место выбрали для своих шуток, – покачал головой студент-медик. – Неудачное место и неудачное время.

– Ты думаешь, я шучу, урод?! – Бандит сделал шаг вперед.

– Ты же тупой баран, ты не способен на шутки, – скривился Андрей. – Безмозглое кастрированное животное, которому все бабы изменяют при первой возможности. Ты с двух шагов слону в задницу не попадешь, импотент, пистолетиком тут вздумал разма…

В ночной тиши оглушительно грохнули сразу три выстрела. Андрей взмахнул руками, опрокидываясь на спину, мелко вздрогнул и затих. Катя завизжала, упала рядом на колени, попыталась обнять погибшего… И ее руки скользнули через пустоту.

– Ну и кто здесь импотент? – не заметив этого в полумраке, Вадим подошел ближе, опять поднял пистолет…

– Жалкий криворукий кастрат, с двух шагов слону в задницу не…

Бандит обернулся на голос, ругнулся, вскинул оружие. Опять грохнули выстрелы, опять рухнул на траву убитый студент, и…

– Импотент тупоголовый, украшенная рогами обезьяна…

– Что здесь… – Вадим опять выстрелил, опять свалил врага и опять увидел его чуть в стороне, – …блин, происходит!

– От тебя всех женщин тошнит, пидор лагерный, вот и разбегаются!

– Да сдохни же!!! – Бандит снова вскинул оружие.

– Не-е-ет!!! – закричал его приятель, но если Вадим и услышал напарника, то не понял или не успел остановиться. Грохнули два выстрела, сухо щелкнул курок, предупреждая об опустевшей обойме. Пули пролетели сквозь глумливо смеющегося студента и ударили второго бандита в грудь.

Слева от Вадима мелькнула тень и хлестко ударила под горло ребром ладони. Послышался булькающий звук, и бандит рухнул, захрипел, неуклюже копошась, словно пытался встать, но каждый раз терял равновесие. Андрей пнул его по кулаку носком ботинка, отбив пистолет в сторону, потом присел рядом и стал шарить по карманам, разбрасывая содержимое.

– Ты чего делаешь? – сглотнув, спросила девушка.

– Обеспечиваю наших доблестных следаков уликами, – объяснил колдун. – Надеюсь, они уже едут выяснять, кто стрелял… Даже если Вадик успеет оклематься до их прибытия, в темноте он ничего не найдет. А в полиции люди кропотливые, и документы соберут, и пистолет с гильзами… Все, теперь пошли, пока самих не повязали.

Андрей схватил девушку за руку и потянул за собой.

Едва за ними захлопнулась дверь дома, Катя с хохотом прыгнула на молодого человека, покрывая его лицо поцелуями и выдыхая в промежутках:

– Ты крут!.. Ты потрясающ!.. Ты непобедим!.. Люблю!.. Люблю тебя!.. И хочу!

Колдун прошел с нею на руках в комнату, уронил на постель – и все пережитые эмоции полыхнули новым взрывом страсти и жадной близости.

Только глубокой ночью, наконец-то устав, Катя вытянулась рядом с любимым и восхищенно выдохнула:

– Андрей, а ведь ты настоящий колдун!

– Разве ты сомневалась? – удивился молодой человек.

– Ты меня не понял, – вскинула она руки к потолку. – Ты самый настоящий могучий маг! Из той категории, про которых сказки всякие снимают. В смысле, не из тех, что в лесу в берлогах сидят, а которые дворцы хрустальные на скалах строят и армии вражеские щелчком пальца сдувают. Такие, как ты, должны править миром! Или хотя бы странами! Быть на вершине власти, повелевать, диктовать свою волю!

– Для того чтобы стать диктатором, не нужно тратить восемь лет на медицинское образование, любимая моя, – покачал головой Андрей. – Будет обидно отправить псу под хвост почти треть жизни.

– Ты шутишь, да? – Катя положила голову ему на грудь. – Но ведь ты сам говорил, что хочешь изменить науку и образование,

вернуть величие арийскому имени, восстановить Аркаим, открыть людям глаза на правду, выкорчевать из школы всю ее гнилую гомосячину… Ты ведь можешь это сделать, нужно только захотеть!

– Если я стану этим заниматься, когда я буду лечить людей? – зевнул молодой чародей.

– У тебя есть друзья, у тебя есть я! – напомнила девушка. – Сделай меня министром образования, и я изменю всю школьную систему именно так, как тебе нужно!

Андрей промолчал, ехидно ухмыльнувшись.

Катя скатилась в сторону, ударила его ладонью по груди:

– Ну что ты хихикаешь?! Да, я хочу стать министром! Даже президентом! Это что, плохо?

– И владычицей морскою, – добавил колдун.

Девушка села в постели, подобрав под себя ноги, тихо зарычала. Не злобно, шутливо. Потом сказала:

– Я хочу, чтобы ты понял меня правильно, Андрей. Я люблю тебя. Я готова оставаться с тобой в горе и нищете, в бедах и болезнях. Я готова умереть, лишь бы никогда с тобой не расставаться! Но если есть шанс стать королевой… Зачем его отвергать?! Не расставаться с тобой, став богатой и знаменитой, тоже неплохо!

– Как бы тебе объяснить… – прикусил губу Андрей. – Понимаешь, заморочить десяток-другой людей: обхитрить ректорат, отвести взгляд гаишнику, поменять облик перед следователем, создать призрак для бандита – это одно. А бороться с государством – это уже совсем другое. Государство суть механизм, система. Тысячи людей, перекрестные связи, инструкции, утвержденные правила. Государство является агрегатом, в котором мало что зависит от одиночки. Даже если ты убежденный предатель или вор, попавший на важный пост, ты все равно чрезмерно не навредишь, ибо вынужден исполнять приказы, следовать законам, нормативам и инструкциям. И хочешь – не хочешь, но ты все равно останешься деталькой, пусть и порченой, пешкой огромной машины, сгребающей горы в нужном власти направлении. Менять государство – это все равно как голыми руками пытаться остановить едущий бульдозер. Нет, остановить можно, но нужен совсем другой уровень воздействия. Например, не упираться ладонями в капот или отвал, а просунуть руки сквозь него и порвать провода в двигателе. Но десятком, даже сотней единомышленников, наведением морока на нескольких чиновников добиться ничего нельзя. Перемелет и не заметит.

– То есть ты ничего изменить не способен?

– Самое обидное, что могу, – заложил руки за голову ее любимый чародей. – Я ощущаю себя этаким паровозом, гигантом мощностью в тысячу лошадей, который никак не может пройти бункеровку и залить цистерну. В моей топке вместо угля горят пыльные забытые газеты и старые картонные коробки, а в котлах вместо воды кипят остатки утренней росы. И потому вместо тысячи лошадиных сил я выдаю только одну, да и то кошачью.

– Ну, сегодня ты уж точно показал не кошачью, а львиную силу! – Катя наклонилась к колдуну и поцеловала его в губы.

– Разве это сила? – посетовал Андрей, когда девушка снова села в постели. – Вот раньше у магов была мощь, так мощь! Три тысячи лет назад они правили миром и почитались богами. Фараоны и повелители колесниц, Будда и Пернатый Змей, великий Сварог и могучий Рама. Они строили пирамиды и прокладывали мосты через моря, они создавали новые растения для полей и варили руду, они повелевали погодой и предсказывали будущее. Они научили людей земледелию и металлургии, они создали календари и целые народы. Я тоже так смогу, Катя… – Молодой человек невольно сжал кулак. – Я чувствую это, я знаю! Я могу сворачивать горы и вести за собой целые нации! Я могу избавить человечество от грязи и открыть врата во вселенную! Но, черт побери, тень научила меня колдовству, но не сказала, где брать для него силу!!!

Кулак парня яростно ударил в стену.

– А где ее брали древние боги?

– Никто не знает, – вздохнул молодой колдун. – Три тысячи лет назад боги были всесильны, а две тысячи лет назад о них уже начали забывать. К власти пришли жрецы, потом воины. Но ни за теми, ни за другими особых свершений не замечено. То ли у богов иссяк источник энергии, то ли они попросту забыли, как эту энергию получать.

– Разве такое возможно?

– Запросто! – хмыкнул колдун. – За последнее поколение люди успели забыть, как нужно косить траву и рубить дома, как высекать огонь и считать в уме, как ткать полотно или вязать сети. Представь себе на миг, Катенька, что весь бензин в мире вдруг пропал. И что люди вокруг станут делать без триммеров и бензопил, без зажигалок и калькуляторов? Кто сегодня сможет воспользоваться деревянными счетами, наточить рубанок или собрать косу из полотна, шнура и молодой осинки? Воспользоваться кресалом или бумажной картой? Да никто! Вымерли такие умельцы, словно шерстистые носороги. За ненадобностью. Может быть, создав кукурузу и железо, прорыв каналы и построив мосты, боги решили, что настал золотой век и

можно почивать на лаврах? А когда энергия понадобилась снова, никто уже не помнил, каким образом и откуда она качается…

– Такие вещи обычно записывают, да еще и в нескольких копиях.

– Любимая, бумагу изобрели всего семьсот лет назад. До этого практически никто и ничего не записывал. Изустная традиция – основа основ всех великих древних культур. Индуизм и шаманизм, буддизм и славянство, ламаизм и синтоизм… Даже христианство стояло на изустной традиции! До тех пор пока неугомонные греки не захотели записать для себя интересные побасенки… В итоге вышло, что все священные книги еврейского народа созданы, вот досада, на греческом языке, – тихо хмыкнул Андрей. – Но свои тайны и знания во всех народах и религиях передавались посвященными посвященным, из уст в уста, от старших к младшим, век за веком, поколение за поколением. «Священно лишь слово изреченное», как говорят индусы, или «Вначале было слово», как заверяет Библия. Однако пришло христианство на Русь, загнали носителей арийской древней традиции под шконку, не нашлось старому волхву кому пересказать мудрость веков – и все… История половины континента канула в небытие, словно корова языком слизнула. А ведь со времен богов не пять и не десять, тут сто поколений миновало! Столько даже си-ди диски не проживут, не то что пергамент или керамика.

– Я не верю, – покачала головой Катя. – Не может быть, чтобы не было способа раскопать эту тайну. Ты же колдун, Андрей! Придумай что-нибудь! Не знаю… Окно в прошлое, телефон поколений. Машину времени! Напрягись, чего ты киснешь?! Тень свою спроси, может, она чего подскажет?

– Ты кое о чем не знаешь, Катя, – тихо ответил молодой человек. – Когда тень впервые вошла в мою жизнь, она сказала, что построить алтарь и уйти в прошлое, на сто поколений назад, есть мой долг и обязанность. Я должен открыть врата в наш мир великому магу древних времен, попавшему в ловушку врагов. Этот чародей смог возвысить родовую славу наших предков до невероятных высот, и за это на него ополчились все прочие боги Земли.

– Ого! – сглотнула девушка, в душе которой не мелькнуло и тени сомнения в правдивости слов Андрея. – То есть мы приведем его сюда, станем его ближайшими, главными помощниками и переделаем государство в правильную сторону? Он ведь поможет нам? Научит тебя добывать настоящую колдовскую силу?

– Понимаешь, – почесал подбородок колдун, – даже не знаю, как тебе объяснить? Из рассказа тени получается, что попавший в

ловушку могучий полубог древности – это и есть я.

Большой алтарь

– Вот черт! – после очень долгой паузы наконец-то произнесла Катя.

– В общем, да, – со вздохом согласился Андрей.

– И как ты туда попал?

– Думаю, отправился, чтобы узнать секрет владения настоящей силой, – пожал плечами колдун. – Наверное, арийские боги научили меня всему нужному, и я смог поднять русский народ до уровня самой передовой цивилизации. Я ведь, как тут ни крути, на сто поколений старше, почти получил высшее образование, знаю кое-какие технические хитрости и все прочее. Так что изначально имею невероятную фору для мира древности. Вот русофобы тамошние против меня и объединились и как-то заловили.

– Это ты так думаешь или тебе тень рассказала? – уточнила Катя.

– Тень пришла в наш мир с одной-единственной целью. Научить меня, как правильно построить Большой алтарь, – ответил студент-медик. – Этакая полуживая, полумыслящая призрачная техническая энциклопедия. Ты много смогла бы узнать о жизни в СССР или о биографии автомобильного конструктора по «Каталогу запчастей для “Запорожца”»? Вот и тень была примерно такой же. Камни, нежить, руны, стихии… Это были единственные вопросы, на которые она отвечала. Кстати, большинство колдовских навыков я получил не от нее. Кикиморы с анчутками научили. Для алтаря нужна мертвая вода, мертвую воду умеет добывать только нежить. Если бы не это, я бы наверняка ничего не знал ни про леших, ни про кикимор, ни про травников. Тень промолчала обо всем, что не нужно алтарю. Пришлось выспрашивать самому.

– Хочешь сказать, что лешие существуют?

– Это потомки древних народов, их совсем немного, – задумчиво ответил Андрей. – Я тебя познакомлю. Но не факт, что ты сможешь их заметить. Они не любят попадаться на глаза. Ты ведь ни разу не видела нашего домового? А он очень часто рядом крутится. И в душ постоянно за тобой бегает.

– Подглядывает?! – округлила глаза Катя.

– Нет, за жилище свое беспокоится. Ты там под ванной ничего не трогай, хорошо?

– Обалдеть! – запустила пальцы в волосы девушка. – Так мы здесь не одни?

– Ничего, привыкнешь, – пообещал молодой колдун. – Это

ведь нежить. Даже не кошка или попугай. Домовой обладает разумом, он неизлечимый перфекционист, он немного похож на нас. Но все равно… полудух. Стесняться его – это все равно как стесняться зеркала или компьютера.

– Подожди, – мотнула головой Катя. – Ты хочешь сказать, что знаешь, как можно отправиться в прошлое, и ни разу не попытался этого сделать? Хотя бы из любопытства!

– Для того чтобы попасть в прошлое, нужны три непременных условия. – Андрей поднял руку с растопыренными пальцами: – Сам Большой алтарь, большое желание пройти сквозь его жерло и большая любовь. Честно говоря, со вторым у меня всегда было слабовато. А в третье я до последнего времени просто не верил.

– Любовь вершит чудеса… – Девушка провела ладонью по груди парня – Чем-то сказочным веет от таких условий. Елена-премудрая, спящая принцесса в башне, Золушка с хрустальными башмачками.

– Сказка ложь, да в ней намек, – в тон ей ответил молодой человек. – Только любовь способна намертво скрепить двух людей, находящихся в разных концах вселенной. Или в разных мирах, разделенных тремя тысячами лет. Если любви не будет, алтарь захлопнется, и я окажусь запертым в прошлом. В крепкой неразрушимой ловушке.

– И тебе придется посылать в будущее тень… – Катя посерьезнела. Поднялась с постели, подошла к окну. Прижалась лбом к холодному стеклу. После долгого молчания спросила: – Получается, я тебя предала? Раз ты оказался в ловушке, раз призрак послал за помощью, это значит, что моя любовь не прошла испытания?

Андрей тоже поднялся, подошел сзади, легонько куснул ее за шею. Шепнул:

– Ты невнимательна. Тень говорила, что в ловушку меня поймали чужие боги. Враги. Про предательство или любовь она не поминала ни словом.

Девушка облегченно рассмеялась, повернулась к нему, закинула руки за шею:

– Я буду любить тебя вечно! Крепко-крепко, как в первый день! – И их губы сомкнулись в долгом поцелуе, который закономерно вернул влюбленных в постель.

Спустя полчаса Катя блаженно вытянулась и спросила:

– Если ты спасешь себя, великого мага, из ловушки времени, то вас вернется сюда двое? Я правильно понимаю?

– Это ты о чем? – насторожился студент-медик.

– Да так, любопытно, – перекатилась на живот девушка. – Интересно, у твоего двойника есть девушка или я одна на всех?

Амулет любви признает его за своего?

– Ага… – Андрей прищурился, улыбнулся: – С другой стороны, если в прошлом я, то если я туда не направлюсь, то там никого не будет, поскольку я-то здесь. И ловушка окажется разрушенной еще до ее возникновения. Просто не нужно ничего делать, и все! Мы победим автоматом. Без малейших хлопот.

– Но, с третьей стороны, если он – это ты, то ты вернешься величайшим магом вселенной! Почти богом! Только чуть постарше. – Катя снова перекатилась, села на молодого человека сверху, прижав ладонями его плечи к простыне, наклонилась вперед: – А рядом с тобой буду я, твоя верная королева! Ты ведь сделаешь меня королевой, Андрей?

– Разве ты не собиралась стать министром? – напомнил чародей.

– Если уж я попала в сказку… Если я встретила настоящего колдуна, живых домовых, реальные амулеты… То я хочу эту сказку целиком! – Она наклонилась ниже, глядя в глаза избраннику: – Ты мой принц, правильно? По сюжету тебе положено возвести меня на трон!

В этот раз молодой человек промолчал, став заметно серьезнее.

Екатерина опустилась еще ниже, коснулась его губ своими, прошептала:

– Я люблю тебя, Андрей. Я навсегда твоя, душой и телом. Моя судьба в твоих руках. С тобой угаснуть или с тобой вознестись. Я хочу, чтобы ты вознесся… – Она подождала ответа, вдруг резко распрямилась: – Только не говори мне, что ты сам не хотел это сделать! Ты знаешь секрет перемещения во времени, ты знаешь, что станешь в прошлом почти богом. Неужели ты не собирался все это воплотить в реальность?!

– Мне не хватало самого главного элемента, – прошептал молодой чародей. – Камни, руны, амулеты – это все пустяки, ремесленное дело. Главный элемент – это любовь.

– Ты ее нашел, – снова качнулась вперед девушка и опустила ладони Андрею на щеки.

– Нашел, – согласился тот. – Я люблю тебя и не хочу с тобой расставаться.

– Так и не надо!

– Ты забыла? Этого требует Большой алтарь. Я уйду в прошлое, ты останешься здесь. До тех пор, пока ты меня любишь и алтарь цел, между мирами будет натянута прочная нить, не позволяющая проходу закрыться. Этакая нить Ариадны, по которой я смогу вернуться. Или вытащить своего двойника. Или… В общем, нам придется разойтись в разные миры, разойтись

неведомо на сколько лет. Может быть, навсегда.

Теперь настал черед замолчать девушке. Она смотрела на Андрея и кусала губы, не в силах определиться между двумя самыми сильными желаниями: быть рядом с любимым или вознестись к невероятному могуществу.

– Есть другой вариант, – мягко предложил колдун. – Я великий целитель. Закончу институт, стану врачом, буду неплохо зарабатывать. Мы сможем жить нормальной, счастливой семьей, в покое и достатке.

– А как же это? – Катя провела ладонью по свастике, наколотой на груди молодого человека. – Величие арийского народа, ложь продажных историков, возрождение Аркаима, изменение школьной программы?

– Разве ты будешь против, если я стану посвящать часть своего времени этой деятельности?

Девушка усмехнулась. Поднялась. Снова встала перед окном, опершись лбом в темное стекло. Пробормотала себе под нос:

– Жить долго и счастливо, в покое и согласии, трудолюбиво возделывая свой виноградник и посещая каждую субботнюю мессу. Бла-го-дать… – Она извернула голову, ухитрившись поймать взглядом любимого, не отрывая лба от стекла. – Андрей… Такой шанс, как выпал тебе, достается одному на триллион. Если мы хотя бы не попытаемся, то не простим себе этого никогда в жизни! Упустить мечту… Это почти как потерять любовь. А зачем нам жизнь без любви?

* * *

Река пахла кислым торфяником и тиной, в ласточкиных норках пищали птенцы, а их родители с легким шелестом резали крыльями воздух, ловя мух, стрекоз, жуков и бабочек. Из-за спины с поля тянуло влажно-сладким цветочным ароматом, там стрекотали бесстрашные кузнечики и деловито гудели шмели. И суетились люди.

Андрей сидел, поджав ноги, на самом краю заросшего сурепкой обрыва, глядя на медленно текущую внизу воду. Колдуну было странно находиться в стороне от общей суеты. Обычно именно он – волхв общины – занимался организацией всех обрядов и праздников. Но сегодня он оказался не одним из старших, а обычным молодым русичем, решившимся изменить свою судьбу, и потому одет был не в привычную длинную суконную накидку с капюшоном, а в полотняную рубаху, на голове его лежал собственноручно сплетенный венок из двух

дубовых веток, пояс отсутствовал вовсе, и только на ногах были обыденные стоптанные кроссовки – плести лапти никто в общине так и не научился.

– А не заскучал ли ты в одиночестве сидеть, добрый молодец?! – наконец-то подошли к нему Соболь и Кузня. – Не пусто ли тебе едину в миру огромном оставаться? Не желаешь ли на охоту сладкую сходить, ладных лебедушек словить? После охоты хорошей и обед сытным бывает, и день веселее, и ночь теплее!

– Отчего и не сходить в честной компании? – с облегчением поднялся Андрей. – Добру молодцу веселая охота завсегда в радость!

– Место ты тебе покажем славное, уловное. Да токмо тайное оно. Посему, позволь, глаза мы тебе завяжем… – Друзья быстро накинули ему на лицо плотную байковую повязку, под локти отвели немного в сторону, закружили: – Ой идем-идем дорогой дальнею, дорогой сложною, через поля и овраги, через горы с перелесками, к месту заветному, к месту стану охотничьему… Ай, гляди, вот и пришли! Лови свою лебедушку!

Мужчины отступили, оставив жениха одного. И тут же со всех сторон зазвучали женские голоса:

– Из-за гор холодных, из-за гор высоких, из-за леса густого, леса темного вылетали ветры буйные, отбивали лебедь белую, да от стаи лебединыя, да от стаи белокрылыя, прибивали лебедь белую то к гусям, то серым уточкам. То не лебедь – красна девица, то не гуси, серы уточки, те лебедушки юные. Ай, лебедушки, гляньте: селезень! Ай, берегись-берегись, поймает-поймает!

– Лови ее, лови! – громко закричали мужчины.

Со всех сторон послышалось веселое кряканье, хлопанье в ладоши. Шелестели по траве длинные рубахи, смеялись девушки, топали босые ноги.

Андрей чуть склонил голову, невольно шевельнул крыльями носа, ощутил аромат каркаде с кофейной горчинкой и со слабой примесью персиков, повернул на него. Сделал пару шагов, и в его руках оказалось женское тело.

– Поймал! – радостно закричали мужчины. – Целуй скорее, целуй!

Однако молодой человек не спешил. Он провел кончиками пальцев по лицу и груди попавшейся лебедушки. Судя по запаху, его добыча недавно доливала тосол в радиатор. Андрей понял, что сцапал Мирославу, постоянно латающую свой «уазик», покачал головой:

– Юна больно уточка для вертела, пусть подрастет… – и под

общий хохот отпустил.

Женщины снова забегали, закрякали, хлопая в ладоши. Жених снова двинулся к аромату каркаде и опять уже через два шага сцапал очередную жертву. Прижал к себе, демонстративно погладил по макушке, едва достающей до плеча, отпустил:

– Подрасти пока, утенок.

Стая лебедушек захлопотала.

– Они на примету сговорились! – услышал он заговорщицкий шепот. – Переплести ее надо и шитье наколоть!

Молодой человек шагнул на голос.

– Волхв! – испуганно охнули девушки.

Андрей ощутил быстрые шаги – аромат каркаде с горчинкой явно утягивал с его пути, резко повернул, ухватил за талию очередную добычу, притянул к себе.

– Эта тоже недоросоль, охотник! – разочаровались мужчины. – Бросай! Настоящую лови!

Молодой человек колебался не больше секунды. Потом привлек жертву к себе и крепко поцеловал:

– Моя ты отныне и навек, лебедушка! Моя! – Он сорвал повязку, рассмеялся и поцеловал Катю еще раз: – Смотрите все, русичи! Вот моя добыча! Вот моя лебедушка! Моею будет отныне и навсегда!

Мужчины захлопали, женщины взялись за руки, повели хоровод, громко распевая:

– По морю уточки плавали, плавали, душа, плавали. У! Откель взялся селезень, с неба налетел, крыльями замахал, всех уточек разогнал, душа, разогнал. У! Одну уточку к себе взял, взял. Под куст ракитов утянул, утянул. Не вернуться девице красной от куста ракитова, душа моя, нет пути к морю вольному. Утянул селезень, душа, утянул.

Под эти распевы молодой человек крепко взял Катю за руку и повел вниз со взгорка к растущей у самой воды густой вербе, украшенной многими ленточками и серебристым новогодним дождиком. Здесь их дожидался преувеличенно нахмуренный Михалыч, одетый в волховскую накидку Андрея и опирающийся на его посох, покрытый множеством зарубок.

– Кто такие будете, смертные, и с чем к месту святому пожаловали?! – сурово вопросил ювелир, пристукнув посохом о глину.

– Лебедушку красную поймал я на охоте молодецкой, отче, – ответил Андрей. – По сердцу легла мне сия лебедушка, и иной отныне себе не желаю. Свяжи меня с нею, отче, судьбой единою, судьбой неразрывною на веки вечные с часа сего и до дня последнего!

– Молодца доброго на охоте своей я поймала, отче! – задорно заявила Катя. – По сердцу он мне пришелся, и иного себе не желаю!

– Экая вам блажь пустая в голову пришла! – опять стукнул посохом Михалыч. – Ступайте с глаз моих! Подумайте поперва хорошенько, опосля приходите!

Андрей тяжело вздохнул, кивнул и повел девушку за собой, к самой воде, вдоль берега, потом от него, вокруг нарядного ракитового куста, и вернулся к Михалычу. Громко сообщил:

– Помыслил я, отче, и не желаю себе иных лебедушек окромя этой, Екатериной при рождении нареченной! Беру ее под покровительство свое, и пусть отныне все ее беды моими бедами станут, а мои радости ее радостями!

Андрей снял венок из ромашек с головы девушки, отшвырнул и надел ей на голову свой, дубовый.

– Помыслила я, отче, и не желаю себе иных молодцев, кроме Андрея! – звонко сообщила Катя. – Отныне вверяю себя заботам его, а его принимаю под свою заботу!

Она развязала на себе сплетенный из лыка пояс, накинула его на талию молодого человека, крепко завязала и даже подергала, проверяя прочность получившихся пут.

– Коли сами решили все, то к чему вам благословение мое? – пожал плечами Михалыч. – Живите так, по разумению своему. Ступайте отсель!

Держась за руки, жених с невестой во второй раз обогнули ракитов куст и опять предстали перед волхвом.

– Вот жена моя пред богами и людьми, отче! – сказал жених. – О том тебя извещаю и благословения прошу от неба и земли, от вод текучих, от полей тучных, от ветров быстрых… И от тебя, отче, аки от рода своего кровного. Пусть семья наша станет ладной, прочной и плодовитой!

– Вот муж мой пред богами и людьми… – Катя повторила обращение Андрея почти слово в слово, и Михалыч смирился.

– Ничем вас, вижу, не пронять! – кивнул он. – Коли решили накрепко о союзе сем, так уж не обессудьте. Судьбу прежнюю ныне забираю у вас навеки и обратно более не верну. Не будет у вас более своих судеб, а станет одна на двоих. Поднимите руки!

Жених и невеста с готовностью вскинули кулаки с оттопыренными мизинцами, волхв тут же накрепко смотал их тонкой шерстяной ниткой:

– Как нить эта одна на двоих вам даруется, так и судьба отныне одна на двоих будет. И сколь долго нить целой останется, столько и судьбе вашей общей прочною оставаться, столь же долго в любви и согласии вам жить. Ступайте отсель, охотник с

лебедушкой! Коли желаете небо, землю, богов и род свой о единении своем известить, до полуночи доказательство оного извольте доставить! Ступайте! – ударил он посохом.

Андрей и Катя, уже прочно связанные, в третий раз обошли куст вербы, после чего попали в окружение неоязычников.

– Ай, влипла девка красная! – выкрикнула какая-то из женщин. – Переделают на бабу и «спасибо» не скажут!

– Молодая, не боись! То не железный гвоздь, не проткнет насквозь! – отозвалась другая.

– Лед трещит, вода сочится, девка в бабы не годится!

С такими шутками и прибаутками участники общины проводили молодых обратно на холм, к просторной парусиновой палатке, вокруг которой были разложены полотенца с угощениями. Однако жениху с невестой за столом места не полагалось. Их сразу отправили в палатку, в которой от края и до края, поверх толстого слоя сена, была расстелена большая простыня.

– Снопов, увы, в наше время не особенно и найдешь, – растянулся во весь рост Андрей. – Пришлось косить что есть.

– Осторожно, нитка! – испуганно воскликнула Катя, падая следом.

– Шла уточка по проулочку, налетел сокол, растрепал хохол! – отозвались снаружи. – Держись, Волхв, не ударь лицом! Покажи удаль молодецкую!

– Давай, наливай! – ответили говорившему. – Выпьем за крепость мужскую да сладость девичью! Молодые спать пошли. Богам помолилися, чтобы пуще в одеяле ноги шевелилися!

– Порвешь нитку, – шепотом предупредила девушка. – Плохая примета.

– По примете, она не должна порваться, пока мы брачную ночь не начнем, – так же тихо ответил Андрей. – А мы как бы уже давно… В общем, с этой приметой запоздали.

– А давай не будем рисковать? – предложила Катя. – Мало ли чего?

Андрей пожал плечами:

– Пусть будет.

Девушка вытянулась рядом. Помолчала, с улыбкой глядя на жениха.

– Все время хотела спросить. А что было бы, коли бы ты не меня, а какую-нибудь другую лебедушку во время жмурок поймал?

– Теоретически? Вообще, кого поймал да поцеловал, на той и жениться обязан, – ответил молодой человек. – Но по жизни, коли лоханулся и вместо своей невесты ухитрился другую девку

хапнуть, жених договориться пытается. Иногда парень сам от постылой избранницы откупается, иногда невеста его выкупает, иногда… Иногда же и вовсе весело бывает…

Андрей наклонился вперед и поцеловал Катю. Девушка откинулась на спину, чародей поцеловал ее снова.

– Кажись, начались шевеления, наконец-то! – тут же услышали за тонкой стеной палатки. – Давай, Волхв, не посрами корень русский! Докажи, что ты мужик настоящий!

Андрей покачал головой. Потом стиснул зубы и сделал через них несколько резких выдохов.

– Ага, началось! – встрепенулись снаружи. – Наливай, мужики! За Андрюху по полной!

– Скачет соболь за куницей, вереницей, вереницей, как нагнал, как нагнал, разом под себя подмял! – поддержали женские голоса.

– Они так и будут все слышать? – шепотом спросила Катя.

– А кто сказал, что будет легко?

Девушка оскалилась и вдруг громко, с пристаныванием, задышала, царапнула пальцами ткань, перешла на истошный протяжный визг – и тут же сорвалась в бесшумный хохот.

– Девку парили, парили, веником ударили! – отозвались снаружи. – Баня, баня пораспарит, женишок тебя наярит!

– Не отпускай ее, Андрюха! Крепче наяривай, крепче! Глубже борозду веди!

– Придется терпеть до темноты, – тихо предупредил Андрей. – Подожди, у меня тут в углу заначка оставлена.

Он попытался отодвинуться, но Катя завела пальцы между его пальцами, крепко сжала, удерживая рядом.

– Ты чего?

– Нитка тонкая. Порвется, – предупредила она. – Я не суеверна, Андрей. Но судьбою нашей рисковать не хочу.

– Суеверные супруги должны были бы провести первую брачную ночь, сохранив нитку целой до самого конца, – придвинулся обратно к избраннице чародей. – И тогда считалось бы, что нить связующая, наложенная у ракитова куста, перешла в связь телесную. Такой вот хитрый обряд.

– А ты бы смог сделать все это… не разорвав? – прошептала в самое лицо девушка.

– Не знаю… Ни разу не пробовал… – ответил самым ее глазам Андрей.

– Ой, недолго в бане парилась девица-красавица, – уже вполне пьяными голосами пели женщины за тонкой капроновой стеной. – Смыла пыль с себя дорожную, пот усталый с себя спарила, да и смыла с добрым молодцем с себя волю всю

девичию-ю-ю…

Нитка порвалась незадолго до сумерек – что означало по всем приметам любовь и согласие не только в этой жизни, но еще и на две реинкарнации вперед.

Только после этого чародей наконец-то добрался до угла палатки и вернулся с бутылкой красного вина, пробка из которой уже наполовину торчала из горлышка.

– Из горла? – вскинула брови Катя.

– И так сойдет, – выдернул пробку молодой человек и обильно полил простыню.

– Куда-куда!!! – перехватила бутылку девушка. – Хватит продукт переводить! А то подумают, что ты меня зарезал, а не девственности лишил! – Она посмотрела на этикетку: – Крымское? Тогда за нас, муж мой ракитовый! Вот уж никогда не думала, что венчаться вокруг вербы доведется, да при том еще и самой счастливой в мире себя ощущать! В сети подружкам написать, так ведь не поверят!

Она сделала несколько глотков, протянула вино Андрею.

– За нас, любимая! – Он чуть глотнул и вернул бутылку. – Не спеши. Пусть из новостей о тебе узнают.

– Из каких? Тех, где меня министром образования назначают, али из манифеста о возрождении монархии?

– Как повезет, – пожал плечами колдун.

– Скажи, Андрей, почему у тебя никогда не было девушки? – Катя отпила из горла пару глотков.

– Почему ты так решила?

– Не будь таким наивным, – рассмеялась языческая супруга, протягивая бутылку. – В доме из еды только сосиски и персики, никакой посуды, нигде ни волоска длинного, ни заколки забытой, ни расчески, ни упаковки пластиковой из-под предметов нужных. Так не бывает. Гостьи моего пола хоть какой-то след, но всегда оставят. Не на полке в ванной, так в мусорке. И вспомни, как вся община изумилась, когда прослышала, что ты с девушкой у Матвеича появился.

– Михалыча, – поправил колдун.

Катя улыбнулась, отобрала вино, отпила еще чуть-чуть.

– Владение магическим даром издревле воздержанием обуславливается… Ну, переход одной энергии в другую, накопление, самодостаточность и все такое… – покрутил кистями Андрей, словно открывал сразу два крана на смесителе. – Короче, я не бабник. Таким уж тень воспитала. А почему ты спрашиваешь?

– Беспокоюсь… – Девушка опять приложилась к горлышку. – Кабы моряка в дальний рейс отправляла али космонавта на орбиту на пару лет, так там все ясно, там соблазнов нет. А вот в

другой мир такого добра молодца… Ведь поклонниц не один десяток наберется. Вдруг не устоишь?

– Так ведь я учиться отправляюсь, а не в загул, – улыбнулся колдун. – Воздержание – наше все.

– Как бы мне хотелось тебе этот целибат прямо сейчас компенсировать, – вздохнула Катя, – но кто-то намочил всю простыню… – Она перевернула бутылку, и из нее на бордовое пятно выкатилась еще одна капля. – Когда будем предъявлять доказательство?

– Потом, – отмахнулся Андрей. – Пойдем лучше воспитателям моим поклонимся.

Молодые оделись, выбрались из палатки.

Чародей прижал палец к губам, девушка понимающе кивнула – и оба незамеченными прошли мимо вольготно пирующих неоязычников к сложенным чуть в стороне вещам.

Из своего рюкзака Андрей достал термос, свежий мягкий батон, повел Катю за собой вниз, к ракитовому кусту, по пути тихо просвещая:

– Нежить лесная, она сытая и вольная, живет не по законам, а по справедливости, издревле чужих глаз не любит, и потому их никто обычно не видит. Но чего им в краях своих почти неведомо, так это угощений людских, в чаще просто невозможных. Булочки белой здесь испечь негде и некому, корову подоить тоже. Посему на угощения столь простые они диво как падкие. И по справедливости в обмен на угощение просьбы простенькие исполняют с охотой. Так что колдовства в этом никакого нет. Нужно их просто найти или позвать. Мало их, увы, ныне осталось. Народ сей бессмертным считается. Однако же вымирает.

Возле украшенной вербы Андрей остановился, поклонился:

– Тебе благодарность, Триглава, мать-земля наша. И тебе, Макошь, что достаток наш бережет. И тебе, Купала-красавица, любви земной покровительница. Благодарю, что брак мой с любой моей Катенькой приняли и благословили. И вам поклон, хозяева здешние, берегини добрые, травники хозяйственные, лешие могучие, водяные премудрые. Порадуйтесь за нас, на пиру нашем угоститесь, хлебушка-молока откушайте… – Колдун открыл термос, поставил крышку среди корней вербы, наполнил до краев молоком, сверху положил почти полбатона булки. Остальное – термос и оставшуюся булку – оставил рядом: – Примите наше угощение, хозяева здешние, да милость сделайте. Одарите нас двумя волосами русальими да водой мертвой…

Он отвел девушку под самый обрыв, поднял голову к тонкому полумесяцу нарождающейся на звездном небе Луны. Оглянулся через плечо:

– Сегодня вроде светло. Книжку не почитаешь, но самое интересное разглядеть можно…

– Зачем нужна мертвая вода? – спросила Катя.

– Все, как в сказках, – ответил молодой чародей. – Мертвое оживляет, живое убивает. Если Луну клятвам своим в поручители берешь, мертвую воду выпить нужно. Она не просто жидкость, она в тело смертное как бы впитывается. Навсегда. Честному человеку все равно, есть и есть, без разницы. Но коли ты слово свое нарушишь, Луна ее вызывает и… И все, считай, чашу Мары выпил. Мертвец.

– Сурово, – нервно кашлянула девушка.

– Половина заклинаний без поручителя из мира вечных сил не действует, – тихо ответил Андрей и крепко обнял молодую жену. – А они просто так своего покровительства не дают. Бревно на другом берегу реки видишь? Смотри на него, не отрываясь. Теперь, не двигая зрачками, самым краешком зрения… У ракитового куста кто-нибудь есть?

– Не знаю… – Катя нервно облизнула губы. – Кажется, что-то шевелится…

– Смотри только на бревно. Прямой взгляд бесполезен, его нежить отводит.

– О-о, черт, там снежный человек! – вздрогнула девушка. – А у меня телефон в куртке остался!

– Руки длиннее ног? Это леший. Быстро он. Первыми обычно криксы прилетают.

– На ветках волосатые амурчики…

– Угадала, это они.

– Кто-то светлый еще… На девушку похож…

– Берегиня. Это хорошо, берегини лучше всех отдариваются. Но мертвой воды у них нет, тут на крикс главная надежда.

– Ты их всех знаешь?! – удивилась девушка. – Откуда?

– Я же рассказывал. Когда был маленьким, они от меня даже не прятались, в камушки-воротики с ними играл. Потом, как повзрослел, нежить осторожнее стала. Но и сейчас часто на глаза попадается. Мне взгляд отвести трудно, я ведь и сам колдун.

– Крикса без крыльев? – усмехнулась девушка.

– Кто его знает? – пожал плечами Андрей. – Может статься, так оно и есть.

– Темно стало под твоим кустиком. Похоже, булочку того… Ням-ням.

– Так это хорошо, – отпустил жену чародей. – Пойдем смотреть.

Катя быстро повернула голову, но ничего не увидела ни возле куста, ни на дереве над ним. Хотя мгновением раньше готова

была поклясться, что…

Она снова глянула на бревно и сглотнула:

– О-о, черт!

– Вот именно, – тихо засмеялся Андрей. – Они среди нас. Нужно только научиться их видеть. Но пирушка уже закончилась, разбредаются.

Среди корней вербы поверх пустого пакета лежал опрокинутый набок термос, стояла крышка с темной водой. Молодой человек наклонился, подобрал несколько еле заметных волосинок, спрятал в карман, поднял пластиковый стаканчик:

– Ты не передумала?

– Нет! – твердо отрезала Катя.

– Тогда пора. Скоро полночь.

Русичи заметили их, когда молодые уже поднялись на обрыв.

– Глядите, глядите, чего там Волхв творит! – закричала Мирослава, и вся община поспешила от палатки к реке.

Андрей тем временем стянул рубаху, перевернул заранее подготовленный амулет, уже заговоренный, заряженный и щедро залитый с обратной стороны воском, зажег торчащий из него фитилек, передал жене и опустился на колени, сложился, опустив лоб к самой земле, смяв влажную траву.

Катя, как ее учили, сдула с развернутой бумажки легкий серый порошок, начертала амулетом нарисованный на листке знак и дрожащим голосом проговорила:

– Земли отчие, воды текучие, прах родовой, небеса вечные призываю! Быть мне единой плотью с мужем сим отныне и до часа последнего, и да будет его беда бедой моею, его радость моею радостью, его боль моею болью, его счастье моим счастьем. Пред тобой, хозяйка ночи, клянусь, что не оставлю его ни в беде, ни в болезни, ни в горести и призываю тебя сей клятве в поручители. И да станет час нарушения сей клятвы моим часом последним! – Она подняла с земли пластиковый стаканчик от термоса. – Земли отчие, воды текучие, прах родовой, небеса вечные, владычица ночная! Примите сию клятву и отдайте мне плоть мужа сего. Да буду едина я с ним, как едина с дыханием, душой и помыслами своими. Отныне и навеки!

Она решительно опрокинула в рот стаканчик, осушив до последней капли, и в тот же миг начертанная в воздухе руна полыхнула и плавно опустилась вниз, на обнаженную спину. Огонек на амулете дрогнул и погас.

– Андрей, – хрипло сообщила девушка. – Кажется… Мне кажется, Луна приняла мою клятву…

Молодой чародей выпрямился. Катя поцеловала его в грудь, чуть выше свастики, и надела на шею серебряный, с янтарной

сердцевиной, слабо светящийся в темноте амулет любви.

– Я один это видел? – свистящим шепотом спросил Михалыч. – Или мне не стоило мешать водку с портвейном?

– Это же Волхв. От него всего ждать можно, – неуверенно ответила Мирослава.

– Что замерли, други мои?! – улыбнулся им Андрей. – У меня жена появилась. Любимая, любящая и верная. Это нужно отметить, разве нет?!

* * *

По Рублевскому шоссе Андрей проехал до самого конца, пока оно не сузилось до грунтовки в шесть метров шириной и не запетляло по тихой деревеньке в полсотни дворов. Колдун затормозил возле новенькой часовенки, окруженной бетонной площадкой, заглушил мотор, выдернул ключи из замка и протянул девушке:

– Вот, держи. Доверенность в бардачке, в страховку я тебя уже вписал. Машина, естественно, заговорена на отведение глаз, так что тормозить не должны. Но если превышать скорость, ездить по встречке и подрезать гаишников, заклинание не помогает. Слабенькое. Так что правила лучше не нарушать.

Он вышел из машины, открыл заднюю дверцу, достал и закинул на плечо тяжелый рюкзак.

Студент-медик был одет по-походному: штаны и ветровка из плащевки, ботинки на толстой подошве, кепка с завернутыми наверх наушами и длинным козырьком.

– Почему сюда? – спросила Катя, тоже выбираясь наружу.

– Посмотри вокруг, – предложил Андрей. – Ничего не замечаешь?

– Деревня как деревня, – пожала плечами девушка.

– Все правильно, деревня, – согласился молодой человек. – Но у нее есть одна важная особенность. Ее достоверный возраст составляет три тысячи лет. Это одно из немногих мест на планете, про которое можно абсолютно точно сказать, что сто поколений назад здесь не было ни лесов, ни болот, ни какого-нибудь разбойничьего замка или еще какого нежданного сюрприза. Попав в прошлое на этом берегу, я не окажусь на стремнине поменявшей русло реки, в стволе дерева или под каменным валуном. Археологи перекопали тут все до последнего куста и дают полную гарантию.

Он уверенно направился мимо церквушки вниз по тропе, и через сотню метров молодые супруги прошли под небольшой

деревянной аркой с надписью широкими желтыми буквами:

«***Археологический памятник “Дунино городище”***».

– Там, на склоне, стояли дома, – вытянул руку колдун, – от них к Москве-реке шла тропинка, по сторонам от нее имелась обширная помойка с рыбными костями и чешуей. Видимо, русы сортировали там и чистили улов. Святилище стояло дальше и выше, на холме, а слева скотный двор располагался, судя по наслоениям.

– Ты как будто все это видел! – хмыкнула девушка.

– Отчет археологов читал. – Андрей остановился на лужайке в нескольких шагах от воды. – А здесь не было ничего. Заливной луг, ничего не строили, чтобы половодье не снесло. Тут либо косили, либо скотину пасли. В общем, то, что надо.

Он снял рюкзак и опустил на землю.

– Что-то мне не по себе… – призналась девушка, взяла его за руку.

– Ну да, – улыбнулся колдун. – Шаг в пропасть. И можно только надеяться, что внизу не отточенные колья.

– Типун тебе на язык! – передернула плечами Катя. – Мне чего-то уже расхотелось быть королевой и министром. Поехали домой?

– Если мы не попробуем, – Андрей, присев возле рюкзака, распустил узел, – не простим себе этого никогда в жизни. Помнишь, что ты сказала мне месяц назад? «Зачем нам жизнь без мечты».

– Три тысячи лет… – Девушка опустилась рядом. – Ты ведь даже языка их не поймешь!

– Тень полагала, что пойму. – Колдун достал несколько небольших камней. – Коли язык птиц и зверей понимаю, нешто с людьми не договорюсь?

– Ты знаешь язык зверей?! – изумилась девушка. – Ты мне про это не говорил!

– Язык – это слишком громко сказано, – скромно уточнил Андрей. – Болтология животным несвойственна. Просто мы понимаем друг друга.

– Ого! Чего еще я не знаю?

– Я урожденный колдун, любимая моя, – поднял на нее голову студент-медик. – Мой слух намного острее, чем у обычных людей, обоняние лучше раз в сто, я чувствую болезни и вижу нежить, я могу управлять погодой и наводить морок. Создавать галлюцинации, как это по-умному звучит. Я умею многое. Просто у меня не хватает силы, чтобы это умение использовать. Эта тайна скрыта где-то там, за вратами Большого алтаря, создать

который я способен всего за полчаса. Предлагаешь остановиться?

– Просто немного нервничаю… – понизила голос Катя.

Молодой чародей разложил треугольником камни из темного гранита с выцарапанными на них светлыми крестами. Перекладины заканчивались короткими рисками: древняя руна долгого пути. Затем выложил еще один из белых камней, но с черными крестами. Треугольники наполовину заходили один на другой, устремясь вершинами в разные стороны, образуя все вместе Соломонову звезду. Середину Андрей очертил кругом из белого порошка, похожего на толченый мел, затем в самом центре прихваченной монтажкой пробил в земле глубокую дыру.

– Хорошая примета, валунов не попалось, – сказал он, отложил железку, сходил к реке и набрал в пластиковую бутылку воды. – Это будет живая. А мертвая у меня с собой.

Последними он извлек из бокового кармана рюкзака два заостренных керамических стержня в два пальца толщиной и три ладони длиной. Катя знала, как были сделаны стержни, своими глазами видела. В каждом был закатан волос русалки, в каждом по пряди связанных волос ее и мужа, в каждом по ногтю ее и Андрея, на каждом оттиски обоих амулетов любви. С виду все казалось очень просто: немного глины, немного воды, пара недель просушки, а потом обжиг в муфельной печи Михалыча. Однако после обжига стержни вот уже неделю оставались теплыми, и девушка подозревала, что какую-то часть обряда колдун от нее все-таки скрыл.

Ударившись друг о друга, стержни отозвались звонким гулом.

– Похоже, не растрескались, – сделал вывод молодой чародей. – Все в порядке. Получается… я готов?

Катя, неожиданно для самой себя хлюпнув носом, кинулась Андрею на шею и принялась его целовать. Через минуту отступила, торопливо отерла ладонями лицо:

– Ты скоро вернешься?

– Кто ж его знает, моя родная, – оглянулся на полуготовый алтарь ее муж. – Это же время! Может быть, я вернусь через минуту, но постаревшим на пять лет. А может, через пять лет, постаревшим на минуту.

– Но ведь ты вернешься могучим, всесильным магом и сможешь все исправить? – сглотнув, ответила девушка. – Если я превращусь в старушку, ты меня омолодишь?

– Я буду любить тебя любой, – пообещал Андрей.

– Не нужно таких жертв, – жалобно улыбнулась Катя. – Лучше возвращайся всемогущим. И пока я молода. Обещаешь?

– Я вернусь сильным. И скоро, – твердо ответил молодой

чародей.

– И никаких ловушек! – потребовала девушка, ударив его ладонью в грудь.

– И никаких ловушек, – согласился ее муж.

– Дай слово!

– Я буду обходить стороной любые опасности, научусь владеть силой, потом вытащу двойника из капкана, спроважу подальше, чтобы лишний «я» нам не помешал, и вернусь к тебе. Такой план, – отчитался Андрей.

– Главное, вернись сам… – Девушка прильнула к нему в жадном и долгом поцелуе.

Молодой человек тоже крепко ее обнял, а когда жена, наконец, отступила, попросил:

– Встань по ту сторону алтаря. Я должен идти к тебе, а не от тебя. К тебе через время и пространство.

Катя обогнула разложенные по кругу камни, встала между черным и белым.

– На море-окияне, на острове Буяне стоит бел-горюч Алатырь-камень, – сосредотачиваясь, размеренно заговорил колдун. – Не летят над ним птицы, не скачут по нему белки, не ползут под ним гады. Не одолеть бел-горюч камень ни дождям, ни жару, ни векам вечным. Ты открой ему, вода мертвая, врата через мир нижний, – колдун соединил белые камни влажными линиями, проливая землю из одной бутылки, – ты открой ему, вода живая, врата через мир верхний, – другой струйкой он соединил черные камни. – Ты открой ему, вода огненная, врата веков! – Андрей полил белое кольцо жидкостью из третьей бутылки, чиркнул зажигалкой. Подхватил рюкзак, поднял голову, пристально глядя в глаза жене. – Проведи меня, Алатырь-камень, от сердца к сердцу, к жене любимой, через миры мертвые, через миры живые, через миры вечные и через пробитый век!

Студент-медик шагнул в огненное кольцо, стремительно присел и на всю длину вогнал керамический стержень в приготовленное в земле отверстие.

Послышалось легкое чмоканье – и все шесть камней вдруг глубоко просели в землю, словно лежали на своих местах не минуты, а долгие века, одновременно исчез и огонь – хотя круг продолжал потрескивать, побелка быстро приобретала кирпичный оттенок. Создавалось впечатление, что огонь продолжает полыхать, но только вывернутый наизнанку, в глубину.

Возможно, где-то там, в вывернутом мире, в пылающем круге находился и сам исчезнувший чародей.

Катя выждала несколько минут. Она очень надеялась, что предположение мужа окажется правдой и он действительно

вернется прямо сейчас – возмужавший на несколько лет, обретший власть и силу. Однако ничего не происходило.

Девушка вздохнула, осторожно обошла алтарь кругом, подобрала монтажку, разбросанные бутылки. Еще раз с надеждой оглянулась на круг из всосанных в землю камней. Покусала губу, нащупала через ткань блузки амулет, прижала его ладонью и побрела к машине.

Эпоха амулетов

Едва жар огня исчез, Андрей что есть силы вонзил керамический штырь в землю, активируя Большой алтарь, наступил ногой и вогнал еще как можно глубже, на всю длину, и даже пристучал пяткой.

Два одинаковых стержня в одном и том же месте, пусть и разделенные пропастью веков, должны были стать одним, единым целым. Этаким игольным ушком, через которое пропущена тонкая, но прочная нить, соединяющая два амулета любви, два сердца, две ставшие единым целым души. Амулеты были заговорены на алтарь, алтарь скрепляло единство амулетов. Разрушение любого из этих элементов неизбежно разрывало связь между мирами. Если девушка изменит, если перестанет любить, если сломается стержень в том или этом мире – колдун навсегда окажется заперт здесь, в прошлом, в ловушке. В надежно запертой клетке, в которой нет не то что замка, но даже дверцы.

В чувствах Кати Андрей был уверен. А вот в прочности керамики – не очень. На стержень могли наступить конь или корова, его мог случайно найти какой-нибудь человек, копнуть, сломать. Он мог привлечь внимание кого-то из здешних богов – если они все-таки существуют – или чувствительной к магии ведьмы.

Посему первое, что сделал путешественник во времени, – это сломал толстую ветку ближней ивы и, не поленившись, уже ею вбил стержень дальше, чуть не на полметра в глубину. Затем насыпал немного земли и опустил в ямку волос русалки, благо нежить вместо двух запрошенных после свадьбы волос подарила целых пять. На волос колдун начитал заговор текучей воды, смывающей любые чары, – чтобы скрыть на поверхности следы закопанного колдовства, выровнял тайник и любовно посадил в рыхлую ямку вырванную неподалеку незабудку. Незабудка цветок живучий – даже без ухода поднимется, корни распустит, стебли разложит. Два дня – и никаких следов копания в земле не останется.

Только после этого молодой чародей поднялся выше по склону и осмотрелся.

Окрест, насколько хватал глаз, не имелось ни единой опоры линий электропередачи, никаких труб, коттеджей, сверкающих стеклом высоток домов отдыха. На месте дома-музея Пришвина возвышался могучий дуб, наводящий мысли на пушкинские строки, вместо часовни стоял растрескавшийся деревянный пень. Справа на холме, как предсказывали археологи, тянулся длинный

бревенчатый дом без окон и дверей, с крытой толстым дерном крышей, на которой колосилась золотая трава, чуть в стороне имелся огороженный слегами загон, сейчас пустой; снизу от реки явственно повонивало тухлой рыбой. Видимо – чешуей и потрохами.

Кое-что, правда, осталось на своих местах, несмотря на тысячелетия. Влажная грунтовка, вытянувшаяся вдоль берега, пожухлый ивняк на противоположном берегу и выложенная камушками чаша родника, бьющего из земли рядом со славянским домом. Из чаши, устремляясь к реке, громко журчал ручеек.

Прозрачная вода столь соблазнительно поблескивала на солнце, что Андрей, поправив лямки рюкзака, устремился к роднику, ощутив явственный приступ жажды. Всего несколько шагов и…

Словно большой надувной шарик принял на себя – и тут же оттолкнул его обратно.

– Что за ерунда? – Молодой человек снова шагнул вперед и опять был отброшен. – Екарный бабай, какого рожна?!

Он опустил глаза и увидел перед самыми ступнями порядком обветрившийся земляной отвал, словно от маленького плуга. В голове тут же шевельнулось воспоминание о том, что во многих языческих землях женщины опахивали деревню, дабы защитить ее от коровьей смерти, бледной лихоманки и прочей чуждой колдовской нечисти.

– Вот, е-мое… – Андрей, глядя на совсем близкий, но недоступный родник, почесал в затылке. – Это я, выходит, нечисть колдовская? Хотя, с другой стороны, я действительно урожденный чародей и действительно не местный…

Пришелец из будущего заколебался…

Можно было, конечно, развеять здешнее защитное заклинание, снять его или пробить. Да только стоило ли тратить время и силы? От жажды молодой человек пока не умирал, великих богов или сильных магов в столь захудалой деревне явно не водилось, и даже никого из местных жителей, чтобы расспросить, Андрей не видел. Тем более что местонахождение ближайшего города он и так знал – археологи постарались.

Колдун махнул рукой, вернулся на грунтовку и быстрым шагом отправился вдоль реки вниз по течению.

Хорошо натоптанная грунтовка стала сужаться только через два часа пути. Похоже, вдоль реки местные жители гоняли на выпас скот или свозили в деревню заготовленное на заливных лугах сено. Вот и натоптали. Но дальше берег стал подниматься, быстро обрастая лесом, дорога отвернула к самому берегу и

превратилась в узкую тропинку у среза воды. Где влажная, где натоптанная, где чавкающая через трясину, где стелясь по влажному песку, тропа упрямо пробивалась через кустарник, осоку и грязь, возрождая в памяти еще одно подзабытое название: «бечевник». Место, по которому бурлаки тянут бечеву.

– Значит, судоходство здесь уже есть, – вслух сделал вывод Андрей. – Это хорошо, попутка бы мне не помешала.

Однако река, как назло, была совершенно безлюдна. Даже лодок не встретилось – хотя рыбаки должны были плавать. Откуда отвалам из рыбьих костей взяться, коли нет рыбаков? Не прячутся же они от одинокого путника!

И тем не менее, на воде было пусто. Колдуну приходилось отмеривать километр за километром ножками, с завистью поглядывая на лениво плывущие по течению ветки, обгоняющие путника без малейших усилий.

Ближе к вечеру Андрей на ходу съел полплитки шоколада, запив магазинным квасом, и дальше двигался уже до глубокой темноты – пока полумесяц не начал опускаться за деревья. Как опытный походник, студент-медик сбросил рюкзак на узкой травяной прогалине, сразу распуская его узел, достал небольшую треногу с котелком, поставил, наломал тонких сухих веток, сунул под него, запалил. Из реки зачерпнул стаканом воды, налил в котелок, потом еще раз. К тому времени, когда хворост разгорелся, котелок был уже почти полон. А пока путник раскатывал и надувал узкий походный матрас – вода уже закипела. Колдун притоптал пламя, кинул в котелок лапши быстрого приготовления и горсть сушеного мясного фарша. Затем достал спальный мешок, скатал сменное белье вместо подушки.

Когда постель была готова – дозрел и ужин. Простенький – но сытный.

Поев, Андрей начал было забираться в спальный мешок – как вдруг спохватился:

– Проклятье! О себе подумал, а про нежить забыл…

Колдун заколебался.

В принципе – угощать лесную нежить было делом необязательным. Многие этим не заморачивались – и ничего, бродили себе через чащобы и в ус не дули. Ничего с ними не случалось. Однако… Однако он в отличие от этих «многих» знал, что нежить реальна, и привык с лешими и криксами дружить.

– Эх, башка моя дырявая! – Все же выбрался из мешка Андрей, потянулся к рюкзаку. – Как же я ничего для вас с собою не взял? Та-а-ак… Что такого предложить, чего вы в буреломах своих не найдете?

На глаза попалась половина шоколадки. Молодой чародей

хмыкнул:

– Вот этого вы точно никогда не пробовали! Ладно, выкручусь как-нибудь и без дневной подкормки.

Он налил в стаканчик кваса, отнес к корням ближнего куста, сорвал с плитки обертку, накрыл стакан шоколадом, поклонился:

– Простите, хозяева здешние, что покой ваш нарушил, землю огнем потревожил, постель без спросу положил. Примите мое угощение, преломите со мной кусочек еды дорожной, смените гнев на милость. Дозвольте до рассвета в доме вашем отдохнуть.

Он перевел дух, нырнул в спальный мешок и с облегчением закрыл глаза.

Сквозь сон путнику почудились голоса, легкая перебранка, потом что-то мягкое и теплое коснулось его губ:

– Светает…

Он открыл глаза, увидел совсем рядом голубые глаза, тонко очерченное светлое лицо длинноволосой девушки. Да еще и полностью обнаженной!

Молодой человек невольно дернулся к очаровательной гостье… Запутался в мешке и скатился с матраса. А когда высвободился – ее уже не было. Осталось только ощущение благости и теплоты.

– Берегиня… – окончательно придя в себя, понял Андрей.

Колдун, с любопытством посматривая по сторонам, споро сложил вещи. Закинул рюкзак на плечо, коротко поклонился:

– Спасибо вам за доброту и ласку, – и снова вышел в бечевник.

Завтрака он сегодня лишился.

Впрочем, встреча с берегиней того стоила.

Андрей шагал спокойно и размеренно, готовясь к долгому, многодневному пути, но уже после полудня тропинка неожиданно вывела его на просторный луг, через который, прижимаясь к берегу, тянулась грунтовка. А еще через час он увидел впереди, на небольшом взгорке, бревенчатые стены небольшой крепости.

– Неужели Москва? – неуверенно пробормотал колдун, однако шаг не замедлил.

Твердыня выглядела отнюдь не монументальной. Она опоясывала верх пологого холмика, представляя собою круг, примерно сотню метров в диаметре. Высота стен составляла от силы метров десять, башни на ней не предусматривались, и единственным исключением были ворота – над ними возвышалась небольшая надстройка. Видимо, она служила укрытием для караульных в ненастье и по ночам. Никакого подъемного моста, конечно же, не имелось, рвом здешние жители

себя тоже не затруднили. В общем, строение больше напоминало не крепость, а просто замкнутый в кольцо длинный славянский дом. Верха стен и крыши с дороги не разглядеть, но Андрей ничуть бы не удивился, если бы там лежал толстый слой дерна для защиты от дождя и сбережения тепла.

Ворота твердыни тоже не впечатляли монументальностью. Две створки из сосновых стволиков, сшитые поперечными жердями. Никаких петель или подпятников на них явно не имелось. Скорее всего, для закрытия ворот их просто переставляли с места на место.

Проход сторожили трое похожих друг на друга, словно братья, мужиков – русоволосых, темнобородых, на голову ниже Андрея, но заметно шире в плечах. Одеты они были одинаково: в кожаные куртки без воротников, длиною до середины бедер, и тоже в кожаные штаны, отчего-то сшитые с сапогами. На поясах у караульных висело по топорику и длинному ножу, а копья с острыми короткими наконечниками скучали, прислоненные к стене. Воины тоже скучали, болтая между собой и подпирая плечами бревенчатую стену.

В общем, охрана была под стать твердыне – не впечатляла.

Молодой чародей, дабы избежать излишних вопросов, наговорил обычный заговор на отвод глаз, скользнул мимо…

– Эй, эй, куда это ты навострился, проходимец?! Ты кто таков и откуда взялся?

Андрей настолько удивился вопросу, что в первый миг вскинул руку, пытаясь усилить воздействие морока. И только потом заметил, что караульные несли службу буквально увешанные амулетами. Застежка на поясе ближнего, с мясистым носом и седыми бровями, была сделана в виде руны от дурного глаза, на груди вышит амулет, отпугивающий ночных духов, на шее висела замотанная красной нитью ладанка, очень похожая на оберег против колдовства, на плече болтался деревянный молоточек, отдающий мужчину под покровительство Сварога, а плюс к тому имелось еще несколько украшений, смысла которых Андрей не знал. И это только те, которые колдун видел!

Не мудрено, что простенькие чары гостя не возымели на воинов никакого воздействия…

Стражники лишь встревожились наглости чужака и расхватали копья, наставив их путнику в грудь.

– Чего надо?!

– Я из рода истинных арийцев, потомок Сварога, ваш брат по крови. – Пришелец из будущего попытался на ходу составить солидную и внятную речь. – Ищу великого мага по имени Андрей или мудрых учителей из числа русских богов!

– О чем это он, Трувор? – спросил один из стражников. – Скиф, что ли? Или из этих, лесовиков? Глянь, как одет-то! Рубаха чисто из травы заговоренной, и порты такие же.

– Вяжи его, – кратко распорядился седобровый. – Квасур разберется.

– Не тро… – Кончик копья, упершийся чародею в горло, вынудил молодого человека замолчать и замереть.

Андрей не был трусом, и он умел драться. Однако студент-медик слишком привык полагаться на свое умение ставить мороки, отводить взгляд, заговаривать врагов, сводя схватки к одному точному и сильному удару. Оказавшись безоружным против трех воинов, неподвластных колдовству, чародей чуточку растерялся. А уже через несколько мгновений его руки были крепко стянуты за спиной.

Один из стражников остался в воротах, седобровый Трувор и болтун поволокли пленника во двор, небрежно бросив рюкзак где-то на полпути, и вскоре поставили у какой-то загородки перед щекастым и носатым толстяком, столь густо пахнущим медом, словно только что разорил с десяток ульев. Одет толстяк был так же, как стражники, однако бороду имел рыжую, амулетов с оберегами не носил и дышал жаром, слегка светясь. Андрей явственно видел это! Толстяк походил на лампочку накаливания, попавшую в сеть пониженного напряжения. Совсем немного света, совсем немного тепла – но они имелись!

– Вот, отче Квасур, лазутчика поймали! – толкнул вперед пленника Трувор. – В твердыню желал незаметно прокрасться, речи ведет непонятные, и одежды на нем колдовские, нечеловеческие.

– Не иначе, из лесовиков будет, – торопливо добавил второй стражник. – Даже скифы так не наряжаются!

– Что изрекал? – распевно уточнил Квасур, пальцем приподнимая подбородок пленника.

– Я ваш потомок, отче, из далекого будущего! – Андрей попытался хоть как-то объяснить свой внешний вид. – Пришел в этот мир, дабы найти себе достойного учителя!

Он уже понял, что всего парой фраз ухитрился наговорить немало непонятного для местных жителей, и теперь пытался подобрать только те слова, которые не вызовут удивления. Он вспомнил про молоточек на плече Трувора и торопливо уточнил:

– Я из рода Сварогова! Мы с вами одной крови!

– Н-н-да? – ласково удивился Квасур и убрал свой палец. – Пове-е-есить…

– Не-ет!!! За что-о?! – Андрей брыкался как мог, пытался выстроить хоть какие-то мороки, напугать, вырваться, спастись,

но повеселевшие стражники резво отволокли его через двор обратно к воротам, деловито рассуждая.

– Сперва порты с него надо снять, не то загадит. Коли после смерти не развеются, себе возьму, – сообщил Трувор. – Мои совсем прохудились. И рубаху.

– Не боишься колдовского-то? – поинтересовался второй.

– Семи смертям не бывать, а одной не миновать. Колдовское добро, оно куда крепче обычного должно оказаться.

– Тогда нам с Последышем его мешок! – истребовал стражник.

За этой беседой воины перебросили веревку через балку над воротами, накинули Андрею на шею, чуть затянули и, оставив пленника стоять, принялись сдирать с него брюки. Студент-медик то и дело терял равновесие, повисал в петле, задыхался, хрипел, снова находил опору.

Наконец, стражники получили то, что хотели, и дружно потянули свободный конец веревки. Петля в очередной раз сдавила Андрею горло – но теперь уже плотно, не оставляя шансов; потянула, отрывая от песка. Молодой чародей дернулся несколько раз, все еще надеясь нащупать землю, напряг мышцы груди, безуспешно пытаясь вздохнуть, в глазах замелькали голубые искорки – и почти сразу наступила темнота…

* * *

– Наверное, тебя стоило оставить висеть…

Андрей не без труда разомкнул глаза, дыша глубоко и часто, никак не в силах надышаться. А истекающий медовым ароматом, светящийся и велеречивый Квасур улыбался ему с высоты своего роста.

– …но тогда бы я не смог пове-е-едать тебе, лазутчик, в чем твоя оши-и-ибка. – Правитель крепости зевнул. – Я чувствую в тебе спосо-о-обности, чужак. Ответь мне, ты ви-и-идел в наших землях неприкаянные ду-у-уши? Знаешь, почему? Когда умирает пото-о-омок дедушки мо-оего Сварога: я, он или он, – толстяк указал на стражников, – к нам прихо-о-одит сестра моя Мара. Дает испить чашу покойную с водо-о-ою мертвой и указывает путь к мосту Калинову, за которым ее Золотой мир раскинулся. Мою сестру влечет зов крови-и-и… Скажи, путник, когда ты умира-ал, узрел ты сестру мою, она поднесла тебе чашу?

Молодой человек только сглотнул.

– Не пришла? – еще слаще улыбнулся Квасур. – И что сие значит? Ты чужа-а-ак. Тебе никогда не примазаться к роду

нашему, никогда тебе не стать с нами одной крови. Тебе никогда не познать наших секретов и нашего чародейства. Глу-у-у-упая попытка, – укоризненно покачал головой толстяк. – Трувор, выпорите его хорошенько для ума-разума и выкиньте из города.

– Сделаем, отче! – бодро отозвались стражники и опять поволокли Андрея через двор. Возле загона с двумя грустными лосями, понуро повесившими головы, растянули руки пленника, примотали их к верхней слеге загородки. Только теперь колдун заметил, что ветровки на нем тоже нет. Только футболка.

И тут спину обожгло резкой нестерпимой болью! Молодой человек заорал, забился в веревках, но стражники только засмеялись:

– Отведай, скиф поганый, ласки славянской!

Спина опять полыхнула болью, потом снова и снова. До тех пор, пока разум не отказался воспринимать обрушившийся на него кошмар и Андрей не обмяк, проваливаясь в блаженное небытие…

Обратно в реальность его вернул хлынувший на тело поток ледяной воды. Молодой человек замотал головой, отфыркиваясь приподнялся. Тут же получил болезненный удар сапогом по ребрам:

– Вставай, чужак, достал уже валяться!

Колдуна злобно пнули еще раз, и Андрей, застонав от боли, все-таки поднялся.

Спина горела, шея ныла, руки ломило. Измочаленная кнутом футболка превратилась в лохмотья и просто свалилась с него на присыпанный желтым песком двор.

– Это у тебя что? Дай сюда! – Трувор увидел сверкнувший серебром амулет любви, сдернул его с шеи гостя и повесил себе на грудь. – И пошел вон!

Плеть прошелестела в воздухе и хлестко опоясала тело молодого чародея, вынудив снова закричать от муки. И без того израненное тело отозвалось на удар такой болью, что в глазах Андрея опять замелькали предсмертные голубые искорки.

– Чего это у него на груди? Колядов круг? – заметил татуировку один из стражников.

– Да без разницы, – отмахнулся Трувор, и плеть снова прошелестела в воздухе. – Пошел, сказано!

Колдун вскрикнул, поспешил к распахнутым воротам. Но снаружи, после нескольких шагов, силы опять покинули путника, и он распластался в дорожной пыли.

– Вот же падаль! – Стражники подскочили, принялись пинать гостя ногами: – Вон пошел, сказано! Вон пошел отсюда! Пошел!

Избавляясь от частых ударов, Андрей с трудом приподнялся –

сперва на четвереньки, потом на ноги и, покачиваясь, побрел к темнеющему в нескольких километрах леску.

Знали бы караульные, что силы путнику придала вовсе не боль, а отчаянное, нестерпимое желание вернуться к Большому алтарю, нырнуть сквозь время и прийти сюда еще раз, но уже с пулеметом и перебить всех, всех жителей до единого – и воинов, и божка их – Квасура, и даже безразличных лосей, а потом сжечь крепость дотла, да еще и пепелище солью хорошенько присыпать! Возможно, умей они читать мысли – вели бы себя осторожнее… Или, наоборот, зарезали бы чужака от греха и думать о нем забыли. Однако здешние воины лишь отвесили пришельцу еще несколько тумаков, дали хорошего прощального пинка – и вернулись к воротам.

Жажда мести позволила молодому человеку, оставляющему за собой кровавый след, добрести почти до самой опушки. А потом он просто упал от слабости, и сгущающиеся вечерние сумерки потемнели в его глазах.

Колдун, считай, уже умер – от кровопотери, от боли, от превращенной в безобразное месиво спины. Однако сознание еще не покинуло его, и Андрей ощутил качание, перемещение. Потом тело обняла прохлада, и он огромным усилием воли смог приподнять веки.

Под деревьями качнулось мохнатое, коротконогое создание с длинными руками, шерстью вместо волос и человеческими ушами.

– Наш он, так мыслю… Сам голодный остался, однако же нас угостил. Сеструшек-гнилушек к нему не подпускайте, бледную немочь с лихоманкой гоните. Пусть отдохнет…

Леший ушел в чащу, а над молодым человеком появились две головы: смуглого щекастого ребенка и бесцветной, лишь с легким зеленым оттенком, блондинки.

– Это тот, что вкусняшку невиданную намедни приносил? – причмокнул губами малыш. – Интересно, у него еще есть?

– У него ныне даже штанов не осталось, – ответила девушка.

– Болотница… Крикса… – еле слышно пробормотал Андрей.

– Он нас что, видит? – удивился малыш.

– Так ведь колдун, – ответила девушка, положила ладонь на грудь чародея и с силой нажала. – Спи!

Дальше был кошмар. Нудный и вязкий ужас, во время которого он раз за разом попадал обратно в крепость, в лапы Квасура и его слуг. И Андрея раз за разом вешали и истязали, пороли и убивали – а молодой чародей в отчаянии пытался вырваться на свободу, но никак не мог, поскольку без похищенного амулета не мог призвать свою любимую, не мог

открыть врата Большого алтаря. И был вынужден снова и снова идти в город ненавистных сварожычей, чтобы опять испытать все круги земного ада…

Кошмар длился вечность. По ощущениям Андрея – вроде как даже не одну. Но все же настал момент, когда он смог стряхнуть наваждение и открыть глаза.

Над колдуном качались редкие ветви, усыпанные мелкими серебристыми листочками, еще выше ползли плотные облака, предвещающие затяжной дождь. Тело почти не слушалось, а спина отчаянно чесалась. И это было хорошо. Студент-медик знал: раз чешется, значит, заживает.

Андрей напрягся, попытался подняться или хотя бы покрутить головой.

Удалось лишь слегка наклонить в сторону лицо. Но увидел колдун только белые шапочки болотной травы, ветви багульника и копошащуюся среди морошки обнаженную блондинку с бледно-зеленой кожей.

Та каким-то образом уловила его взгляд, развеялась, возникла чуть в стороне. Нахмурилась, опять пропала. Возникла с другой стороны.

– Не прячься, – попросил Андрей. – Ты красивая.

– Коли по душе, так, может, замуж возьмешь? – улыбнувшись, поправила волосы болотница.

– Не могу. Уже женат, – повинился колдун.

– Так жена – не сосна, – оказалась рядом нежить. – Можно и подвинуть.

– Нельзя. Я клятву верности принес.

– Тогда спи. – Девушка знакомо положила ладонь ему на грудь и толкнула в глубину.

На этот раз колдун погрузился в состояние полудремы, в котором уже не было боли и ужаса, однако сохранилась твердая холодная ненависть к недобрым обитателям крепости, смешанная с непониманием – почему это случилось? Отчего горожане не признали его, урожденного арийца, своим?

Состояние покоя и размышления очень быстро подсказали ответ – это не он, это здешние жители являются чужаками! Андрей вспомнил знаменитое «Сказание о Словене и Русе», повествующее о том, как братья-скифы, отделившиеся от своих родов, переселились на берега Ильменя и основали там государство Русь, вспомнил, что великий Аркаим, столица ариев, находится не в северных лесах, а на юге, среди скифских степей. Вспомнил арабские сообщения о том, что русы захватывают славян в рабство и торгуют ими, словно скотом.

И в его голове все, наконец-то, встало на свои места. Русы-

арийцы – это потомки вольных непобедимых скифов, а вовсе не здешних оборванцев! И он сам, рожденный арийцем, потомок скифов, скифов!!! Тех самых скифов, которых здешние караульные называли врагами и осыпали проклятиями!

Глупо – но он, похоже, постучался не в ту дверь. В нынешнее время здесь обитали отнюдь не русы, а те, кто вскоре освободит эту землю для величия арийского племени.

«Может быть, именно я и освобожу ее от мерзких подонков? – с мрачным злорадством подумал молодой чародей. – И виселица, и кнут отплатятся палачам сторицей, хватит всем и каждому!»

Но как ему удастся осуществить месть, Андрей пока не знал. Защитные амулеты стражников, высокие стены крепости оставляли мало надежды на успех. Слова Квасура о том, что он брат великой богини смерти, тоже стоило принимать всерьез. Исходящее от правителя города тепло и свечение наверняка означали ту самую магическую силу, которую толстяк ощутил и в самом Андрее.

А пришелец из будущего был не просто одинок и безоружен. Он остался вообще голым! И даже ключ к возвращению домой – заветный амулет любви – и тот оказался в руках врагов.

Прямо хоть опускай голову поглубже и втягивай полную грудь болотной воды. Быстрый и простой способ избавиться от всех проблем…

Солнечный луч коснулся лица чародея и побудил снова открыть глаза.

Андрей сладко зевнул, приподнялся. И с удивлением обнаружил, что его тело полностью покрыто ковром густого зеленого мха.

– Надеюсь, я сам корни здесь не пустил? – пробормотал он, слегка пошевелив плечами, ногами, всем телом. Конечности слушались, спина лишь слегка зудела, чувствовал он себя бодрым и сильным. – Это сколько же я здесь пролежал?

Курс медучилища подсказывал, что на исцеление после обширной рваной раны и большой кровопотери требовалось никак не меньше полумесяца. Однако колдун очень надеялся, что нежить справилась с этим быстрее. Двух потерянных недель ему было бы жалко.

– Хотя какая разница? – вслух решил он. – У меня и у Кати время сейчас разное. Может статься, у нее еще и секунда не промелькнула!

Молодой человек осторожно, словно из спального мешка, выбрался из-под мха и, осторожно ступая по кочкам и корням чахлых березок, направился к сухому лесу. Увидел плотный ковер земляники и опустился на колени, торопливо собирая в рот алые

ягоды. Однако после двух полных горстей желудок только оживился, резкими спазмами требуя продолжения обеда.

Андрей прошел немного дальше, шаря по земле глазами, сорвал и отправил в рот несколько сыроежек. В его положении было не до привередливости. Съедобно – и ладно.

– Проще всего лягушек наловить, – посоветовала невесть откуда взявшаяся болотница.

– Пожалуй, я немного вегетарианец, – ответил чародей. Он ярко представил себе зеленые лапки на углях и сразу понял, что голоден не до такой степени. – Но за твою заботу благодарен.

– Ничего, мне нетрудно, – склонила голову набок обнаженная нежить. – Скучно у меня тут. Вязь маленькая. Токмо я да две криксы обжились. Всякое событие в радость. Хоть угощение от путника, хоть сам прохожий, всему рады.

– Так, если я задержусь, не обидишься?

– Оставайся… – Ее ладонь скользнула по щеке чародея. – Тебе места и улиток хватит.

– Сколько смогу, – пообещал колдун. – Город отсюда далеко?

– Уже мыслишь, как сбежать? – погрустнела девушка и отвела руку. Громким мысленным призывом, как это обычно делал и сам Андрей, окликнула ласточку. Провела пальцем ей по головке, скомандовала: – Смотри! – и подбросила в воздух.

Такой способ общения с живыми существами был для чародея внове, но он сразу ухватил самую суть: отпустить с птицей частицу самого себя, своей души и умчаться вместе с нею.

Ласточкиными глазами он увидел сверху густой сосновый бор, обширное поле за ним, на ее крыльях скользнул вдоль реки, свернул к крепости, промчался вдоль стены и мимо ворот.

Здесь стояли другие, незнакомые стражники, и поэтому ласточка, послушная его воле, перемахнула во двор, сделала там круг, потом еще один, над самой головой Квасура.

Толстяк, словно почуяв неладное, поднял глаза – и ласточка метнулась прочь, скользнула над грунтовкой, по которой вереница из пяти лосей волокла от чащи уже ошкуренные бревна. И возле одного из животных гордо вышагивал Трувор – в его, Андрея, штанах и ветровке из прорезиненной плащевой ткани.

Колдун открыл глаза и перевел дух. В голове молодого человека наконец-то начал зарождаться план мести.

Крепости постоянно требовался материал для ремонта или строительства, и потому несколько горожан отправлялись в лес каждый день. Пятеро могучих сохатых постоянно тянули к крепости то охапку длинных тонких слег, то очищенный от веток сосновый ствол, а то и огромные бревна в полтора обхвата – этакую тяжесть могли сдвинуть только четверо лосей, собранных

в одну упряжь. И то ли воины были самыми крепкими мужиками в селении, то ли все мужчины трудились в смену – но время от времени на лесоповал отправлялся и Трувор, одетый на работу точно так же, как на ратную службу.

В следующий раз седобровый воин пошел с сохатыми на четвертый день после пробуждения Андрея. Побродил по лесу, не обращая внимания на следящую за ним из еловой кроны белку, выбрал несколько молодых сосенок с два кулака толщиной, ловко срубил – раз пять во время работы подтачивая топорик, крикнул возничим:

– Отсель слеги тоже приберите! – и пошел дальше в заросли.

Именно в этот небольшой промежуток тишины из кустарника поднялся совершенно голый юноша, прокрался вперед и старательно собрал с примятого места, куда ступил дровосек, примериваясь к дереву перед работой, всю пыль, хвою и поломанные веточки, заложил их в свернутый кулечком лист лопуха. Забрал след и исчез обратно в зарослях так же быстро и бесшумно, как появился.

* * *

– Что-то нашел? – Болотница встретила его еще на подходе к своим топям, с интересом вытянула шею. Даром что нежить, а любопытство, будто у обычной девчонки.

– Сквитаться со смертным одним желаю, – не стал обманывать колдун. – Мразь первостатейная! Ты можешь принести мне мертвой воды?

– В чем?

Этот простенький вопрос застал молодого человека врасплох. Он как-то не привык, что плошки-бутылки могут стать проблемой.

– Ладно, – махнула рукой благосклонная к гостю блондинка. – Я тебе в листе кувшинки принесу.

– Постой! – спохватился Андрей. – А ты можешь принести ее не сюда, а к какому-нибудь ручью, впадающему в реку? По правилам, такие заговоры на перекрестье путей творятся. Но ведь слияние вод – это тоже перепутье!

– Хорошо, идем, – согласилась девушка и исчезла. Молодой чародей, не приглядываясь, а ощущая ее по запаху росы, свежего мха и легкому шелесту шагов, поспешил следом.

Вскоре они оказались над устьем бодро журчащего ручейка. Болотница соткалась из воздуха прямо над струйкой, наклонилась, зачерпнула из мелкого русла горсть воды, поднесла

к губам, словно желала сделать глоток, но вместо этого совершила протяжный, старательный выдох, словно делясь с жидкостью своим мертвым бессмертием. Протянула колдуну, и тот высыпал собранный след ей в ладони:

– Ты теки, вода мертвая, по следу мужа Трувора, по его тропе, пути-дороге, по его судьбе, жизни, телу крепкому. Ты смой, вода мертвая, с него пот и грязь, с него веселье и радость, с него силу и здоровье. Ты смывай с него, вода мертвая, все, что стекается, ты уноси все это в ручьи тихие, в реки широкие, за моря, за горы, за глубокие омуты. Ты теки, теки, вода мертвая, от меня на мужа Трувора, по его следу, на его судьбу, на его тело, да и в дальние миры, днем светлым и ночью темною, под облаками и под звездами, да с сего часа и до последнего дня…

Болотница, то ли уловив его желание, то ли сама зная, как поступить, опустила руки и выпустила след воина, перемешанный с мертвой водой, в водоворотик, что образовал втекающий в полноводную Москву-реку бодрый лесной ручеек.

Это была самая настоящая порча, гнусная и смертная – на извод. Вытягивающая силы, иссушающая тело, отнимающая здоровье. Если человек не заметит такую, не отчитает ее у опытной ведьмы, не сбросит через горячий воск – через пару лет в могилу ляжет, и никто из окружающих ничего не заподозрит.

Ну, заболел человек тяжело чем-то медицине неизвестным. Странно сие, неожиданно – но бывает.

Разумеется, Трувора защищала от сглаза и порчи целая россыпь амулетов – но именно потому Андрей и наговорил след на текучую воду. Вода речная терпелива и бесконечна, тянет и тянет, точит и точит… Обереги, понятно, станут владельца защищать, но их сила ограниченна, порча за пару дней все вытянет. Утекут способности всех рун и ладанок, как вода из прохудившейся бочки. А воин ничего и не заметит. Кто же из обычных людей отличит выдохшийся амулет от настоящего?

Покончив со своим темным делом, Андрей отправился к болоту, на ходу срывая съедобные грибы и набивая ими живот, а добравшись до вязи, несмотря на ранний час, залез в свою уютную влажную нору среди густого целебного мха, закрыл глаза.

Он уже начал дремать, когда рыхлая толща закачалась, и к нему в логово решительно забралась болотница, тут же прижавшись всем телом. Положила голову на плечо:

– Скоро уходишь?

– Откуда ты знаешь? – Андрей поколебался, поднял руку, погладил ее по волосам.

Не мог же он оттолкнуть девушку, исцелившую его от ран, вытащившую буквально из мира мертвых!

– Чувствую… – Она прижалась плотнее. – Все эти дни ты был в заботах, сегодня же с легкой душой примчался. Я опять останусь одна.

Андрей помолчал. Чтобы сказать хоть что-нибудь, спросил:

– Как тебя зовут?

– Зачем мне имя? – удивилась болотница. – Кроме меня тут никого нет.

– А как ты стала… здешней хозяйкой? – осторожно подбирая слова, поинтересовался он.

– Пришла, – пожала плечами девушка. – С мамой поругалась, вот ее и бросила. Молодая еще была, глупая совсем. Вернулась бы, да там и без меня завсегда тесно было. Место прохожее, дети у многих случались. Сейчас, верно, там совсем плохо.

– Да-а, дети растут… – неопределенно поддакнул колдун.

В его разуме с грохотом обрушилась привычная картина мироздания, в которой русалками и болотницами становились девушки, утопившиеся от несчастной любви.

Впрочем, в этой картине и криксами оборачивались умершие некрещеными младенцы. Между тем минимум одну криксу он видел здесь собственными глазами. А христианство никто еще даже не задумал. Тысяча лет до первых проповедей.

– Ты ко мне так и не прикоснешься? – прямолинейно поинтересовалась болотница.

– Прости, но я люблю другую…

– Счастливая, – позавидовала нежить. – А ко мне на вязь когда еще мужчина снова забредет…

– Часто забредают?

Девушка неопределенно пожала плечами.

И то верно – зачем болотнице считать дни или годы, следить за временем? Бессмертное существо в неизменном мире…

– Может, тебе в город пойти? Или в деревню. Тут выше по течению есть, я видел.

– Ну их… – поморщилась водяная блондинка. – Суетятся они всегда, бегают с утра до вечера. Стучат, жгут, таскают, бьют… Воняет всегда далеко окрест. Не хочу.

– Да, здесь тихо, – согласился Андрей, обняв ее и прижав крепче. Закрыл глаза.

Болотница не собиралась чего-то требовать, не пыталась добиваться своего. Она умела ждать. Не сегодня – так через день, через год или через век. Не этот мужчина – так другой или третий. Немного терпения, спокойствия, размеренности – и когда-нибудь она и так получит все, чего желает.

Суета, борьба, спешка – это для смертных.

* * *

В следующий вечер Трувор заступил в сторожу вместе с братьями Чоком и Последышем. Заступил старшим, и это радовало тридцатилетнего мужчину. Ведь с братьями они были ровесниками, главным мог стать любой. Но Квасур уже который раз указал именно на него.

Ночь обещала быть теплой и безветренной. В такую караулить покой города одно удовольствие. Отдых, а не служба.

На небе уже высыпали звезды, а жители крепости отправились ко сну, когда из леса наконец вернулись с тяжелыми бадьями мокрого мха усталые плотники. Стража уже собралась закрывать за ними створки, когда Трувор услышал из зарослей вербы у родникового стока слабый девичий возглас:

– Помогите! Умоляю, помогите кто-нибудь! Я не могу идти!

– Вы слышали? – Воин глянул на братьев.

– Нет, – одновременно пожали плечами бородачи.

– Лю-ди-и! Хоть кто-нибудь! – Голос был молодым и сладким. Явно принадлежал какой-то юной ладушке. Может, кто из девок ногу подвернул, а в дневном шуме ее стонов не расслышать было? – Спасите меня! Тут холодно!

– Слышали? – опять спросил Трувор.

– Нет…

Но жалобный голосок все продолжал и продолжал звучать из кустов, тревожа Трувору самое сер-дце.

– Так… – решил он, положив руку на рукоять ножа. – Последыш, бди тут! Из ворот ни ногой! Чок, за мной!

Старший караула вышел на дорогу, шагов сто пробежал по ней, свернул к реке, к топкой низинке, раскинувшейся возле ручья. Время от времени здешний кустарник резали на лозу, но сейчас она успела изрядно разрастись вокруг древних корявых верб.

– Помогите! – Голос стал звонче.

Трувор, щурясь в темноту, раздвинул ветки. Идущий за ним Чок вытянул шею – как вдруг стремительное серое тело, взметнувшись в прыжке, сбило его с ног. Бородач вскрикнул, взмахнув руками, и тут же другой зверь впился ему в горло, заливая кровью тревожный крик.

Старший ничего не заметил, не услышал. В его уши продолжал литься нежный девичий зов, и потому воин ничуть не удивился, увидев сидящую почти в самом роднике нежную юную красотку, одетую лишь во влажную юбку и потому трясущуюся от холода.

– З-замерзаю! – вскинула она на воина огромные синие глаза,

и Трувор торопливо снял носкую колдовскую куртку, набросил ей на плечи.

– Сколько раз селезней на подсадку ловил, – послышался за его спиной насмешливый голос, – а клюнувшим мужиком ты первый будешь…

Почуяв неладное, воин выхватил из петли топорик, резко развернулся. Увидел давнишнего чужака и без колебаний рубанул в голову. Оружие легко скользнуло сквозь призрак и накрепко засело в стволе старой вербы. И в тот же миг на запястье Трувора, дробя тонкие кости, сомкнулись волчьи клыки.

– А-а-а!!! – взвыл он от нестерпимой боли, схватился здоровой рукой за рукоять ножа, но почти сразу и на этом предплечье повис тяжелый зверь.

– Это не твое, подонок. – Андрей развеял мороки, подошел к воину и снял с его шеи серебряный с янтарем амулет. – И это не твое. – Он стянул с грабителя ботинки, расстегнул ремень и сдернул с Трувора штаны. – А это тебе больше не понадобится… – Колдун забрал его пояс с сумкой, отступил: – Он ваш!

Пара волков, удерживающих руки жертвы, разжала пасти и кинулась к горлу.

Молодой чародей тем временем отошел к накинутой на кусты ветровке, оделся. Примерил взятые с караульных пояса. Один застегнул, второй повесил через плечо. Услышал слабый шелест, уловил движение, поднял голову и встретился взглядом со статной темноволосой женщиной в длинном черном платье, усыпанном глянцевым бисером. В руке она держала обитую серебром костяную чашу. Гостья повела носом и вдруг скользнула прочь, спиной вперед, растворяясь во мраке.

– Так вот ты какая… – Андрей, избавляясь от неприятного холодка в душе, передернул плечами и, прищурившись, посмотрел в сторону крепости.

Разумеется, там слышали истошные вопли Трувора и хрип его напарника, а потом – рычание и чавканье. Однако вряд ли спящий город успеет быстро собрать отряд и броситься на выручку двум ушедшим в ночь дуракам. Волчья стая, отозвавшаяся днем на зов колдуна, вполне успеет хорошенько подкрепиться. Андрей не хотел, чтобы звери оказались разочарованы их совместной охотой.

В селении началась суета, послышались крики, стук била. Но из открытых ворот никто пока еще не показался.

– У вас небось даже факелов наготове нет, – презрительно усмехнулся молодой чародей. – Не видели вы еще настоящей войны, не знаете реальных врагов.

Он осмотрел амулет любви, продел голову сквозь нитку,

опустил под ворот. Кольнуло прикосновение магической нити – словно тонкая иголочка пронзила кожу и вошла в сердце. Но тут же слабая боль сменилась приятной теплотой, похожей на прикосновение теплых губ его Катеньки. Колдун вздохнул, вспоминая милый образ, накрыл талисман ладонью.

Отяжелевшие волки наконец-то перестали чавкать. Андрей воспринял их немой вопрос, согласно кивнул:

– Благодарю вас, друзья…

Хищники вытянулись в колонну и потрусили в темноту. Колдун, вздохнув, направился в другую сторону – бечевником вниз по реке.

Андрей понимал, что вернуть остальные вещи не удастся. Он был еще слишком слаб, чтобы лезть в город, полный людей с оберегами, его способностей пока еще слишком мало, чтобы вступить в открытую схватку с Квасуром. Нужно проявить немного терпения – и найти наконец секрет силы!

– Ничего, я сюда еще вернусь, – пообещал он темным стенам крепости. – Теперь я знаю, где искать настоящих учителей. Вы обо мне вспомните, уроды!

А пока ему следовало уносить ноги. Квасур наверняка сразу поймет, кто наказал его воинов, и попытается устроить на чужака охоту.

Однако еще неизвестно, у кого это получится лучше в здешних густых и нехоженых, полных нежити лесах…

* * *

Памятуя о возможной погоне, всю ночь и первый день Андрей шел босиком. Поначалу – просто по колено в воде, благо она стирает не только следы обычные, но и запахи уносит, и чары любые смывает. Выследить жертву, не оставляющую следов, – не так-то просто. Потом колдун свернул в бечевник. На суше и двигаться получалось быстрее, и шума меньше. Однако же ботинки не надевал – уж очень след от них характерный.

На второй вечер все же обулся, свернул в лес, пробравшись в самую непролазную чащобу, и устроился на ночлег в темном ельнике, на мягкой хвойной подстилке, под густыми зелеными лапами. Угостить здешних хозяев ему было нечем. Посему гость просто попросил прощения за беспокойство и обещал сильно не тревожить. Местная нежить извинения приняла – и ночь прошла тихо.

Как бы ни спешил путник уйти подальше – но голод не тетка, и несколько утренних часов Андрей потратил на сбор грибов и

ягод; частью в рот, частью в трофейную поясную сумку, чтобы перекусить в дороге. Ее скромное содержимое – кресало, шило и горсть костяных шариков – колдун переложил к прочему барахлу Трувора.

Ближе к полудню он снова вышел на тропу и размашисто пошагал вниз по реке, раздумывая над тем, не стоит ли сколотить простенький плот из трех-четырех бревен? Топоры у него теперь имелись, целых два. Руки тоже вроде бы из нужного места растут, с таким простым изделием должен справиться. Глупо стаптывать ноги на пути в несколько тысяч километров, если провидение готово доставить его до нужного места практически даром: вниз по течению до Оки, по Оке вниз до Волги, по Волге вниз до скифских степей. А там уже можно к местным жителям обратиться, дабы путь к священному Аркаиму показали.

Но при всей своей соблазнительности строительство заняло бы никак не меньше двух дней. А застрять на двое суток так близко от крепости проклятого Квасура Андрею казалось слишком рискованно. Он бы вообще предпочел отвернуть на любой достаточно широкий приток, отойти на несколько километров и заняться строительством уже там.

Но никаких притоков, как назло, в Москву-реку здесь не впадало. То ли он шел слишком медленно и еще не добрался до будущей столицы, то ли общеизвестные Сетунь, Неглинная и прочие московские притоки были в этом времени слишком узкими или заболоченными и путник просто не заметил их, приняв за вязкий затон. Уж очень разительны были отличия этого мира от реалий, привычных для пришельца из будущего.

Сосны и ели, растущие здесь, имели толщину не в обхват и даже не в два – а метра по три в диаметре. Уходящие к небу кроны плотно переплетались между собой, и внизу, в подлеске, постоянно царил серый полумрак. Здешние сосновые боры отнюдь не отличались ровной землей и не просматривались насквозь на сотни метров во все стороны. До уровня плеч здесь громоздились охапки валежника, тут и там проход перегораживали рухнувшие старые деревья, некоторые еще оставались совсем свежими – а часть успела сгнить, обвалиться, образуя чудные норы и лазы. Получившееся месиво покрывал влажный мох, из которого местами росли трава, папоротники, ловящие солнечные лучи тонкие прутики можжевельника.

Все это непрерывно шумело качающим кроны ветром, треском веток, писком мышей, стрекотом насекомых, пересвистами птиц, далекими похрюкиваниями, рыканьями и, разумеется, неизменным лягушачьим хором. В воздухе висел густой и едкий запах смолистой хвои, звериного мускуса,

перепревшего сена, кислый аромат мха и сладкий – цветущего иван-чая, вонь свежего перегноя и протухшего мяса.

Через здешние леса невозможно было ходить, как через испещренные тропинками парки будущего, через них можно было только пробираться, медленно и неуверенно, подныривая под высоко лежащие стволы, перелезая через гнилые, распихивая валежник, обходя норы и просто ямы. И только вдоль рек удавалось найти вдосталь света и полоску земли, не захваченную могучими деревьями.

Впрочем, реки тоже не походили сами на себя. При ширине меньше десятка метров они были тенистыми – деревья смыкали кроны над руслом, а коли течение оказывалось недостаточно быстрым – так еще и заросшими мхом, осокой и дерном до такой степени, что открытой воды оставалось всего на шаг или чуть больше. Андрей пару раз так попался: поленившись прыгнуть, ступал в узкий ручей с темной водой и вдруг проваливался по плечи, а то и с головой! Так что любой из подобных ручьев мог оказаться той самой полноводной красавицей Яузой или Вяземкой – но вот только еще никогда в истории не чищенной.

Каждое утро, здороваясь с солнцем, небом и лесом, молодой чародей подзывал к себе одну из птиц и отправлял ее в зенит – подняться высоко-высоко над лесом, оглядеть мир вокруг. Узнать, что ждет Андрея впереди на его сегодняшнем пути и что происходит сзади: не появились ли преследователи, не случилось ли чего странного и неожиданного?

Третий рассвет принес ему радостную весть: мчащийся у самой реки стриж вдруг скользнул над большущей многовесельной лодкой с двумя десятками мужчин на борту. Ладья катилась откуда-то с верховьев, лениво подправляя движение взмахами длинных деревянных лопастей.

От волнения колдун чуть не потерял контакт с птицей, быстро поднялся на ноги, заставил стрижа сделать круг.

Лодка была тяжело нагружена устилающими дно мешками из темной толстой кожи и несколькими накрытыми рогожей корзинами. Бородатые корабельщики – явно из-за жары – были одеты только в узкие кожаные штаны, однако на корме и носу лежали длинные плащи с капюшонами – ничуть не похожие на куртки обитателей проклятого города. Одежда другая, подобных кораблей возле крепости не имелось. То есть – это явно не погоня. Просто путешественники.

– Наконец-то! – обрадовался Андрей, освобождая разум птицы. – Вот и плот делать не понадобилось…

Взгляд издалека дал ему изрядный запас по времени. Путник успел и подкрепиться грибами, и умыться, и одежду в порядок

привести, и место удобное выбрать – на сизом валуне, притулившемся на самом берегу реки между двух березок. И все равно Андрею пришлось ждать почти четверть часа, прежде чем из-за излучины величаво выплывет солидный баркас размером с тяжелую «дальнобойную» фуру – метров десяти длиной и примерно трех в ширину. Грубо отесанные поверху дощатые борта поднимались над водой примерно до уровня пояса и понизу были обшиты какими-то толстыми шкурами; киль с форштевнем представляли собой просто изогнутое бревно с торчащим наверх корнем, украшенным бычьим черепом с темными коричневыми рогами.

Колдун поднялся, вскинул руку, как положено человеку, тормозящему попутку.

– Ровного вам пути, добрые люди! – крикнул он. – Сделайте милость, возьмите на борт, насколько дорога окажется попутной. Я хорошо заплачу!

Несколько корабельщиков в лодке тоже выпрямились во весь рост, опасливо озираясь. Они были, как на подбор, широкоплечими крепышами, под смуглой кожей играли крепкие мышцы.

Впрочем, в этом мире все мужчины выглядели так, словно с самого детства занимались тяжелой атлетикой.

«Похоже, вместо благородного сидения у компьютера им день за днем приходится дрова колоть, веслами махать и таскать бревна для срубов», – мысленно усмехнулся пришелец из будущего.

Увы, но на фоне местных жителей он выглядел до обидного хлипко. Мериться силами не стоило.

Послышалась короткая команда, весла ударили по воде, судно повернуло к берегу.

– Спасибо, путники! – обрадовался Андрей. – Слово даю, не обижу! Вы далеко путь держите?

– На юг, – ответил единственный на борту бритый мужчина, голубоглазый и широкоскулый, лет сорока на вид. – Куды еще тут плыть можно?

– До скифских земель дойдете?

– Знамо дойдем, – согласился бритый.

– А меня с собой прихватите? – подошел ближе молодой человек.

– Не сомневайся! – кивнул бритый, и в голове колдуна взорвался сноп искрящейся боли…

* * *

Андрей очнулся в неудобной позе. Ноги упирались во что-то жесткое, левый бок кололо, правый холодило, голова упиралась в камень. Руки связаны за спиной. И почему-то студента-медика совершенно не удивило то, что он опять оказался голым.

Он поморщился, невольно застонал, открыл глаза и закрутился, кое-как перемещаясь.

Молодой чародей валялся на пахнущих водорослями мешках, между двух толстых, темных от времени и до блеска отполированных задницами лавок. Совсем рядом журчала вода, мир по сторонам покачивался, сверху медленно и величаво проплывали кроны деревьев.

Немного помучившись, Андрей принял почти вертикальное положение, привалившись спиной к борту, вытянул ноги. Он опустил глаза, скрипнул зубами:

– Вот проклятье! – И колдун громко спросил: – Эй, мужики! Где мой амулет?!

– Амулет? Это все, что тебя интересует? – к нему подтянулось сразу несколько корабельщиков. Двое седовласых и седобородых мужчин успели поделить и напялить его ветровку и брюки, у бритого на шее качалось серебряное украшение с янтарной вставкой. Остальное добро путешественники, само собой, тоже поделили. Но раз главная ценность досталась голубоглазому, то он, вестимо, и был здесь за старшего. Спокойно глядя ему в зрачки, Андрей сказал:

– Нет, болезный. Еще меня интересует, когда мы попадем к скифам?

– Ну… – Тот растопырил пальцы. – Ты попадешь к ним ден через десять али пятнадцать. Ты здоров и молод, за тебя дадут хорошую награду. А плату за поездку мы с тебя уже взяли, не беспокойся!

Мужчины довольно расхохотались.

Андрей стиснул зубы, пытаясь вызвать образ ревущего в ярости льва, капающего слюной, готового вот-вот броситься на грабителей…

Но ничего не вышло. Точно так же, как слуги Квасура, проклятые корабельщики все поголовно носили обереги – ладанки, амулеты, пайзы с защитными рунами. Колдовство связанного чародея оказалось не в силах пробиться к их разумам через эти магические ловушки.

– Хорошо… – только и выдохнул студент и прикрыл глаза.

– «Хорошо»? – Голубоглазый каким-то шестым чувством почуял неладное, присел рядом на корточки, ткнул кулаком в плечо. – Как-то ты вовсе безмятежен для пойманного раба, славянин. Уж не обезумел ли от ужаса?

– Я по-доброму попросился к вам в попутчики, – поднял веки Андрей и снова посмотрел врагу прямо в зрачки. – Обещал честно заплатить. Вы меня ограбили и пленили. Значит, честность к вам отныне не обязательна. Правильно?

– Интересно! – приободрил его голубоглазый. – И что же ты сделаешь?

– Буду спать, – пожал плечами молодой чародей. – Мне нужно к скифам, вы меня туда везете. Когда доберемся, я вас всех перебью и заберу все, что покажется ценным. Мне нужно предложить плату тем, кто повезет меня дальше. Так что ваша лодка оказалась очень кстати.

– И чем ты нас перебьешь, храбрый раб? – поинтересовался бритый. – Взглядом или дыханием? Руки-то у тебя связаны.

– Пустяки, дело житейское, – насмешливо скривился Андрей. – Я самый могучий колдун этого мира. Веревкам меня не остановить. Понадобится, сброшу.

– Думаешь, самая большая татуировка Коло делает тебя сильнее обычных сельских девок? – щелкнул его по груди голубоглазый поработитель. – И почему тогда самый могучий колдун попался в полон, словно последний деревенский дурачок?

– Посмотри на них, – указал на седых корабельщиков студент. – Ты хоть раз в жизни видел такую одежду? Ты понимаешь, из чего она сшита? Это колдовство, несчастный смертник, настоящее неодолимое колдовство. Мне нужно к скифам, вы меня туда везете. Посему пока живите. После того как вы исполните свое предназначение, я вас уничтожу. Вы плохо себя ведете и должны быть наказаны.

Голубоглазый покосился на пятнистую куртку своего соседа и разом посерьезнел. Рывком перевернул пленника, подергал путы, снова опрокинул на спину и приказал седому:

– Литаня, локти ему тоже стяни, для надежности.

– А может, просто руки перебить, Биклык? – предложил тот.

– Не порти товар, не для того ловили, – поднялся голубоглазый. – Лучше присматривай за ним особо. Пои, корми нормально, но веревки каждый день проверяй. Выберемся в степь, сразу избавимся. Что-то не нравится мне этот болтун.

Литаня все же пнул пленника ногой. Но не сильно, и тоже отправился куда-то к носу. Вестимо, за веревками.

Андрей, оставшись один, снова закрыл глаза. Он пытался понять, как можно выжить чародею в мире богов и колдунов? В двадцать первом веке все было прекрасно. Он творил что хотел, вызывая призраков и показывая чудеса, наводя порчу и исцеляя от болезней, он чувствовал себя всесильным, настоящим полубогом! И очень хотел избавиться от оговорки «полу».

Получите-распишитесь. В эпоху настоящей магии, оказывается, даже последний бродяжка таскает на себе три-четыре оберега. И колдуну до него – не добраться! Из полубога Андрей превратился в никчемного ханурика, которого пинают все кому не лень! Вот тебе и мудрость тридцати веков, каковой он отличается от здешних дикарей! Два раза с местными пообщался – оба раза попал в плен, получил по голове и оказался ограблен до нитки. Хорошенькое начало для изучения великого волшебства…

Однако один положительный для Андрея момент все-таки обнаружился. Вечером, когда корабельщики остановились на ночлег, седой мужчина кинул ему на ужин крупного и горячего печеного судака. Есть было весьма неудобно: руки пленнику охранник не развязал. Но все равно, после полумесяца одних только ягод, заячьей капусты и сырых грибов это немудреное угощение показалось настоящим царским лакомством!

На какое-то время колдуну даже расхотелось убивать всех этих милых людей… до тех пор, пока корабельщики не напоили его предельно простым способом: перевернули на живот и перевесили через борт, так что вся голова оказалась под водой.

С рассветом лодка покатилась дальше вниз по реке, от излучины к излучине, покачиваясь на перекатах и проскальзывая под низкими кронами склонившихся к воде плакучих ив. День за днем, от рассвета до заката.

Примерно раз в день или в два корабельщики останавливались возле городов или прибрежных деревень, высаживались, спорили и торговались с местными жителями – после чего выгружали два-три мешка, грузили вместо них тяжелую корзину или рогожный куль и плыли дальше.

Андрей все это время лежал с закрытыми глазами – но видел все. Видел глазами проносящихся над рекою птиц, пасущихся возле селений могучих лосей, ощущал чувствами домовых и кикимор, успевших прижиться у человеческого жилья. Как ни странно, но несколько дней голодной и безнадежной болотной жизни пошли чародею на пользу. Он научился пользоваться способностями, на которые ранее почти не обращал внимания – умением общаться с живыми существами. В мире амулетов именно этот его дар внезапно оказался самым полезным. Будучи голым, связанным, беззащитным, Андрей, однако, мог в любой момент призвать к себе в помощь обитателей ближнего леса, натравить на врагов насекомых или просто попросить снующих под припасами корабельных мышей перегрызть его веревки.

Если до сего часа колдун все еще не освободился и не перевалился за борт, исчезая в прибрежных зарослях, – то лишь

потому, что хотел вернуть амулет. А заодно – одежду и остальные вещи. Сделать это силой Андрей не мог – и отчаянно искал способ пробиться через защиту вражеских оберегов.

Способов взломать талисманы молодой чародей знал множество. Если добыть плоть жертвы – волос, кровь, ноготь, – то можно воздействовать на нее напрямую, мимо амулетов. Можно заговорить пищу, воду – хотя проще подкинуть в еду белену, багульник или цикуту, благо вдоль реки этого добра росло с избытком. Можно поставить на ветер, след или тень врага долгую, выматывающую порчу, которая ослабит защиту, постепенно вытянув силу рун и заклятий.

Но для этого нужна свобода! Свобода действий – и время. Увы, но сейчас колдун не имел ни того, ни другого. Если покинуть лодку – она умчится, никогда не догонишь. Поставить морок и стать невидимым для корабельщиков никак не выходило, несмотря на все старания. И поэтому студент терпеливо лежал, лишь слегка ослабив путы, и думал, осматривался, перебирал варианты, утешая себя тем, что его хотя бы кормят – причем нормально, а не травой; и тем, что каждый день приближает его к священному Аркаиму.

К обещанному десятому дню путники так и не добрались до степи, хотя и попали в куда более полноводную, чем прежняя, реку. Как прикинул Андрей – скорее всего, в Оку.

Делать «пассажиру» было нечего, и, как положено беззаботному туристу, колдун посвятил свободное время любопытству. Улегся поудобнее, плотно сжал веки, поймал сознанием проносящуюся мимо ласточку, тут же дотянулся до нее душой, оставил внутри пичуги крохотную частицу себя – и тут же обозрел здешние просторы с высоты птичьего полета.

Леса, леса, леса… Разрывающие плотный массив сосновых крон прогалины были болотами или топкими заливными лугами. Ни полей, ни сенокосов, ни деревенских крыш. Люди здесь, похоже, не водились. Хотя…

Ласточка чуть отклонилась, снизилась к березняку, над которым вился слабый дымок.

Светлая роща тянулась вдоль до самой Оки и заканчивалась несколькими огромными березами, свисающими над рекой. А напротив, по другую сторону русла, впритык к ним в воду упали две громадные сосны. И проплыть мимо иначе, как под березами, было совершенно невозможно.

Птица крутанулась возле крон – и Андрей уже без особого удивления заметил там уложенные петлями толстые веревки, возле них – обвешанный пучками веток караульный. В кустах на берегу прятались два легких челнока из бересты, лежали весла. А

чуть дальше, возле костра, развалились полтора десятка бритых налысо, безусых и безбородых мужиков в толстых кожаных панцирях с завязками на боках. У каждого из них – на коленях, на широких поясах, просто рядом наготове – имелось по деревянной палице с каменным навершием. И все – никаких следов жилья или хозяйства вокруг.

– Проклятье… – пробормотал колдун, забирая обратно частицу своей души у птицы.

Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться, чем развлекаются одетые таким образом люди в подобном месте. Тем более в мире, с суровыми нравами которого Андрей успел наглядно познакомиться.

Чародей слабо присвистнул, окликая мышек – чисто рефлекторно, животные слышали его и так, – подозвал ближе и чуть приподнялся, облегчая зверькам путь к рукам за спиной. Минута – и путы упали.

Андрей слегка развел запястья, пошевелил кистями, повел плечами, разгоняя кровь и возвращая конечностям забытую подвижность, несколько раз согнул и разогнул локти.

– Вроде бы слушаются…

Еще немного разминки, и когда лодке оставалось до березовых крон метров сто пути, он отбросил скрытность, выпрямился во весь рост, покачался с ноги на ногу, широко взмахнул руками.

– Раб освободился!!! – истошно заорал кормчий. – Держи!

Сам он, понятно, отпустить рулевое весло не мог.

Прочие корабельщики – и собравшиеся на носу, и сидящие у кормы на веслах – быстро поднялись, расставили руки, словно собрались ловить беглого поросенка. Бритый Биклык даже успел сделать пару шагов. Лодка опасно закачалась.

– Разбирайте оружие, идиоты! – презрительно посоветовал Андрей. – Сейчас вас будут немножко убивать, немножко грабить. Главная опасность вон в тех березах. Оттуда разбойники собираются спрыгнуть прямо вам на голову.

Биклык торопливо оглянулся и крикнул:

– В топоры! Щиты разбирайте!

Колдун осмотрелся и за неимением другого оружия потянул к себе весло.

Судно на всей скорости влетело под кроны, по ушам ударил резкий заливистый свист, и тут же с берез вниз, с треском ломая ветки, посыпались воины в меховых шапках. Один падал точно на студента, и тот не смог придумать ничего лучше, кроме как выставить ему навстречу рукоять весла. Разбойник ударился в нее грудью, всем своим весом выбивая из рук. И вдруг лопасть жестко

уперлась в дно, послышался хруст, воин округлил глаза, брызнул кровью изо рта и откинулся на спину.

Андрей торопливо схватил упавшую на мешки палицу разбойника, левой рукой потянул с пояса врага рукоять ножа, на миг замер в изумлении: нож был обсидиановый! Формой напоминал ладонь и размер имел такой же. Но тут кто-то крякнул, наваливаясь сбоку спиной, и колдуну стало не до размышлений. Из-под мертвого тела он ударил вперед ножом. Услышал стон, отпихнул погибшего корабельщика, с размаху ткнул палицей в голову зажимающего живот разбойника. Шапка легко промялась глубоко в череп, чужак повалился за борт. Андрей увидел на корме убитого старика, правившего лодкой, над ним – Биклыка, дерущегося с разбойником, кинулся на помощь.

Корабельщик присел, прикрываясь небольшим щитом. Тот треснул под ударом палицы, но бритый успел ударить врага по колену. Нога подломилась, разбойник с криком повалился в воду. Но берестяной челнок с пятью бандитами уже подваливал к борту.

– Проклятье! – Колдун бросил палицу, схватил нож в зубы, подобрал ближнее весло, вскинул и уперся в борт челнока, отпихивая его в сторону. Сидящий на носу воин подбил весло вверх, однако рядом тут же ударило другое, наставленное Биклыком. Разбойник потянулся к нему, и Андрей, пользуясь моментом, с силой ударил своим ближе к воде.

Береста жалобно захрустела, гребцы закричали – и челнок отвалил в сторону.

Биклык с колдуном перевели взгляд на лодку. Там полтора десятка корабельщиков напирали на пятерку разбойников. Те, оценив неравенство сил, испытывать судьбу не стали и просто попрыгали за борт, шустро плывя к берегу. Второй челнок с одним лишь гребцом отвернул за ними.

Андрей быстро качнулся к старшему корабельщику, обхватил локтем за подбородок, приставил нож к горлу Биклыка:

– Не вздумай шелохнуться! При первом подозрении зарежу! Понятно выражаюсь? И вы все назад! – предупредил он остальных мужчин.

– Ладно, ладно, колдун, – сразу согласились те. – Только Сибилю поможем!

Седовласый корабельщик со стонами катался по мешкам, пытаясь зажать кровоточащую рану на ноге. И одет он был в штаны из плащевки! Литаня же в ветровке просто исчез. Видимо, выпал за борт.

Молодой чародей ругнулся, сильнее прижал нож к горлу

Биклыка.

– Пощади! – взмолился тот. – Проси, чего хочешь, только отпусти!

– Во-первых, это не твое… – Андрей, не отнимая ножа, левой рукой снял с шеи корабельщика амулет любви, накинул шнурок себе на голову и заорал в ухо: – Во-вторых, верните все, что у меня забрали!

Старший втянул голову в плечи, сглотнул. Тихо предложил:

– Я тебе свою отдам одежду. Не рабочую, а в коей на торг выхожу. Добротная одежа, дорогая. Долго шил, долго собирал, хорошо делал. Не хуже твоей будет. Остальное соберем! Здесь оно все, ничего не пропало.

– Давай! – чуть ослабил нажим лезвия Андрей, изрядно уставший от вынужденного нудизма.

– Ежан, принеси, – прохрипел старший.

Один из корабельщиков, с кровоподтеком на груди, сходил на нос, вскоре вернулся с сумой из тонкой замши, поставил перед старшим. Биклык осторожно взял за кисть молодого чародея, отвел нож от своего горла, присел, распустил узел.

Лодка тем временем продолжала нестись по течению, вода развернула ее поперек русла, и колдун не выдержал:

– На весла сядьте кто-нибудь! А то неровен час в берег врежемся.

– Вот, – достал Биклык две замшевые скрутки.

Колдун сунул их под левый локоть, продолжая держать наготове нож. Одеться при всем желании он не мог. Стоит отвлечься хоть на миг, сразу получишь по голове. Этот урок путешественник во времени успел усвоить накрепко.

– Меня терзают смутные сомнения, – уже куда более спокойно произнес Андрей. – Я собирался позволить вам доставить меня к скифам и там убить в наказание за обман, ограбление и свой позор. Это была бы справедливая кара. Но тут появились эти проклятые разбойники… Если бы я вас не предупредил, то в общей свалке они могли бы ранить и меня. Они ведь полагались на неожиданность и не стали бы разбирать, кто здесь хозяин, а кто пленник. Просто убивали бы всех, до кого дотянутся.

– И мы благодарны тебе, колдун, – напряженно ответил Биклык, чуть приподняв руки.

– Мне пришлось освобождаться здесь, – покачал головой Андрей. – И что теперь? Если я убью вас сейчас, мне не удастся добраться до степей. Даже мне не справиться с такой лодкой в одиночку. А если не убью, вы ускользнете от справедливого возмездия.

– Смерть – это не единственный способ разрешать споры, колдун, – бритый корабельщик заметно успокоился. Он был торговцем. Освобожденный раб начал торговаться. Значит, убивать никого не станет. Значит, намерен заключить сделку. – Скажи, какой подарок сгладит из твоей памяти случившуюся неприятность?

– В наказание за свершенную подлость вы доставите меня в Аркаим, к богам скифов! – объявил свое решение студент-медик. – И тогда я забуду все обиды, не стану мстить и даже не потребую возврата остальных украденных вещей.

– Почему в Аркаим? – удивился Биклык. – Ведь боги скифов обитают в Тавриде! Там их храм и обитель богини, откуда степняки берут свой священный огонь и везут в кочевья. Ну, если родовой очаг погас али новая семья отделяется…

– А как же Аркаим? – от неожиданного сюрприза Алексей даже опустил нож. – Он арийский? Или принадлежит русам? Это чье святилище?

– Скифы… Э-э-э… Там руду медную копают… – Биклык, похоже, вообще не понял, о чем говорит колдун.

Молодой чародей прикусил губу, раздумывая.

Известие о том, что боги скифов поселились в Крыму и что там раздают кочевникам некий священный огонь, застало его врасплох. Однако… Однако реальность мира, в котором он оказался, уже так часто шла вразрез с ожиданиями, что колебался Андрей недолго:

– Хорошо, пусть будет Таврида! Вы доставите меня к главному храму скифов в Тавриде, и я забуду все обиды. Согласны?

– Миром все решить, оно завсегда мудрее, – облегченно перевел дух старший корабельщик.

– Коли согласен, снимай обереги! – потребовал Андрей. – Все, до единого!

Голубоглазый мужчина снял через голову темный крученый ремешок, опустил возле борта деревянные бусы, расстегнул пояс с сумкой, положил туда же. Распутал тонкую нитяную косичку на запястье, кинул сверху. Развел руки:

– Все…

Молодой колдун криво улыбнулся, повел ножом, соткал образ желто-синего махаона, мысленно пустил к уху корабельщика. Тот опасливо покосился глазом. Значит, увидел. Морок подействовал.

– Миска али плошка какая найдется?

Биклык отступил на корму, достал откуда-то снизу деревянную чашу. Сделанную, кстати, весьма аккуратно, словно

на токарном станке выточенную.

– Черпни воды из реки.

Корабельщик послушался.

– Теперь смотри… – Андрей наклонился и медленно дохнул на прозрачную сверкающую жидкость, как недавно делала это болотница. Колдун почему-то был уверен, что у него тоже получится.

От выдоха чародея по воде пробежала слабая волна, и искорки, солнечные блики куда-то исчезли.

– Клянись водами реки сей, смертный, что ты, путник Биклык, никогда не причинишь мне, Андрею из грядущего, никакого вреда ни делом, ни словом, ни помыслом! Поклянись и выпей чашу до дна.

– Не пей! – вдруг дернулся один из гребцов.

Андрей предупреждающе вскинул палец, и корабельщик испуганно осекся.

– Я, варяг Биклык из Канды, сын славного Сыруча, клянусь водами текучими, дневными, ночными и небесными, что не причиню тебе, Андрею из грядущего, никакого зла ни делом, ни словом, ни помыслом своим! – Корабельщик осушил чашу и перевернул ее.

– Так ты варяг? – с облегчением опустил нож колдун.

– Мы все из мест варяжских, – пожал плечами Биклык. – Обереги забрать можно?

– Конечно, – кивнул Андрей. – Ты выпил мертвую воду, и вернуть ее из твоего тела обратно не в силах ни один амулет. Если ты нарушишь клятву, вода заберет твою жизнь.

– Я и не собираюсь.

– Отныне на меня ты тоже можешь полагаться, – заявил молодой чародей, прошел на середину лодки и, стараясь выглядеть невозмутимым, расстегнул ремень первого в своей жизни убитого человека. Варяги не должны увидеть, как внутренности пассажира выворачиваются наизнанку, как бросает его то в жар, то в холод, как бешено колотится сердце. Андрей был один против пятнадцати бывалых взрослых мужиков. Только уважение к чужой силе и страх перед колдуном могли сохранить заключенный им только что договор.

Молодой человек вогнал обсидиановый клинок в ножны, подобрал палицу, пошел на корму.

– Все?! – с надеждой спросил кто-то из корабельщиков.

Андрей кивнул. Варяги тут же склонились над мертвецом, быстро и споро сняли одежду, украшения, старательно обшарили тело и только после этого небрежно перевалили за борт.

Со своим товарищем, уже переставшим дышать, они

обошлись куда уважительнее. Пояс, правда, сняли – но взамен вложили что-то в руки, потом завернули в рогожу, по очереди подошли, поцеловали в лоб, каждый прошептал какое-то напутствие.

Молодой колдун, оставшись без внимания, воспользовался возможностью наконец-то одеться.

Отданный ему костюм оказался необычным. Штаны были соединены с сапогами – если, конечно, штанины с подошвой вообще можно называть сапогами. По всему поясу шел ряд прорезей, через которые продергивался тонкий сыромятный поясок. Но самое интересное – подобные прорези имелись и в нижней части куртки. Пояс можно было продеть сразу через обе части одежды и плотно их стянуть в единое целое.

Выглядело все это непривычно – однако, наверное, было удобно для корабельной жизни. В непогоду этакий комбез не оставлял ни единой щели для попадания воды или ветра, нечему было сползти или потеряться, а если окажешься за бортом, не мог бы намокнуть и утянуть на дно.

Нижнего белья, понятно, даже не предусматривалось – но мягкая замша буквально ласкала кожу, делая непривычные ощущения приятными. Зато снаружи и куртка, и штаны были украшены полосками с бахромой, несколькими шерстяными кисточками и расшиты мелкими костяными шариками. Все опрятно, ровно, красиво. В таком костюме можно было даже в двадцать первом веке спокойно пойти вечером в ресторан и не привлечь к себе внимания. Легкое ретро в ковбойском стиле – и ничего более.

Наконец-то облачившись, Андрей опоясался трофейным ремнем, повесил в петлю палицу, заглянул в поясную сумку. Ничего особенного, правда, там не нашел. Кресало, горсть костяных шариков, назначение которых теперь стало понятно, моток суровой нитки, несколько палочек и косточек.

Пока колдун разбирался с костюмом и добычей, корабельщики закончили свое прощание с погибшим, опустили сотоварища за борт и долго смотрели вслед.

А лодка все плыла и плыла вниз по течению, не останавливаясь даже для такого печального обряда. Похоже, для варягов вся жизнь была движением, и обряд погребения в воде стал ее естественной частью – как в будущих флотах. И постоянно, меняя друг друга, четверо корабельщиков сидели на веслах.

После похорон, с опаской поглядывая на колдуна, на корму прошел худощавый, рыжебородый и морщинистый варяг, сел у борта и взялся за кормовое весло. Остальные тоже выглядели

хмуро, явно вспоминая погибших. Нынешний день у путников не задался.

В сумерках, как обычно, лодка приткнулась к берегу. Варяги попрыгали наружу, привычно взялись за дело – кто-то тащил валежник, кто-то потрошил рыбу, кто-то высекал огонь. Вскоре у воды полыхнуло сразу два костра, разгоняя сгустившийся мрак. Андрей во всем этом действе не участвовал, а когда с хлопотами было покончено, Биклык подошел к нему и протянул двух крупных, уже освежеванных окуней и заточенный прут.

Следуя общему примеру, молодой человек подсел к костру, нанизал рыбу на деревянный шампур, протянул к пламени. Очень скоро тушка зашипела, начала пузыриться, обугливаться. Андрей подождал, пока чешуя не превратилась в черную корку, счистил ее пальцем. Чуть отошел и с удовольствием поел, затем подступил к уже прогорающему костру с другим окунем.

Валежник прогорел быстро. Варяги ненадолго разошлись в сторону, вернулись, стали садиться в лодку.

– Поднимайся, – позвал Андрея старший. – Встанем на ночлег ближе к стремнине, чтобы с берега никто не подобрался.

– Не обижайся, Биклык, – покачал головой студент, – но спать с вами я не стану. Не хочу искушать своей беззащитностью. В кустах где-нибудь устроюсь.

– Я дал тебе клятву!

– Я тебе верю, Биклык, – кивнул Андрей. – Но вдруг кому-то из твоих варягов захочется рискнуть?

– Здесь полно зверей! Сожрут, едва глаза закроешь!

– Я же колдун, Биклык, – улыбнулся студент-медик. – Меня не тронут. Так что на рассвете встретимся здесь.

– Как знаешь, – пожал плечами варяг, навалился двумя руками на нос лодки, сталкивая ее в реку, вошел по колено в воду и ловко запрыгнул на борт.

Глубоко сидящее судно откатилось на два десятка шагов и бросило якорь.

Андрей помахал рукой, крутанулся на пятках, уверенной походкой зашагал в темноту кустарника.

В темно-красных отблесках от догорающих костров колдун углубился в заросли всего на несколько метров – а дальше начался уже полный мрак и завалы из старых стволов. Практически на ощупь молодой человек смог пробраться чуть глубже – и почуял присутствие затаившегося неподалеку зверя. Сосредоточившись, Андрей даже смог различить, кто это тут пахнет влажной шерстью и застарелой кровью: совсем еще молодой лисенок. Чародей вытянул руку, призвал его поближе, разломил надвое оставшегося окуня, протянул малышу. Тот

принялся радостно чавкать, а колдун уже привычным усилием воли растянул душу, оставив частицу в сознании рыжего туземца, и отправил сытого зверька к берегу.

Лисенок протрусил до воды, уселся на траве, навострил уши.

– Уходить надобно, Биклык! Пока этот славянин спит там, в норе, закидуши снять, якорь выбрать и все, следов не отыщет! – Голос корабельщика показался Андрею знакомым, но кто именно это был, он упомнить не смог. – Перережет нас украдкой, попомни мое слово! Славяне, они злопамятные!

– Он ищет скифских богов, Репей, – ответил старший варяг. – Сам понимаешь, ногами до Тавриды не добраться. По колено стопчешь, да еще и под зиму попадешь. Он нас не тронет. Мы нужны ему, чтобы править лодкой. До самого последнего дня. А убивать в порту Девы он уже не посмеет. Многолюдно там слишком, стража. Табити богохульства подобного тоже не стерпит.

– Ты надеешься на это, Биклык?! – вступили в спор еще какие-то корабельщики. – Нужны – не нужны, захочет – не захочет! Бросать его надо, пока беды не случилось, да уходить!

– Беда случилась бы, кабы колдун сей нас бы о татях не упредил! – повысил голос старший. – Свалились бы лесовики на нас сонных и вялых, перебили бы половину, прежде чем за топоры кто схватиться успел! Лежали бы ныне в иле донном с головами пробитыми и брюхом вспоротым!

– То он свою шкуру спасал, а не нашу!

– Тебе что за дело, Поршняк, отчего ты колдуну дорог оказался? Главное, что нужен! Так что он нас всех и далее спасать станет. Сами подумайте, други: с нами умелый чародей плыть будет, от всяких напастей оберегающий! Со скифами договориться поможет, от разбоя охранит, от порчи отчитает. Нам же за то даже платить ему не надобно! Когда еще удача такая выпадет?!

– Мы же к рахманам сбирались, Биклык, – уже не столь гневно напомнили варяги.

– Священный город тоже неплох, – ответил старший. – Бисера египетского взять можно, медь там дешевле, серебра всегда много. На месте, мыслю, еще чего углядим. Надобно токмо на нижнем торгу меда поболе взять. Мед в городах хорошо идет, богачи любят сладенькое. И от янтаря тоже не отказываются. Пользоваться удачей надобно, други, а не капризничать. К рахманам мы завсегда успеем. В Тавриду же так просто не спуститься. Вот пусть колдун и проведет, раз судьба нам его подарила.

– А обратно как выбираться станем?

– Милостью Стрибога туда проводник нашелся, найдем и обратно дорогу…

Андрей облегченно перевел дух.

Похоже, подлостей в пути со стороны варягов можно не опасаться. Значит, половина проблем – долой.

Молодой колдун отпустил лисенка на свободу и поклонился местной нежити остатками печеной рыбы:

– Примите мое угощение, здешние хозяева. Чем богат, тем и делюсь. Не серчайте, что без приглашения в доме вашем ночую. Тревожить сильно не стану. До рассвета отдохну и откланяюсь…

Он достал серебряный с янтарем амулет, подержал в ладонях, наслаждаясь текущей через нить времен нежностью и вспоминая любимый образ. Поцеловал, спрятал под одежду, вытянулся на мягком влажном мхе и мгновенно провалился в глубокий безмятежный сон…

* * *

Когда с первыми лучами Андрей вышел из чащи к берегу – ступая уверенно и спокойно, положив правую руку на гранитное оголовье весомой палицы, лодка уже приткнулась к берегу, а варяги, разойдясь в стороны, снимали закидушки. То перед одним, то перед другим вдруг начинала бурлить вода, и рыбак быстро выдергивал на сушу кто окуня, кто налима, а кто и сазана.

– На потроха всегда хорошо клюет, – сказал старший корабельщик, подходя ближе. – Доброго тебе утра, колдун! Как спалось?

– И тебе хорошего дня, славный Биклык, – вскинул руку студент-медик. – Надеюсь, вас тоже никто не потревожил?

– Прекрасная Сречa благословила нас своей милостью. – Варяг разломал надвое по хребту вяленую рыбину, что была у него в руках, протянул половину молодому чародею: – Не желаешь подкрепиться?

– Благодарю, друже, – принял угощение Ан-дрей.

Знаковое угощение! Корабельщик «преломил хлеб» со своим попутчиком. Это, конечно, не побратимство, но знак высокого доверия.

Рыбаки тем временем собрали добычу в корзину и сматывали удочки. Гость из будущего обратил внимание, что выглядела снасть зело необычно: суровая нитка, а на конце – заостренная с двух сторон палочка. Теперь он понял назначение косточек и палочек, что лежали в трофейном подсумке. Осталось догадаться, как такими удочками пользоваться?

Спрашивать студент не рискнул. Назвался великим колдуном – держи марку.

– Ну что, Андрей из грядущего, отчаливаем? – спросил Биклык.

– Да! – Недавний раб поднялся в лодку, прошел чуть вперед и уселся на лавку возле пахнущих прогорклым салом корзин.

Вскоре судно выкатилось на стремнину, выправилось носом под солнце. Рыжебородый кормчий потянулся, что-то негромко буркнул старшему и стал пробираться на нос. Биклык занял его место, взяв рулевое весло под локоть.

Андрей подумал и пересел к нему, привалившись к противоположному борту.

– Значит, вы и есть варяги? – проронил он.

Кормчий покосился на него, кивнул.

– Давно хотел спросить. А где они живут, настоящие варяги?

– Знамо где, колдун, – хмыкнул Биклык. – Где соль варится, там и варяги. Наш род с моря Студеного, с самого севера. В морях наших вода такая соленая, хоть огурцы в ней соли. Вот токмо не растут они у нас, огурцы-то. Зато леса много, дров. Вот заместо супов всяких соль и варим. Еще варяги в Русе живут, источники там горькие бьют. В Заволочье у горьких источников тоже наши есть и за морем западным.

– Чего же вы там с солью со всей делаете?

– Как чего?! – расхохотался Биклык и стукнул пяткой в устилающие дно лодки кожаные мешки. – По весне грузим все по ношвам, челнам да шитикам, и в путь! У нас ведь на севере соли много, да вот со снедью не очень. А на юге мяса, грибов, огурцов и прочего добра вдосталь, а соли нет. Без соли же, колдун, ни еды не сберечь, ни вкусно не покушать, ни от чародейства не спастись. Вот мы и плывем на юг, соль свою на иное добро меняя.

– От студеных северных морей путь на юг по Двине лежит или по Онеге, – прикинул Андрей. – Это далеко-далеко западнее. Как ты на Москве-реке оказался?

– Ты знаешь дороги, колдун?! – В голосе Биклыка прозвучало неподдельное уважение. Гребцы с задней лавки, слышавшие разговор, тоже бросили на пассажира восхищенные взгляды.

– Достаточно, чтобы отличить правду от лжи, – приободрился гость из будущего. Впервые за все время ему наконец-то пригодились знания человека из двадцать первого века.

– К рахманам мы собирались, – признался Биклык. – Посему по осени за янтарем свернули. А от моря закатного в Русу к варягам пошли. Весной же тяжелыми в половодье до Тверцы, а опосля через волок у Ламы в Волошню, а с нее на Москву-реку. Путь, знамо, муторный, пять порогов и два волока. Да токмо из-за

мороки сей мало кто по нему ходит, и за товар свой вдвое больше со славян местных просить можно. И дают! Соли-то хочется…

– Че дают? – ненавязчиво поинтересовался колдун.

– Знамо, что со славян просить надобно! Иголки железные да шила тонкие. На худой конец мед требовать да мяса сушеного. У них сего добра много, цены не заламывают.

– Пушнину? – уточнил Андрей.

– Меха, что ли? – переспросил Биклык. – Да кому они нужны! Зверья своего везде хватает. Кому надо, дома добудет. А вот соль, иглы, мед – это товар. С железом кроме славян вообще никто работать не умеет. Они свой род от Сварога-кузнеца ведут, сие дар токмо им дарованный.

– Так, может, ножи, топоры…

– Даже не думай, – поморщившись, покачал головой варяг. – Дрянь у них, а не ножи. Коли много резать, каждый день точить надобно. Мягкие они, тупятся. Топора и вовсе хорошо, если на одно дерево хватит и кромка не расплющится. То ли дело каменный! Один раз выточишь, и на весь год хватит. А то и на два.

– А иглы не тупятся?

– Тупятся, гнутся, – согласился варяг. – Да токмо как ты из камня шило выточишь? Вообще никак. А железные славяне хоть с волосинку толщиной сковать умеют! У скифов так не выходит, их медные иголки – полная дрянь. Они со славянами хоть и во вражде, но шила железные с охотой берут, на свои не надеются. Зато какие у них котлы! Тонкие, прочные, легкие! Токмо ради них к скифам и ходим. Как без котла хорошего соль выварить? Никак! А степняки за них такие цены всегда заламывают… – Биклык зацокал языком и покачал головой. – Всю мою лодку за один котел отдать надобно!

– Что еще у них есть хорошего?

– Войлок катают, цены ему просто нет! – вздохнул варяг. – Одеяла из него теплые и мягкие. На снег зимой бросишь, босиком ходить можно. Дома пол застелишь, сто болезней выгоняет!

– Много просят? – понял его горести Андрей.

– Много, – согласился Биклык и тут же злорадно ухмыльнулся: – Но солененькое они тоже зело любят!

– То есть к концу пути соль кончается, а лодка только тяжелеет?

– Это верно, – мечтательно улыбнулся варяг. – До морей доходим, бисер там берем еще, нефрит, сушеные ягоды тамошние, и домой поворачиваем. По дороге половину скифам и славянам продаем, от них вдвое против прежнего получаем. И когда к причалу родному возвертаемся, лодка от так в воде

сидит!

Он показал руками примерно на ладонь ниже верхнего края борта. И добавил:

– Вернусь, жениться буду. Дом поставлю, солеварню. Пора мужем становиться. Остепениться, бороду отпустить.

Андрей скользнул взглядом по бородачам, что составляли команду лодки, усмехнулся, но спрашивать ничего не стал. В общем и целом и так все было понятно: варяги добывали соль и занимались торговлей. Славяне и скифы жили на их путях и к дальним странствиям склонности не имели. Все, что нужно, покупали с доставкой. И всем вроде было хорошо…

– Ты слыхал про народ ариев, Биклык? – прямо спросил он.

Варяг подумал, отрицательно покачал головой.

– Про русов?

Корабельщик подумал чуть дольше, пожал плечами:

– Ну, разве что в Русе которые обитают.

– Может быть, – задумчиво вздохнул Андрей.

Все здесь было неправильно, все не так. Неправильные сварожичи, неправильные русы, неправильные славяне. Оставалось надеяться на храм огня. Может, хотя бы боги скифов смогут ответить на его вопросы и стать достойными учителями для своего потомка?

– Скажи, а ты знаешь про какого-нибудь могучего, всесильного мага, против которого сплотились все боги земли? Возможно, его кличут Андреем.

– Это ты про себя, чародей? – рассмеялся Биклык.

– Надеюсь, что нет, – хмуро ответил пришелец из будущего.

– Мир, он большой, колдун, – неожиданно рассудительно произнес варяг. – Мы же лишь по рекам меж морями плаваем, дальше гор западных и восточных никогда не ходили. Может статься, где-то такой и есть.

На душе Андрея стало немного легче. Корабельщик был совершенно прав. Если чародей не смог найти все и сразу, это еще не значит, что он перепутал века и заклинания или угодил в какую-нибудь петлю времени. Мир большой, а он здесь меньше месяца. Для начала нужно хоть немного разобраться в обстановке и понять, где искать.

– Искать иголку в стоге сена… – пробормотал он себе под нос. – Если кто и сможет в этом помочь, то только всемогущие боги. Однако, если между ними и моим двойником вражда, с расспросами придется быть поаккуратней.

Река повернула, ветер подул в лицо, и варяги встрепенулись:

– Встречка, встречка! – Корабельщики полезли в сумки, торопливо разматывая свои странные снасти, принялись

насаживать наживку, накалывая ее на палочки, и швырять вверх и за борт. Ветер подхватывал кусочки потрохов, относил назад. Когда наживка падала в воду, рыбаки принимались подтягивать нить. Вскоре у одного из них на удочке забилась добыча. Потом у другого…

Увидев двух вытащенных на борт крупных язей, Андрей не выдержал, полез в трофейную сумку. Выбрал моток с самой маленькой палочкой, распустил. Поймал на себе заинтересованный взгляд варягов, мысленно хмыкнул, раскрыл ладонь. Не прошло и нескольких секунд, как на нее опустилась жирная зеленая муха.

«Убедились?! – сохраняя внешнюю невозмутимость, мысленно зааплодировал себе Андрей. – Колдун я, колдун!»

Он наколол муху так, чтобы та своею тушкой прижала палочку к нити, подбросил вверх. Ветер подхватил легкую наживку, отнес за корму, уронил в волны. Андрей чуть выждал, давая ей отстать подальше, затем начал подматывать. И почти сразу ощутил рывок! Рефлекторно подсек, потянул, борясь с мечущейся на том конце добычей, довел до борта, забросил внутрь.

Это был жирный, отливающий серебром и пахнущий осокой голавль, с локоть размером. Колдун крепко взял его под жабры, открыл рот – и все сразу встало на свои места. Палочка накрепко застряла поперек рыбьей пасти. При подсечке острый ее конец вонзался в небо, а поскольку привязана она была за середину, палочка разворачивалась, и готово! Если рот не настолько велик, чтобы снасть выходила из него поперек, сорваться с такой подсечки невозможно.

Просунув мизинец в пасть, Андрей толкнул нижний край палочки, высвобождая снасть, бросил, как все, рыбу на дно лодки и, горя охотничьим азартом, насадил свежую наживку, послал в реку.

Пять забросов оказались пустыми, а потом – рывок, биение, и в лодку упал еще один голавль. Потом еще. А потом – русло повернуло, ветер утих, отрезанный высокой стеной леса, и варяги принялись сматывать удочки.

– Пожалуй, ужин у нас теперь есть, – кивнул Биклык.

Больше в этот день путники не рыбачили.

Отношения между Андреем и командой вроде бы установились – однако на ночной стоянке он все равно ушел спать в лес. Отдыхать среди запахов смолы и мускуса, папоротника и прелости, под шелест веток, шорох совиных крыльев, попискивание мохнатой мелюзги и гудение жуков ему нравилось куда больше, нежели на воняющей рыбой и дегтем

лодке. На мягкой хвое, среди мха и травы, колдун словно напитывался бодростью и свежестью, просыпаясь с первыми солнечными лучами в отличном настроении. И единственное, чего ему не хватало в этой жизни, так это невинного поцелуя берегини поутру.

На третий день после схватки с разбойниками лодка, наконец, добралась до Волги, почему-то обзываемой варягами Итилем, приткнулась носом к длинному и широкому песчаному мысу, на котором раскинулся просторный, шумный и многолюдный торг.

Впрочем, многолюдным он был по здешним меркам. Когда деревни, имеющие самое большее полусотню жителей, и города с населением в три-четыре сотни людей отстоят друг от друга в двух-трех днях пути, а то и дальше, торг с тридцатью торговцами и сотней покупателей вполне мог считаться огромным.

Купцов от покупателей Андрей отличал по лодкам. Большие, дощатые, способные вместить несколько тонн груза, принадлежали «оптовикам». Легкие челноки на трех-четырех человек привезли местных жителей, желающих взять товар дешевле, чем с доставкой к сельскому причалу. Но в любом случае, как заметил колдун, тут не продавали и покупали, а менялись. Найдя что-то интересное, люди усаживались друг напротив друга и начинали судить-рядить, как будет справедливо – за два мешка соли дать бочонок меда или бочонок, две иглы и шило? Или бочонок, иглу и связку выделанных шкурок? Или бочонок и две иглы за два мешка и корзину вяленой рыбы?

Дело это, понятно, было долгим и для человека постороннего скучным. Оставив варягов, застрявших кто у одного купца, кто у другого, Андрей отправился по торгу, приглядываясь к людям и товарам.

Мешки, мешки, мешки… Из кожи, из рогожи, из лыка. Содержимым колдун особо не интересовался – покупать или менять не на что, однако во многих были видны ломти вяленого мяса, резаные сушеные яблоки, сушеная рыба. Бочонков продавали куда меньше. Однако, помимо забитых, стянутых ремнями, они продавались и пустыми. Вестимо – тара на случай, если кому емкости герметичные понадобятся.

Из посуды имелись деревянные миски, ковши, чаши и глиняные кувшины, крынки, кубки. Расхваленных Биклыком медных котелков студент из будущего не нашел. Похоже, и правда – жутко дорогой дефицит.

Зато иглы и шила имелись – сразу на двух прилавках, лежали рядом с топориками разного размера и длинными, широкими

блестящими ножами. Как предсказывал варяг, иглами интересовались многие, но на прочий товар даже не смотрели. Топоры расхватывали у соседей по торгу – гранитные, базальтовые, нефритовые. Причем выглядели они вовсе не так, как в музеях – широкими и тупоконечными. Лезвия здешних были длиннее двух ладоней и сведены на узкое острие. Топор как топор – просто каменный.

Мир прошлого оказался неправильным даже в этом.

Еще на торгу имелись кожи, меха, стеклянный и костяной бисер, мотки веревок разной толщины и материала, сало, свечи, деготь и много прочего добра, – но особой популярностью оно не пользовалось. Как говорил Биклык – зачем покупать то, что можно сделать или добыть самому?

Нагулявшись, колдун вернулся к лодке, присел на борт, вытянул из ножен трофейный нож, внимательно его осмотрел.

Ровная пластина из черного обсидиана, толщиной в половину мизинца на обухе, шириной примерно семи сантиметров и пятнадцати в длину. В общем, если о камни им сильно не стучать, оружие должно быть прочным. Что до идущего мелкой елочкой лезвия – молодой чародей осторожно потрогал его пальцем – то оно было острым, словно осколок стекла. Лучше не прикасаться. Как же он ухитрился такое острие к горлу варяга прижимать и артерию не распороть? Уму непостижимо. По-везло…

– Скучаешь, Андрей из грядущего?! – подошел веселый Биклык. За ним спешили четверо славян, легко отличимых от варягов по лаптям из лыка и свободным замшевым штанам. Славяне, густо пахнущие липовым цветом, несли на плечах явно тяжелые бочонки с густо промазанными воском щелями.

– Смотрю, топорами на торгу меняются, а ножей нет совсем. – Колдун спрятал клинок в ножны.

– Нож, стрелу али копье любой дурак и сам сделать способен, – с готовностью объяснил варяг. – Кто же сие выменивать станет? А топор обкалывать да вытачивать замучаешься, тут мастерство великое потребно. Проще купить, пусть и задорого, чем самому возиться.

Славяне опустили бочонки у воды, стали прямо через борт забирать мешки с солью.

– Посмотришь, колдун? – спросил Биклык.

Андрей кивнул и опять вернулся к прежнему вопросу:

– Железные дороже будут?

– Дешевле, – мотнул головой бритый корабельщик. – Но коли уж тратиться, лучше один каменный взять, чем с двумя железными маяться. А ножи славянские так еще и дороже! Впрочем, скифские еще хуже…

Он закинул на плечо еще мешок и зашагал вслед за славянами.

Спустя некоторое время за солью пришел рыжебородый варяг, потом двое бородачей, что с утра сидели гребцами, потом опять Биклык со славянами, но уже другими…

К вечеру из лодки ушло больше половины соли, а на берегу рядом выросла изрядная куча бочонков, кулей, мешков и корзин.

Наконец варяги решили, что брать на торгу больше нечего, споро загрузили лодку, стали переодеваться.

– Куда готовитесь?

– Святилище наверху славянское, – кивнул на обрыв над торгом Биклык. – Самое великое в землях здешних. Поклониться богам надобно, прежде чем на Итиль выходить. Большой путь отсель начинается. Как покровительства не испросить?

– Я с вами! – вскинулся Андрей.

– Знамо, с нами, – согласился варяг. – Как не поклониться перед походом?

Путники забрались по крутой тропинке вверх, вышли на луг, вошли под кроны вишневого сада…

И Андрей в очередной раз убедился, что этот мир – неправильный, перевернутый, дикий, переломанный! Просто безумный! Ибо в святилище, окруженном пунцовыми от ягод кронами, лежали камни!!! Там находились не идолы и даже не каменные бабы. Просто громадные валуны!

Да, камни имели редкостный размер. Да, они были странного вида и цвета – синие, розовые, коричневые, искрящиеся от множества золотых блесток, зеленые, черные. Да, они были покрыты рунами. И все равно это были просто камни! Камни…

Варяги поклонились самому большому, стоящему в центре могучему темному граниту, потом искрящемуся валуну чуть поменьше и потрусили к серому плоскому камню, возложили в корзину перед ним несколько крупных язей, судаков и голавлей, опустились на колени и склонили головы, что-то шепча и перебирая деревянные бусинки на ожерельях. Андрей легко услышал бы их с края святилища – однако его заинтересовали слабые огоньки, бегающие по всей поверхности камней, по выемкам нанесенных рун.

Прищурившись, он приблизился, провел пальцем по рунам голубого валуна. Насечка показалась ему теплой в глубине и холодной снаружи, причем от прикосновений знаки засветились намного ярче.

Удивленно хмыкнув, колдун перешел к другому камню, наложил ладони на надпись. Потом присел перед крайним, самым маленьким.

– Ты что-то ищешь, сын мой? – Волхв возник рядом неожиданно, заставив студента вздрогнуть и выпрямиться.

– Они теплые! – не успев обдумать ответа, указал на руны увлекшийся своим исследованием Андрей. – И светятся!

– Ты это видишь? – склонил голову набок волхв.

Он опирался на потемневший от времени деревянный посох с хрустальным навершием, одет был в такой же мрачный, обвисший и выцветший кожаный балахон длиной до пят и с капюшоном, а большие синяки вокруг глаз придавали ему неожиданное сходство с Нео из культового фильма. И даже длинная, узкая седая борода не могла лишить жреца этого сходства.

– А не должен?

– Где ты родился, сын мой?

– Далеко отсюда, – покачал головой студент-медик.

– Где ты живешь?

– Пока нигде…

Волхв задумчиво провел левой ладонью по бороде, склонил голову чуть набок:

– Тебе нужно встретиться с кем-то из богов, юный путник.

– Спасибо, уже! – поморщился Андрей. – Квасур отказался признавать во мне сварожича. Сказал, Мара не принесла мне чашу.

– Так ты чужак! – презрительно скривился волхв и развернулся, небрежно бросив через плечо: – Тебе дозволено приносить требы нашим богам.

Колдуну стоило большого усилия не плюнуть в спину жреца, столь быстро опустившего его с уровня важного гостя, достойного общения с богами, до состояния тли, которую из милости не отгоняют от старых валунов. Андрей передернул плечами и побежал от здешней геологической выставки вниз, к лодке.

Все сильнее и сильнее крепла в нем решимость вернуться сюда, в эти земли, еще раз. Но уже – другим. Совсем другим…

К счастью, ночевать у торга варяги не захотели. Видимо, тяготились многолюдством.

– Отойдем сколько сможем, пока совсем не стемнеет, – сказал Биклык. – А то всякое окрест торга случается…

– А если не стемнеет? – зевнув, поинтересовался Андрей.

– Ты о чем? – не понял его старший.

Колдун поднял голову, ловя дыхание луны, вскинул пальцы, указывая в нужную сторону. Облака разошлись, и на широкую реку упал свет ослепительного полумесяца.

– Здесь ведь камней и мелей нет? – закинул руки за голову студент. – Берега видно. Зачем время впустую тратить?

– Репей, Поршняк, на весла! – скомандовал бритый варяг. –

Остальным спать! К полуночи гребцов поменяю и на рассвете.

Лодка величаво скользнула на самую середину полноводной Волги и потекла на юг по дрожащей полоске лунного света.

Путники двигались всю ночь, время от времени меняясь на веслах. К утру Андрей, излишне расслабившись, все-таки задремал. Однако ничего страшного не случилось. Проснулся около полудня живым, одетым и даже не связанным.

– Ты можешь делать такую луну каждую ночь?! – спросил Биклык, едва их пассажир поднял веки.

– Могу, – зевнул Андрей.

– Вот так! – Старший варяг обвел свою команду торжествующим взглядом.

Похоже, одним только этим подарком колдун полностью оправдывал все неприятности своего присутствия на лодке. С ним корабельщики могли плыть и днем и ночью. То есть – вдвое быстрее.

– Вот только поесть охота! – потянулся молодой чародей.

– Репей, дай вяленого мяса. Которое сочное, с торга, – распорядился Биклык. – И яблок сушеных. Остановимся, как только оказия случится. Пока так обойдемся. Время терять жалко.

* * *

Начало степи Андрей, увы, проспал. Утром третьего дня по сторонам реки стояли плотные стены густой, непроходимой чащи. Внимая лесным ароматам, колдун, всю ночь расчищавший лодке «лунную дорогу», заснул. А когда поднялся – справа и слева, насколько хватал глаз, стелился пряный простор, опушенный, словно густым мехом, седой ломкой травой. Лишь местами тут и там поднимался невысокий кустарник, подсказывая путникам, где подступают к поверхности водные жилы.

Рассчитывать на горячий ужин больше не стоило. Ведь своих дров варяги не везли, а на берегу никакого хвороста или валежника не имелось. Оставалось надеяться только на то, что долгий путь через века и леса вскоре наконец-то закончится. Ведь степь, насколько помнил пришелец из будущего, занимала лишь самый юг Русской равнины. Больше половины дороги осталось позади, а полноводная Волга несла лодку явно быстрее, чем ранее.

Снова была ночь, день, снова ночь – днем третьего дня Андрея неожиданно разбудили.

– Выручай, колдун, – тряс его за плечо рыжебородый варяг. –

Скифы!

– Что, напали?! – Студент схватился за палицу.

– Оставь, обидятся, – отобрал оружие корабельщик. – Пошли!

По небу ползли низкие темные тучи, воздух был полон предгрозовой духотой и вместе с тем полон цветочных ароматов с примесью дегтярной горчинки и дыма, с головой выдающего близость человеческого жилья.

Андрей, зевая и приходя в себя, перевалил через борт, поднялся на пологий берег и увидел примерно в двухстах метрах впереди пять больших юрт, крытых черной кошмой с красным рисунком. Не просто рисунком – по стенам и крыше складных походных домов шли защитные руны и обережные символы, защищающие жилье от дурного взгляда, порчи, болезней и колдовства.

– Проклятое время, – пробормотал молодой чародей, чувствуя себя бьющейся о стекло мухой. – Деревни опаханы, дома заговорены, люди с оберегами. Куда ни сунешься, везде стена!

Между юртами лежали охапки хвороста, стояли коновязи в виде вбитых в землю медных шестов с перекладинами, бегали голопопые детишки, скребли разложенные на земле шкуры женщины в кожаных штанах, куртках и вышитых войлочных тюбетейках. Впрочем, несколько самых юных красавиц носили длинные, расшитые костяными шариками и просто цветной нитью платья. Судя по запаху – из тонкой шерсти.

За юртами, в нескольких километрах, можно было различить огромную отару, вокруг самого кочевья щипало травку с полсотни стреноженных лошадей.

– Биклык с вождем здешним сговорился семь тюков кошмы на одиннадцать мешков соли поменять, – торопливо рассказывал, семеня рядом, рыжебородый. – Но тут примчался отец его с воинами и все порушил. Сказывает, мы сына его неопытного обманули! Ссоры ищет, не отпускает. Их много, а нас всего десяток! Как бы вовсе в рабство не повязали!

– Почему не повязали, если в силах? – покосился на варяга колдун.

– Боги не любят, когда кто-то грабит торговцев, – пожал плечами корабельщик. – Мы везем на север то, чего нет там, и на юг то, что можно найти только на севере. Мы нужны всем! Вот токмо простые воины и мелкие вожди сего не постигают и ограбить норовят. Коли скиф добьется ссоры, он уже в своем праве будет после драки нас повязать. Вроде как после честной битвы. Богиня Табити не станет наказывать воина своего народа, если он найдет оправдание учиненному разбою. Гибель одной лодки торговые пути не разрушит…

Они прошли между юртами и сразу оказались в самом центре свары. Пятеро варягов – половина команды – стояли в окружении двух десятков степняков. Скифы оказались могучими красавцами: чуть ли не под два метра ростом, смуглые, жилистые и светловолосые, с курчавыми бородами. Причем у некоторых бороды были заплетены в косички и украшены тонкими цветными шнурками. Одевались они в просторные штаны с бахромой по наружному шву, короткие сапоги и меховые безрукавки. Видимо, мода такая – иного смысла носить мех при нынешней жаре Андрей не видел. На поясах – ножи и топорики из красной бронзы… Или меди… Запаха металлы не издавали, и отличить один от другого молодой чародей не мог.

И разумеется, все скифы до единого носили обереги и защитные ладанки.

– Коли согласия нет, великий вождь, – как можно спокойнее убеждал Биклык пожилого мужчину с толстой золотой цепью на шее и браслетами с эмалью на запястьях, – то к чему спорить? Мы просто поплывем дальше!

– Ты пытался обмануть моего сына! – скиф сурово тыкал пальцем в грудь варяга. – Ты оскорбил наш народ, воспользовавшись неопытностью молодого воина!

– Ошибаются все, великий вождь! – еще издалека громко заговорил Андрей. – Но настоящий мужчина всегда исполняет свое слово! Честь воина в умении следовать уговору даже тогда, когда тот оказался невыгодным! Иначе кто станет верить подобному вождю?

– А ты еще кто такой? – зло оскалился скиф.

– Хранитель варягов, великий вождь! – широко улыбнулся ему колдун.

– А что, если в наказание за оскорбление я просто заберу все добро, что есть у вас на лодке, хранитель варягов? – хищно прищурился скиф.

– А что, если все твои табуны и отары возьмут да и утопятся в реке? – Андрей хлопнул в ладоши и чуть склонил голову, бросая во все стороны громкий призыв.

Тут же зафыркали и заметались скакуны на привязи, два коня оборвали уздечки и побежали к Волге, туда же торопливо поскакали стреноженные лошади. Молодой чародей вытянул руку, указывая в степь, и все смогли убедиться собственными глазами, что отара стронулась с места и тоже бежит к реке.

Скиф прикусил губу и положил руку на рукоять меча.

– Сами они не остановятся, – угадав его мысль, покачал головой Андрей. – Теперь, чтобы они не утопились, я должен их остановить.

– Уважаю людей, умеющих настоять на своем. – Воин убрал ладонь с оружия. – Уговор есть уговор.

Колдун с облегчением хлопнул в ладоши, и животные мгновенно успокоились.

– Но в знак примирения варяги должны одарить кочевье моего сына мешком соли! – потребовал хоть какого-то отступного скиф.

– В знак нашей дружбы я подарю вам связку драгоценных бобровых шкур! – ответил Биклык. – Бобры не водятся в ваших краях, и в зимнее время ты, великий вождь, и твой сын сможете носить плащи из неведомого другим меха!

– Да будет так. – Скиф сделал знак воинам, и те расступились. – Слово мужчины должно быть твердым. Мы исполним уговор, но в следующий раз ты не должен никого обманывать, варяг!

Корабельщики облегченно перевели дух. Подняли возле юрты огромные, с человека размером, тюки, споро поволокли к Волге. Взамен на берег были выгружены последние мешки с солью, сверху легла кипа бобровых шкур, и варяги торопливо отчалили, пока скифов не одолели еще какие-нибудь сомнения.

– Уф-ф, – отер потный лоб Биклык. – Обошлось. Заодно и от мехов избавились. Места много занимают, прибытка никакого. – Он перевел взгляд на Андрея и вдруг спросил: – А ты в варяги податься не желаешь, колдун? Дом тебе у нас возле моря справим, жену ладную найдем. Будешь в походы через землю обитаемую ходить, соль на добро нужное менять, товары возить. Верь моему слову, лет через пять у тебя ладей таковых, как сия, целых десять, коли не более, под рукой скопится! Поскольку ты и ночью челны вести можешь, и буянам недобрым укорот давать, то крепче тебя варяга точно не сыскать будет!

– И часто вас грабить пытаются? – поинтересовался Андрей.

– Коли кто сильнее себя мнит, то обязательно пробуют, – ударил кулаком в ладонь старший кора-бельщик. – Тут важно вовремя опасность почуять и от торговцев таких стороной держаться.

– А коли слабее?

– Слабее сами сторонятся, – не без сожаления признал варяг. – Селения свои далеко от торных рек рубят, на ручейках да протоках мелких, к лодкам нашим не приходят. Либо на больших торгах токмо показываются, либо вовсе через рода свои меняются.

Андрей невольно потер затылок, вспомнив, как сам, в одиночку, вышел к купцам с честным и взаимовыгодным предложением. Таков уж этот мир, что торгуют только с теми, кого ограбить и продать не в силах. Что варяги, что скифы, что

славяне – без разницы.

– Так что скажешь, колдун? – еще раз спросил Биклык. – Долю выделим, на север богатым варягом ужо приплывешь!

– За щедрое предложение спасибо, – покачал головой молодой чародей, – но я должен найти великого мага и получить от богов очень важное знание. Однако вы всегда сможете положиться на мою дружбу!

Он щелкнул пальцами, и накрапывающий дождь прекратился. Дальше лодка скользила по течению в центре сумрачного, но спокойного пятна, в то время как вокруг бушевала буйная гроза, сплошной стеной хлестал ливень, сверкали молнии и оглушительно грохотал гром.

Еще через два дня Андрея опять ждал неожиданный сюрприз. Проснувшись сильно заполдень, он вдруг обнаружил, что Волги больше нет. За бортами, медленно покачиваясь и уползая к корме, лежала степь.

Колдун рывком поднялся и понял: варяги тянут лодку по узкой речушке, не больше десяти метров шириной.

– Биклык, где мы?! – громко спросил он.

– Березайка, колдун, – отозвался с берега корабельщик. – К Дону идем. Тут недалече, ден пять!

Березайка с каждым часом становилась все уже и уже. Вскоре варяги побросали веревки и взяли лодку за борта, идя рядом по колено в воде. Колдун в это время витал в облаках, глазами жаворонка осматривая окрестные степи. Отсюда, из звенящего зенита, были хорошо различимы сразу четыре кочевья, несколько табунов и овечьих отар. Но все они держались возле берегов Волги и мелких рек, текущих в стороне от Березайки, и опасности не представляли.

К полудню нового дня река превратилась в ручей, о днище которого лодка постоянно скреблась килем. Однако варяги упрямо толкали свое суденышко вперед, пока не причалили у каменной бабы, сидящей на небольшом взгорке.

– Я уж думал, не доберемся! – с облегчением откинулся на спину рыжебородый. – Старый-то наш сгинул, чтоб за него всех лесовиков волки поймали. Все мерещилось, заблудились.

– Я тоже не первый раз иду, – ответил Биклык, роясь в носу лодки, извлек круто изогнутую деревяшку, с внутренней стороны которой было наклеено множество мелких каменных пластинок. – Пошли кланяться!

Захватывая рукою пучки ковыля и подсекая их снизу своим странным инструментом, варяг нарезал изрядную охапку травы, после чего все корабельщики, включая чародея, поднялись к грубо вытесанной из серого гранита скульптуре. Человеческий

силуэт в ней скорее угадывался: голова, плечи. На месте глаз и рта – небольшие выемки, нос выступает треугольником, двумя линиями обозначены сложенные на животе руки. Перед истуканом раскинулась обширная площадка.

– Кто это? – тихо поинтересовался Андрей.

– Табити, – так же тихо ответил рыжебородый варяг. – Она путников грабить запрещает. Сие место под ее покровительством. Кабы не власть богини, все бы растащили…

Биклык сложил нарезанный ковыль на кострище, достал кресало, выбил на сухую, как порох, траву несколько искр, раздул. Когда огонек, потрескивая, начал дымить и расползаться по стеблям, варяги опустились на колени, ткнулись лбом в землю:

– Милости твоей себя вручаем, всемогущая Табити, твоей воле и мудрости. О покровительстве молим и снисхождении! Даруй нам свое внимание и милость, даруй спокойный путь через вечно твои земли!

Сухая трава быстро и ярко полыхнула, но так же быстро и погасла. Корабельщики дождались, пока развеются последние дымки, распрямились и побежали к ручью. Торопливо разобрали валяющиеся на берегу небольшие бревнышки, которые Андрей принял за мусор, уложили перед носом лодки. Столпились около кормы…

– Навали-ись!!! – Все разом уперлись в борта. Лодка заскрипела, накатилась носом на крайнее бревнышко, пошла вверх. Дальше, дальше… – Не отпускай!!!

Ладья качнулась вперед, легла на подложенные катки, проехала еще на пару шагов, застыла. Варяги тоже продвинулись, дружно выдохнули:

– Навали-ись!!! – По каткам судно пошло веселее. Не со скоростью пешехода, но близко к тому. Биклык и еще один корабельщик еле успевали бегать, забирая катки из-под кормы и перетаскивая вперед.

Темноту путники встретили на вершине широкого пологого холма, устало попадав вокруг лодки. Впервые за все это время они спали не на воде, а на твердой земле, и, может быть, поэтому мужчины постоянно вскрикивали, крутились с боку на бок, брыкались во сне и скребли дерн ногтями.

Андрею же не спалось. Он сидел, поджав под себя ноги, и слушал мир вокруг, полный шорохов, легких дробных шагов и шелеста крыльев, цветочных и сенных запахов. В пасмурной темноте колдун не видел ни зги. Но он хорошо ощущал всех их – птиц, зай-цев, мышей, сусликов, змей. Степная жизнь напоминала ему звездное небо со слабыми или сильными искорками от каждого существа. Вот только созвездия этой вселенной

постоянно менялись и перемещались. А сами «звезды», увы, то и дело пожирали друг друга…

* * *

Когда он проснулся, варяги умчались уже довольно далеко. Именно умчались – от взгорка волок шел только вниз, и лодку приходилось не столько толкать, сколько ловить и удерживать. Догонять корабельщиков пришлось бегом, а помогать теперь и вовсе не требовалось.

К сумеркам путники добрались до каменной бабы, стоящей возле текущего на запад ручья, и заночевали вокруг богини. А утром, устроив еще один сенный костер и поблагодарив Табити за помощь, они скатили лодку на воду, сложили бревнышки ближе к холму с истуканом – для иных путников, пришедших к волоку, взяли свое судно за борта и повели вниз по руслу.

В полдень нового дня варяги наконец-то смогли забраться на борт и взяться за весла – ширина реки это уже позволяла. И в ночной темноте они наконец-то выскользнули из тихой, опушенной камышами речушки на простор столь же тихого, но величавого Дона!

Отдав якорь в сотне шагов от берега, путники свалились на отдых после преодоления волока и только с рассветом двинулись дальше уже привычным круглосуточным способом. Тем более что ночи стояли ясные, и помощи колдуна варягам для этого не требовалось.

На третий день, стремительно промчавшись мимо многочисленных прибрежных селений, лодка вышла в море и повернула к югу. Течение исчезло, и варягам пришлось всерьез взяться за весла, разделившись на две смены – причем для Андрея исключения никто не делал. Так же, как все, он два часа греб, два часа отлеживался, потом снова греб. И так же, как все, в сумерках упал на войлочные тюки.

О ночном переходе после тяжелой работы от рассвета до заката никто и не помышлял.

Новое утро принесло немного вяленого мяса, миску воды – и новую смену на веслах.

К ночи варяги вошли в Керченский пролив, заночевали в бухте между двумя мысами, с рассветом вышли в Черное море, встретившее огромными волнами, повернули на запад, стараясь держаться в виду берега, но особо к нему не приближаться. Биклык очень боялся, что при любой заминке хлипкое суденышко выбросит на берег. Однако вечером, хочешь – не хочешь,

пришлось причаливать.

И случился великий праздник! За пляжем из мелкой гальки, на котором они встали, поднимался густой зеленый лес, настоящие джунгли, полные хвороста и валежника! Впервые почти за три десятка дней путники наконец-то смогли поесть нормальной горячей еды – вместо надоевших всем вусмерть вяленых рыб и сушеных яблок.

Еще четыре перехода к закату – и берег Крыма наконец-то ушел к северу. Лодка повернула за ним, еще несколько часов трещала на высоких волнах, пугая работающих изо всех сил гребцов, снова повернула вправо и…

И внезапно наступили тишина и покой.

Варяги вошли в просторную бухту с высокими обрывистыми берегами, поросшими травой и опушенными лесом поверху. В глубине виднелась череда белокаменных ступеней со странными темными пятнами на каждой. Далеко не сразу Андрей сообразил, что это – окна. Издалека огромной лестницей казались ряды домов, в которых крыши одного ряда становились порогами для следующего.

Перед путниками раскинулся огромный город, сросшийся со стенами бухты, начинаясь от причалов и заканчиваясь у корней могучих деревьев. Город поражал девственной белизной, неожиданно приятными ароматами свежести и малолюдием. Никто не бегал по улицам и причалам, не кричал, привлекая покупателей или разыскивая знакомых, не занимался по берегам бухты никакими грязными работами – не потрошил улов, не полоскал белье, не вымачивал шкур. Изумрудно-зеленая вода, белые ступени, зеленый лес, голубое небо, свежесть и благостный покой.

Воистину, бухта была достойным преддверием для храма могучих, достойных и вполне культурных богов!

Когда лодка одолела почти всю бухту и стало возможно различить детали, Андрей увидел на склоне напротив еще одну лестницу, шириной примерно в пять метров, с высокими перилами, украшенными скульптурами тончайшей резьбы, и все ступени – чистейший белый мрамор.

Человек, желающий попасть в обитель скифских богов, не нуждался в проводнике. Путь к храму был понятен с первого взгляда.

Варяги сложили весла, подкатываясь по инерции к самому дальнему от лестницы, низкому причалу, обложенному покатыми валунами. Здесь путников поджидала стража из десяти воинов, одетых в кожаные панцири, в точности повторяющие контуры тела, с пластинчатыми юбками и в сапогах до колен. Все воины

были гладко выбритыми, курчавыми, голубоглазыми блондинами одного роста, все с круглыми щитами и копьями с желтыми, явно бронзовыми, наконечниками. Инкубаторные красавчики, неразличимые, как братья, всем своим видом подчеркивали богатство города и возможности его правителей, безупречный утонченный вкус богов, которому подчинено все и вся.

Один из стражников – безоружный, но в позолоченном доспехе и с проклепанными серебром пластинами юбки – с холодным презрением спросил:

– Что вам здесь надобно, грязные лесные ди-кари?

– Не по своей прихоти, храбрый воин, приплыли мы в Тавриду, – приложил ладонь к груди Биклык. – Мы привезли сюда гостя, ищущего внимания всемогущей, всевидящей, неодолимой Табити, да не оставит всех нас ее мудрость!

– Но нужен ли этот гость великой богине? – так же холодно и презрительно поинтересовался глава портовой стражи.

Андрей раскрыл ладонь, попытался зажечь на ней маленькое солнце, но сразу понял, что стражники его не видят. Наверняка где-то на них прятались обереги, черт бы их всех побрал! И тогда пришелец из будущего вытянул руку.

С берега сорвались две чайки, яростно вскрикнули, привлекая внимание, описали синхронную дугу и бок о бок опустились на руку колдуна. Студент склонил голову влево – птицы поступили так же. Склонил направо – птицы повторили и этот жест. Дернул рукой вверх – чайки взлетели и, отчаянно взмахивая крыльями, зависли перед лицом стражника.

– Вашим богам будет интересно услышать мои слова, храбрый воин. – Колдун взмахнул кистью, и птицы с облегчением умчались обратно на склон.

– Я готов тебя выслушать, дикарь. – Золотой стражник остался невозмутим. – Чем ты способен заинтересовать великую Табити?

– Передай, с ней хочет встретиться один из ее потомков.

Стражник плотно сжал губы, задумавшись, кивнул:

– Ты можешь сойти!

– Мы полагаемся на справедливость великой богини, великий воин! – встрепенулся Биклык. – На справедливость всевидящей Табити и на законы гостеприимства! Нам было очень трудно доставить к ней гостя, мы прошли через штормы и тяготы. Мы нуждаемся в отдыхе, а наша лодка в ремонте! Дозволь нам остаться здесь, великий воин, и сменять часть товара, дабы вознаградить труд мастеров! И чтобы привести себя в облик, достойный гостей священного города!

– У вас десять дней, – твердо проговорил стражник. – Менять

товары дозволяю.

– Благодарю, великий воин! – Варяг торопливо поклонился, пряча жадный блеск глаз.

Для того чтобы опустошить свою лодку и нагрузить другим, еще более доходным товаром, корабельщикам хватило бы и пары суток. А уж десяти дней выйдет за глаза и за уши!

– Удачи тебе, Биклык из Канды! – Андрей обнял бритого варяга, похлопал ладонью по спине. – Я рад, что судьба свела нас вместе. Надеюсь, мы еще свидимся.

– Я тоже жажду увидеть тебя снова, мой друг колдун, – так же крепко обнял его корабельщик. – Надеюсь, ты найдешь все, к чему стремишься.

– Хороших вам дорог, варяги! – вскинул ладонь молодой чародей, прощаясь с остальными спутниками. – Если что, вы всегда можете на меня положиться! Даю слово!

– Да пребудет с тобою милость богов, Андрей из грядущего! Удачи тебе! Авось еще и свидимся! – отозвались бородачи.

Колдун сжал кулак и спрыгнул на песок. Решительно направился к мраморной лестнице.

Стража, словно почетный караул, пристроилась сзади.

Гость с далекого лесного севера прошел по песчаному причалу, потом по известняковым плитам более высоких портовых сооружений, явно рассчитанных на крупные мореходные корабли, миновал нижний ряд белоснежных строений.

Судя по отсутствию окон и широким дверям, это были торговые склады.

Белоснежные мраморные ступени, ведущие наверх, носили следы миллионов прихожан – глубокая выемка в середине лестницы, почти на три пальца ниже ровненьких скосов по краям, наглядно доказывала, что здесь побывало очень много людей на протяжении долгих-долгих веков.

Лестница прорезала прислонившийся к обрывам город надвое идеально ровной линией, ослепительно сияя в солнечном свете и резко контрастируя с ограждением из темного гранита. На ограждении имелось множество площадок, на которых стояли скульптуры тончайшей работы: мужчины и женщины, обнаженные и в одежде. Это были далеко не те каменные бабы, перед которыми варяги взывали милость Табити на Волго-Донском волоке. Умелые мастера прорезали каждый штрих на лицах, руках, в одежде своих моделей. Прически, усы и бороды, напрягшиеся под кожей мышцы – все было проработано до мелочей.

Из чего, из какого камня здешние ваятели тесали подобное

сокровище, Андрей не разобрал. Что-то однотонное и серое. Остановиться и рассмотреть одно из изделий колдун не решался из-за дышащего в затылок караула. Как бы подгонять своими копьями не стали. Тогда из почетного гостя он сразу окажется в положении отловленного у двери бродяжки.

Сорок ступеней вверх – и они ступили на мощенную известняком обширную площадку, так же ограниченную гранитными перилами. За площадкой возвышался потрясающий по красоте храм – сверкающий девственной белизной, пугающий размерами, украшенный могучей колоннадой. Двускатная крыша ограничивалась медными водостоками; на торце кровли грудастая женщина удерживала трезубец, вокруг нее поднимали на дыбы скакунов резанные по известняку всадники. Стены за колоннадой сияли полированным мрамором, покрытым, словно изящной вязью, рунами, обережными символами и, похоже, какими-то надписями на неведомом гостю языке.

Больше всего своим обликом и размерами обитель здешних богов напоминала Парфенон. Разве только скульптур на крыше не имелось – но оные во множестве стояли на толстых и прочных гранитных перилах.

– Жди здесь!

Перед Андреем скрестились копья, а начальник караула, обогнав гостя, быстро поднялся по ступеням, скрылся в высоких вратах святилища. Колдун осторожно огляделся, повел носом.

По сторонам от святилища раскинулся обширный сад. Именно сад – могучие дубы с раскидистыми кронами стояли только возле самой площадки. Дальше, судя по запаху, росли абрикосы и персики, возле самого «Парфенона» покачивались тонколистые мимозы и жасмин. И еще молодой чародей ощущал запах винограда, темного и ароматного – но лозы нигде не приметил. Наверное, росла где-то дальше, за ближайшими плодовыми рощами. А значит – сад был огромен и просторен, под стать самому храму.

– Великая богиня отложила все дела и желает тебя видеть! – вернувшийся начальник караула почтительно поклонился северному гостю. Видимо, реакция властителей города его впечатлила.

Копья раздвинулись. Андрей горделиво хмыкнул, развернул плечи, поднялся по ступеням и вошел в полумрак внутри.

Зал, в котором он очутился, был раза в три меньше, нежели ожидал чародей. Видимо, под святилище отводилась лишь малая часть белокаменного дворца. Внутреннюю отделку боги скифов предпочли темной, почти черной, и пол стелился не известняком, а звонким мрачным камнем. В центре святилища полыхал

большущий костер, распространяя жар и заливая все алым кровавым светом.

– Так вот ты каков, мое неведомое дитя?! – навстречу гостю выскользнула тень и…

Андрей остолбенел, не в силах ни говорить, ни двигаться. И только челюсть медленно опустилась вниз в безмерном изумлении.

Пред ним покачивалась женщина. Лет сорока. Длинные кудри взбиты и закреплены двумя золотыми гребнями, с плеч до бедер спадает скромная мягкая туника бледно-розового цвета. Высокая грудь, белая кожа, тонкие руки, никогда не знавшие тяжелой работы, украшены широкими браслетами и перстнями.

Но от бедер…

От бедер вниз росли многие десятки змей – шипящих, то и дело вскидывающих головы, выстреливая раздвоенным языком, сверкающих глазами. И на этих змеях, словно на живой волокнистой подушке, и передвигалась властительница храма.

Судя по тому, что женщина излучала жар, сравнимый с жаром костра, и светилась ничуть не меньше, она являлась куда более могучим божеством, нежели давнишний Квасур.

Конечно же, это она, всемогущая богиня Табити, о милости которой взывали варяги, во имя которой стояли в степи каменные бабы, которой поклонялись все здешние степняки.

Великая праматерь скифов!

Андрей, справляясь с собой, наконец-то смог сглотнуть.

– Я вижу, в тебе действительно сокрыта божественная частица! – Табити не ходила, она сколь-зила по гладкому полу, быстро осматривая гостя со всех сторон. – Ты неплох, ты силен, весьма силен… И у тебя нормальные ноги! Еще никто из моих потомков не рождался таким ладушкой… Все и всегда приволакивают то, что у них случается ниже пояса. Как давно я ждала такой удачи! Дитя с моей божественной силой и смертным обликом!

– Я пришел к тебе, матушка, – приложил ладонь к груди Андрей, – чтобы поклониться, поблагодарить за чудесный дар и научиться им пользоваться. Ты поведаешь мне, как владеть дарованной тобой силой так же искусно, как это делаешь ты?

– Конечно, мой мальчик! – улыбнулась лучащаяся радостью богиня. – Вот только… Почему ты приплыл в храм огня на лодке?

Она прищурилась, откатилась, взмахнула рукой:

– Бросьте его в огонь!

– Что-то?! – растерялся Андрей. – Но почему, как? За что-то-о-о?!!

Стражники действовали быстро и решительно: подхватили,

пронесли несколько шагов и метнули в самый жар.

– А-а-а-а!!! – К счастью, колдун не был связан и был в надежной одежде. Рухнув на белые шипящие угли, Андрей задержал дыхание, поджал ладони и стремительно выкатился по другую сторону гигантского очага.

– Ты обманул меня! – В безмерном гневе змееногая богиня обогнула костер. – Грязный вонючий дикарь! Ты неспособен ходить через огонь! Ты не мой потомок!!!

– Но… – Колдун приподнялся, поднял взгляд на Табити. И встретил десятки взглядов злобно шипящих змей и холодный, пробивающий до костей, ненавидящий взгляд обманутой в надеждах женщины.

Именно в костях и возникла первая ломающая боль, вынудившая колдуна замереть в том положении, в каком его застал гнев богини. Боль поползла наружу, сводя судорогой мышцы, не давая дышать. Мир вокруг сузился до одной лишь слабо светящейся точки впереди. Последний раз в груди ударило сердце – и для Андрея наступила полная безнадежности темнота.

Путь в Аркаим

Сначала появилась боль. Она очертила все его тело от пяток и до кончиков волос, обожгла кожу, ворвалась в легкие, заставив сделать судорожный вдох, сжала сердце, принудив резко сжаться, обмякнуть, снова сжаться и торопливо застучать, – а потом пришла слабость, и Андрей рухнул вниз. Несколько раз моргнул, пытаясь разобраться с неясными образами, но только минут через пять они наконец сложились в понятную картинку.

Он находился в храме. Темные стены, жар полыхающего костра, шелест сухих змеиных тел по шершавому камню… Но что-то вокруг было не так. Что-то изменилось за те болезненные мгновения, пока Андрей находился без сознания.

Молодой чародей напрягся, опираясь руками в пол, поднял голову.

Богиня Табити обнаружилась поблизости. Она скользила из стороны в сторону возле входа. И одета она была почему-то не в белую тунику, а в достаточно длинное замшевое платье с разрезанной на множество полосок юбкой.

– Ты вернулся к жизни, дикарь? – заметила она шевеление гостя, подплыла ближе. – Еще никто и никогда не унижал меня так сильно, как ты, вонючий шакал! Я думала, что твоя смерть смоет обиду. Что я буду радоваться виду твоего мертвого тела. Но каждый раз, когда на тебя падал мой взгляд, в моей душе снова рождался гнев. И я подумала, что такая простая и быстрая смерть слишком слабое наказание для тебя. Мгновение, и тебя уже нет. Нет, червяк, я хочу, чтобы ты умирал долго и мучительно, чтобы гнил заживо год за годом, сознавая всю безнадежность своего положения и не в силах что-либо изменить. Посему ты понесешь заслуженную кару, а я избавлюсь от противного напоминания. Я отправляю тебя в Аркаим, на медные рудники. Ты сдохнешь там, в тяжких муках и во славу моего народа!

– Чем же я так прогневал тебя, прародительница скифов? – выдохнул Андрей, с трудом поднимаясь на колени.

– Че-ем?! – Богиня чуть не мгновенно оказалась рядом. – Вот уже многие века каждый год, каждый день и час я надеюсь на появление достойного потомка! Вот уже многие века каждую весну юные скифы прыгают через костры с надеждой на то, что пламя разбудит в них божественное начало и что священный огонь перенесет их сюда, в мой храм, пред мои очи! Но случается подобное лишь раз в десятки лет, и неизменно скиф с даром моего наследия не выпрыгивает из огня, а выползает из него на карачках, ибо ноги неспособны носить потомков моей крови! И

тут появился ты! Сильный и здоровый! Обладающий божественным началом! И назывался моим потомком! А потом ты оказался чужаком!!! – во весь голос заорала она, раскрасневшись от гнева, а ее ноги-змеи стали вскидывать головы и яростно шипеть. – Свяжите его!

Кто схватил Андрея, завел ему руки за спину, туго связал – колдун не видел. Но это не имело значения. Гость храма огня все равно чувствовал себя беспомощным, словно младенец.

– Ты, верно, надеешься обрести свободу, едва покинешь эти стены?! – наклонившись к нему, зловеще прошептала змееногая женщина. – Надеешься на свое божественное начало? Напрасно!

Табити зашла к нему за спину, и Андрей ощутил, как на лоб легла повязка, туго перехлестнувшая голову, затем она сошлась спереди на шее, а потом опять сзади.

– Этот амулет запрет все твои способности внутри тебя, вонючий дикарь, – сообщила богиня. – А освободишься ты от него только глубоко в медной шахте, под толстым-толстым слоем земли, который не позволит тебе использовать свой дар. И ты уже больше никогда не поднимешься наверх, не увидишь ни солнца, ни неба. Ты никогда не вдохнешь свежего воздуха и не ощутишь на лице струи дождя. Ты будешь похоронен там еще живым и не выберешься оттуда даже после своей смерти! Будешь гнить слепым, больным и вечно голодным!

Прародительница скифов торжествующе расхохоталась и приказала:

– Забирай его, Иритыш! Не забывай сам и напомни моей дочери: этот раб должен быть связан до тех пор, пока его не спустят в шахту! И если он попытается содрать свою повязку, пришей ее к голове дикаря толстой крепкой ниткой! Прямо к шкуре! Ты понял?

– Да, всемогущая!

– А ты, дикарь, понял? – Богиня оказалась перед Андреем.

– Скоро увидимся, уродина, – с чувством выдохнул колдун.

– Если ты намекаешь на свое бессмертие, дикарь, – улыбнулась женщина, – то отныне это стало твоим проклятием, а не даром. Вечность в медной шахте! – Прародительница скифов довольно засмеялась. – Очень на это надеюсь. Иритыш, отправляйтесь! Помни о моем предупреждении! Этот раб опасен.

– Твоя воля нерушима, всемогущая. – Андрея ухватила за плечо крепкая рука, приподняла, поволокла к выходу.

Студент зажмурился от ударившего в глаза яркого света и… и вдруг понял, что изменилось вокруг: весь мир пахнул цветами! Он пахнул цветущими абрикосами, персиками, жасмином; пахнул розами и плющом, пах свежими травами и недавним дождем.

Мир весной благоухал!!!

Мгновение, которого он не помнил, – в окружающем мире оно растянулось на остаток лета, всю осень и целую зиму!

А может быть, не на месяцы? Может быть, тут промелькнули целые годы? Или даже века?!

Сглотнув, молодой чародей огляделся, еще раз увидев десятки скульптур тончайшей работы со всеми мельчайшими анатомическими деталями, вспомнил букет змей, среди которого живет прародительница скифов, и по спине его побежали холодные мурашки от ужасающей догадки…

– Проклятая баба! – Андрей вскинулся, попытался броситься обратно в храм. – Сколько ты меня здесь держала?! Сколько я пробыл у тебя камнем?!

– Куда-а?! – Сильная рука завернула буйного раба обратно и столкнула со ступеней храма.

Студент-медик пересчитал ребрами все каменные выступы и со стоном распластался на известняковой площадке. Скиф не торопясь спустился к нему, поставил ногу на живот, придавил всем весом. Курчавый темноволосый воин с короткой бородкой, лет тридцати на вид, одетый в длинную, похожую на пальто кожаную куртку с меховым воротом и обитыми мехом плечами, с двумя длинными ножами и вместительной сумкой на поясе, в сапогах с деревянными подошвами, чуть попрыгал и с усмешкой заявил:

– Ты пришелся не по нраву великой богине, жалкий раб. Если я покалечу тебя в дороге, она не осерчает. Может статься, еще и повеселится. Дай мне повод, вонючий дикарь, и я тут же доставлю праматери сию маленькую радость! – Скиф сошел в сторону и с размаху пнул Андрея под ребра. Потом еще и еще, пока колдун не догадался, чего от него добиваются, не скрючился, выворачиваясь, и не встал.

Точно так же, указующими пинками, Иритыш погнал колдуна вокруг храма и через сад, на желтую пыльную дорогу, вдоль которой вытянулся обоз из пяти запряженных лошадьми телег.

– Та-а-ак. – Скиф повернул Андрея лицом к себе, обнажил широкий и короткий медный нож, злорадно прищурился. – Порты тебе, вонючка, ныне токмо мешаться станут.

Он подсунул лезвие под ремешок, с видимым усилием его перерезал, рванул на себя. Штаны, оставшись без поддержки, тут же упали. Толкнув раба, скиф подобрал их, закинул на задний возок, взял оттуда же веревку. Вернулся, походя завязывая петлю, привычно набросил ее на шею пленника – и озадаченно замер. Веревка, так получалось, захватывала сверху наложенную богиней Табити ленту с обережными заклинаниями.

В задумчивости Иритыш подергал Андрею ворот, прикидывая, что можно сделать, – и вдруг с интересом вскинул брови:

– Оп-па! А это еще что?! – Он вытянул за нить серебряный амулет с янтарной вставкой, хмыкнул: – Это ты бабе моей подарок приготовил? Молодец, дикарь, молодец!

Скиф одобрительно похлопал колдуна по щеке, снял украшение, опустил в свою поясную сумку, после чего снял петлю с шеи пленника, обвязал вокруг пояса, другим концом закрепил на борту телеги и крикнул:

– Трогай!!!

Обоз двинулся с места, выползая на дорогу. Натянувшаяся веревка дернула раба, и студент-медик понуро зашагал следом.

Отлучившийся Иритыш вскоре нагнал обоз – но уже верхом, на низкой чалой лошадке, и от нечего делать огрел Андрея плетью:

– Не отставай, вонючий дикарь! Не то поедешь до самого Аркаима вперед ногами волоком! И тогда даже шахта покажется тебе приютом блаженства!

Задолго до сумерек обоз остановился на берегу весело журчащего ручейка. Скифы выпрягли лошадей, отвели их на водопой, стреножили и пустили на лужайку пастись. Пленником никто из обозников не озаботился, и Андрею пришлось самому кое-как протискиваться между молодыми деревцами, благо длина веревки позволяла, и, свесившись над корнями, дотягиваться губами до воды. И лишь когда путники стали устраиваться на ночлег, Иритыш спохватился, сходил к рабу и бросил ему в траву горсть урюка:

– Вот, жри!

Новым днем лес закончился, началась степь. К счастью, весенняя – с зеленой травой, роскошным ковром тюльпанов и влажной землей. Не пришлось мучиться хотя бы от зноя и пыли.

На ночлег путники опять остановились рано, солнце стояло еще высоко. Видимо, удобный путь был рассчитан так в незапамятные времена – переходами от ручья до ручья, от водопоя до водопоя. И опять возок колдуна оказался недалеко от берега. Аккурат, чтобы веревки хватало. Иритыш старался устраивать все так, чтобы раб сам заботился о себе. Минимум хлопот – кинул урюка утром и вечером, да в пути пару раз плетью огрел. Вот и вся забота.

Только четвертый переход оказался долгим – до глубокой темноты. И завершился возле обложенного валунами колодца.

– Поставь раба, пусть воду тягает! – предложил кто-то впереди.

– Не велено развязывать, – отозвался Иритыш.

– Тогда пусть траву сосет! – Скифы засмеялись.

Андрей ничуть не удивился бы, если б его и вправду оставили мучиться жаждой. Но кто-то из обозников все же смилостивился – отвязал и привел к луже с мутной глинистой водой.

Что годилось для лошадей, должно сойти и рабу…

Крым обоз покинул на одиннадцатый день – узкий переешек Перекопа было трудно не заметить и не узнать. Дальше скифы повернули направо, и через день к их обозу присоединился еще один, из трех повозок с одним рабом. Бедолагу сразу перевязали рядом с Андреем – чтобы на привалах только одну телегу возле воды ставить.

– Откуда ты, брат? – спросил паренек, едва скифы оставили их одних.

Невольник выглядел намного моложе пришельца из будущего – лет пятнадцать, не более. Тощий, волосы растрепаны, под глазом синяк, лицо и тело исцарапаны. Одежды, понятно, никакой. Андрея это ничуть не удивило.

– С севера… – односложно ответил колдун.

– Все мы здесь с севера, – пожал плечами паренек. – Из каких мест?

Студент промолчал. Его не тянуло к беседе. Андрей все никак не мог свыкнуться с неизвестностью. Сколько он пробыл изваянием? Месяцы или годы? Насколько хватило терпения прародительнице скифов? Заметит ли это Большой алтарь, как теперь изменится время? Может статься, его Катя уже давно состарилась и забыла о юношеской авантюре? Может, ее и вовсе больше нет? А он питает пустые надежды, бегая по этому злобному, взбесившемуся миру, не признающему никаких правил!

Хотя всегда остается надежда, что здешние века по ту сторону алтаря окажутся равны секундам! Поди угадай… Андрей ведь первым в мире пробил толщу времени. Все придется узнавать на своей шкуре.

– Меня варяги у реки подловили. За выдрой погнался, да по склону соскользнул. Тут они меня, словно карася из садка, и вытянули, – посетовал паренек. – Поперва на север везли, там на че-то сменяли, потом еще поменяли. Потом ужо на юг сплавили. За котелок медный скифам отдали. Теперь сюда вот пригнали. А ты как здесь очутился? Тебя как зовут? Меня Ченосиком. Ты как в рабство попал?

– По дурости, – вздохнул колдун.

– Все по глупости попадают. По беспечности да невезению. А зовут тебя как? – повторил паренек.

– Андрей, – все же ответил ему студент.

– Еундрей? Странное какое имя. Первый раз такое слышу. Оно чего означает? Меня вот, например, Ченосиком родители нарекли, ибо на ежика, сказывают, был похож.

Колдун невольно повернул голову к собрату по несчастью. Какая связь между словом «Ченосик» и ежом – он при всем желании понять не смог.

А паренек говорил, говорил и говорил, практически не останавливаясь. Похоже, бедолага провел в плену уже много месяцев и истосковался по собеседнику. Вряд ли скифы тратили время на общение с рабом. Ченосик говорил и говорил, а Андрей, устало вытянувшись на траве, предавался своим мыслям и воспоминаниям.

И понесло же его в прошлое, в этот безумный и совершенно неправильный мир!

Воистину, от добра добра не ищут. В двадцать первом веке он был сильным колдуном, целителем, волхвом достойного русского рода, настоящим арийцем. Чего ему не хватало? Слишком мало силы, власти, известности? Захотел перевернуть реальность, переделать ее под себя?

Переделал. Был достойным человеком с хорошим будущим, стал ничтожным позорным рабом, обреченным сгнить в темных рудниках…

Внезапно его ухо уловило в монологе Ченосика нечто неожиданное, и Андрей открыл глаза.

– …погнали сих бортников. Но славяне вскорости одних токмо мужей крепких чуть не полсотни привели! Как же они на нас все разом навалились!.. Так бежать и пришлось. Уходить от реки. К духам предков, в чащу. Пропало в общем кочевье. Ни пасеки, ни…

– Так ты не из славян? – перебил его колдун.

– Конечно, нет!!! – возмущенно вскинулся раб. – Я Ченосик из рода росомахи, кровь от крови зверя храбрейшего! Неужели по мне не видно?

Андрей отрицательно покачал головой, и паренек тут же обмяк, словно из него выпустили воздух:

– Ну да… Оброс, голый. Всю зиму почти не жрамши… Но кровь росомахи себя еще покажет! – вдруг вскинул он подбородок. – Поверь мне, Еундрей, так просто все это не кончится!

– Андрей, – машинально поправил его студент, снова откинул голову на траву и опустил веки.

Долгих десять дней обоз катился на восток, от ручья к реке, от реки к колодцу. В пути к нему присоединились еще с десяток

возков и несколько рабов. Мужчины разного возраста, но, в отличие от Ченосика, довольно крепкие. Из их хмурых переговоров Андрей понял, что все принадлежали к разным звериным родам: бобрам, рысям, лисицам, лосям и даже волкам. Славян среди пленников не оказалось ни одного. Все они были…

– Жрите, лесовики, – сказал однажды скиф, кинув на всех мешок кураги, и колдун сразу вспомнил: «лесовики»! Именно так назвали варяги напавших из березняка разбойников. Народ, про который Андрей в своем будущем и вовсе никогда ничего не слышал.

Разросшийся обоз наконец-то докатился до могучей полноводной реки, каковая могла быть только Доном. Скифы развязали всех рабов, кроме Андрея, и погнали разгружать повозки на бревенчатые плоты. Телеги с грузом эти примитивные паромы, похоже, не выдерживали. В несколько ходок все тюки, корзины и бочки были переправлены на восточный берег. Следом наступила очередь пустых колымаг.

Лошадей степняки заставили переплыть самих: сидели на краю плота и удерживали за морды, не давая хлебнуть воды и помогая двигаться.

Закончился весь этот тяжкий труд только ночью. Усталые люди расселись у костров, подкрепляя силы, – связанный колдун, как всегда, валялся в темноте возле телеги.

Неожиданно Андрей ощутил щекочущий аромат запеченной рыбы, услышал осторожные шаги…

– Еундрей, ты где?

– Ченосик? – отозвался студент.

– А-а, вижу… – Паренек уселся рядом, положил на траву тушку крупного окуня, аккуратно разломил вдоль хребта. – Обижаются люди на тебя, Еундрей. Тяжело всем приходится. Работы много, ладони в кровь. А ты лежишь и ничего не делаешь. Я им сказываю, ненавидят тебя сильно скифы, оттого и не развязывают. Вон, даже удавка с колдовскими рунами на шее и голове. А они мыслят, что за себя и тебя трудиться вышло.

Он отломил ломтик рыбы, положил колдуну в рот.

Андрей прожевал угощение и торопливо предложил:

– Развяжите меня! Я вам сразу покажу, чего умею!

– Поздно уже. – Ченосик дал ему еще рыбы.

– Развяжи, не пожалеешь!

– Видел я твои путы. Наглухо затянуты. Их резать надо.

– Ты развязан, чего не бежишь? – спросил его студент.

– Куда? – развел руками Ченосик. – Тут степь, прятаться некуда. Выследят скифы да изувечат, дабы прочим неповадно было.

– Развяжи, я проведу! Мне бы только освободиться!

– Ты же северянин, Еундрей, – покачал головой паренек. – Откуда тебе здешние тропы знать? – Лесовик положил ему в рот остатки рыбы и поднялся. – Пойду. Вестимо, всех уже на ночь вяжут.

С рассветом рабы, понукаемые плетьми и грозными окриками, загрузили телеги, собрались возле Андрея, бросая на него недовольные взгляды.

– Ничего, чужак. Мы тебе твою лень еще попомним… – пообещал кто-то из них.

Студент не ответил. Скифов рабы, понятно, боялись. Вот и решили отыграться на том, кто неспособен дать отпор.

Степняки скрутили невольникам руки за спины, прихватили шеи одной длинной веревкой и двинулись в путь, куда-то в северо-восточном направлении.

Путь по восточному берегу оказался намного тяжелее, нежели до переправы. Здесь длиннющий обоз шел от рассвета до заката и останавливался возле колодцев. Каждый вечер обозники забирали рабов и ставили их черпать воду. Вволю напоить две сотни лошадей удавалось только к полуночи, лесовики возвращались на привязь вымотанные и злые – и любви к вечно «отдыхающему» молодому чародею это не добавляло.

– Проклятый чужак! – Иначе о нем уже не вспоминали. И кабы не доброта Ченосика, быть бы Андрею всегда голодным. Именно паренек, когда невольники разбирали вечернюю или утреннюю пайку, урывал немного кураги или вяленых груш для связанного товарища, быстро напихивая ему полный рот.

Впрочем, к Ченосику остальные лесовики относились тоже с легким презрением. Хлюпкий мальчишка приносил мало пользы.

Но он хотя бы работал!

Обоз же катился и катился через степь, обрастая все новыми и новыми возками, подошедшими из местных кочевий. Рабов тоже становилось все больше. Но объем работы увеличивался еще быстрее!

На каждой стоянке степняки в первую голову отпускали лошадей на выпас, и расставлять возки в удобный табор рабам приходилось вручную. Воду из колодцев они качали для большего числа людей и лошадей, а сверх того многие воины теперь желали горячей пищи – и невольники, выбиваясь из сил, рвали и носили к кострам траву, поддерживая беспрерывно подбрасываемыми пучками ровное пламя.

Наконец, впереди блеснули воды просторного залива. Скифы засуетились, сортируя обоз. Часть отогнали в сторону и повели рабов сбрасывать груз, но большинство возков отважно въехали в

воду и – благополучно покатились по воде.

Не совсем, конечно, по воде. Вода поднималась заметно выше колесных ступиц, бредущего на привязи Андрея она местами захлестывала до пояса. Однако студент-медик никак не ожидал, что на великой могучей Волге, одной из крупнейших рек мира, да еще на срединном течении существуют проезжие для обычных телег броды[1]!

За переправой обоз остановился на привал. Рабы перенесли на голове тюки и корзины с боящимся влажности добром, снова загрузили повозки.

В этот вечер несколько лесовиков даже пнули отдыхающего студента – вроде как случайно, укладываясь спать. Но – со всей силы. Стало ясно, что еще немного – и «бездельника» начнут бить.

Однако Андрею повезло – два ближайших привала случились возле ручьев, вдоль которых росли деревья и кустарник. Естественный водопой, нормальные дрова – лесовикам наконец удалось хоть немного отдохнуть, валяясь вечерами на привязи в ожидании еды и поднимаясь утром только перед выходом в дорогу.

Правда, на каждом из этих привалов к обозу пристраивались еще по нескольку телег – так что на третий вечер работы оказалось заметно больше, чем раньше.

Еще одна передышка случилась на пятый переход – скифы пригнали откуда-то сразу четыре десятка невольников. Однако отдыхать рабам степняки не позволили – после нового перехода обоз свернулся в табор в небольшой низинке, и там всех лесовиков погнали строить нечто вроде колодца: ворочать свезенные заранее огромные валуны, складывая из них пирамиду над вымазанной глиною ямой.

Андрей в это время лежал в тени возка. Он даже начал безмятежно насвистывать, когда мимо проходил какой-то незнакомый скиф: безбородый, белобрысый и в меховой безрукавке. С такой внешностью он запомнился бы молодому чародею. А раз нет – то наверняка был из последних обозов, недавно примкнувших к общей массе.

– Ты почему валяешься, дикарь?! – в недоумении остановился степняк.

– А меня не заметили, – с нахальной непосредственностью ответил колдун. – Повезло!

– Повезло? – засомневался воин.

– Или отвернулись, – предположил студент. – У меня узлы затянулись так, что не распустить. Вот никто ковыряться и не хочет.

– Ничего, – скривился скиф и потянулся за ножом. – Я знаю хороший способ. Ну-ка, встань!

Андрей послушно поднялся и повернулся к воину спиной. Медный клинок с затянувшимся шипением перепилил веревки – и в руках колдуна впервые за много-много дней возникла блаженная легкость.

– Бегом работать! – грозно прикрикнул скиф. – До темноты колодец должен быть готов!

– Слушаю и повинуюсь, господин… – Молодой чародей с наслаждением поднял руки сперва в стороны, потом вверх. Постоял так несколько секунд, потом опустил ладони на голову, содрал с нее липкую от пота повязку, смотал с шеи и отшвырнул в сторону. – Да-а-а!!!

Его душа, до того стиснутая в плотный кокон, будто посаженная в карцер, – вдруг ощутила свободу и с легкостью необычайной, словно вода из лопнувшего аквариума, выплеснулась наружу и растеклась далеко-далеко в стороны.

И внезапно вселенная снова стала звездной! Колдун ощутил сразу сотни, даже тысячи живых существ вокруг себя – птиц в небе, мышей в норах, рабов в колодезной яме, лошадей в обозе и целый табун на выпасе в стороне. Он чувствовал их всех, всех до единого! Их желания, надежды и страхи, их голод и жажду, и недовольство появлением вонючих чужаков.

На Андрея обрушилась лавина запахов – степных, костровых, обеденных, походных: вонь пота и аромат жареного мяса, тухлятина старой кошмы и благоухание впитавшего в себя солнечную систему ковыля. В него ударило море звуков – гомон людей, свист птиц, стрекот кузнечиков, топот копыт.

Он снова стал воплощением этого мира! А мир снова стал продолжением колдуна, частью его плоти, воли и желаний.

– Ты еще здесь, раб?! – Скиф, ведущий в поводу серого в яблоках скакуна, опять оказался рядом с освобожденным пленником.

Андрей повернулся к нему всем телом. Улыбнулся. А потом жизнерадостно захохотал.

– Тебе смешно, вонючий лесовик?! – Задохнувшись от ярости, степняк бросил поводья, отступил к седлу, выдернул из сумки плеть. – Я тебя сейчас развеселю!

Молодой чародей склонил голову набок, и послушный его воле мерин стал торопливо разворачиваться на месте.

– Пошел работать! – Скиф размахнулся плетью, но ударить не успел.

Пребывающий в отличном настроении колдун еле успел пригнуться, пропуская над собой проносящееся тело, подошел к

скакуну, похлопал по крупу:

– Молодец, малыш, молодец.

Мерин зафыркал, сунул морду под руку за лаской. Андрей нежно потрепал его по ушам, погладил нос. Взгляд упал на медную налобную пластину уздечки, украшенную изображением змееногой богини, и чародей нахмурился, опустил веки, скользя внутренним взором по сознанию находящихся в таборе скакунов, тихо ругнулся.

Его худшие подозрения подтвердились – на зов откликнулось не больше трети лошадей. Чертовы скифы использовали в упряжи украшения из амулетов и отсекающих магию рун!

Впрочем, для потомков Табити это все равно ничего не меняло. Ведь щиплющие травку кони паслись расседланными и распряженными!

Андрей сделал вдох, выдох, набрасывая на них покрывало своей бескрайней души, – и табун внезапно сорвался с места, перейдя на рысь. Сам чародей подошел к стонущему на земле скифу. Сдвоенный удар задних копыт в спину степняка, как ни странно, не убил его. Однако встать воин даже не пытался, растерянно хлопал глазами.

– Крови, надеюсь, нет? – Студент-медик стянул через голову свою еще варяжскую куртку, когда-то нарядную, а ныне изгаженную до безобразия, сложил из нее подушечку, подсунул раненому под затылок. Затем расстегнул на нем пояс, снял безрукавку, стащил сапоги и штаны, не спеша оделся.

Табун как раз подбегал к обозу, и Андрей замер, сосредоточился, удерживая контроль сразу над сотнями буйных разгоряченных животных.

Лошади вломились в проходы между телегами на всем ходу, сбивая и затаптывая оказавшихся на пути степняков, которые отчаянно пытались усмирить понесшихся скакунов. Тех же, что успевали шарахнуться в сторону, спрятаться, укрыться, кони хватали зубами за плечи, ноги, голову – за все места, до которых могли дотянуться.

Колдун приподнял левую руку, словно дирижируя, – часть табуна свернула к недостроенному колодцу, промчалась по краю, походя снеся надсмотрщиков, сделала круг, спустилась ниже и целенаправленно стоптала трех скифов, пытавшихся укрыться между валунами. Остальные кони продолжали перемахивать телеги, протискиваться между кибитками, опрокидывать арбы, ломая и корежа все на своем пути – корзины, связки жердей, людей, решетки для юрт, не видя никакой разницы между живым и мертвым.

Несколько минут – и табор наполнился криками и стонами,

покрылся кровавыми лужами, а лошади, вырвавшись обратно на степной простор, внезапно успокоились, опустили головы к траве и продолжили столь внезапно прерванный ужин.

Притопнув ногой, Андрей недовольно поморщился – сапоги оказались тесноватыми. Он топнул еще и махнул рукой:

– Ладно, кожа мягкая, растянутся. Или потом на другие поменяю. – Он опустился рядом с лежащим скифом на колено и спросил: – Мне нужен Иритыш. Знаешь, где он, смертный?

Раненый захрипел.

– Точно не знаешь? Досадно…

Колдун выпрямился, осматриваясь в задумчивости. Он был уверен, что топчущие степняков лошади на посланника змееногой богини нигде не наткнулись. Андрей бы это заметил, ощутил. Он умел смотреть глазами животных – даже если тех собрался целый табун.

Но где же тогда искать этого поганца?

– Еундрей, Еундрей! – Голый паренек с ножом в руке промчался между телег, остановился возле обрезков веревки, закричал: – Еундрей, ты где?! У скифов лошади взбесились, потоптали почти всех! Свобо-ода!!! Еундрей?!

Увидев одетого под степняка друга, юный лесовик осекся, сглотнул:

– Ты уже знаешь?

Андрей кивнул.

– Так побежали! Грабить можно сколько хочешь! Все теперь наше!

Колдун согласно кивнул еще раз. Паренек закрутился, не зная, куда кидаться. Он походил на голодного мышонка, ошалевшего от счастья в коробке с попкорном и теперь не понимающего, за что хвататься.

– Одежду себе найди, – посоветовал молодой чародей, взял под уздцы серого в яблоках скакуна и не спеша двинулся через разгромленный табор. Перешагнул мертвеца с продавленной грудной клеткой, еще одного. Услышал слабое дыхание, повернулся на звук, присел перед раненым: – Ты знаешь Иритыша, смертный? Лучше признайся! Зачем тебе лишние муки перед смертью? Знаешь? Где он? Плохо…

Андрей пошел дальше. Остановился возле другого стонущего степняка:

– Ты знаешь Иритыша, смертный?

Колдун был терпелив, задавая свой вопрос снова и снова, но безуспешно. А по табору тут и там носились с воплями лесовики. Потрошили тюки, добивали раненых мучителей, находили что-то в корзинах, а что-то, наоборот, бросали под колеса и перебегали к

другому возку. Общаться с ними молодому чародею не хотелось, поэтому Андрей прикрывался мороком каждый раз, когда кто-то из освободившихся рабов оказывался рядом. На невольниках никаких оберегов не имелось, и заговор на отвод глаз действовал безотказно.

– Ты знаком с Иритышем, несчастный? – склонился колдун над переломанным бородатым воином, лежащим на боку, роняя кровавую пену.

– Добей… – прошептал тот. – Умоляю… Мука…

– Мне нужен Иритыш, – присел возле раненого студент-медик, провел ладонью над безрукавкой.

Переломы нескольких ребер, позвоночника, нижняя часть тела парализована. Должно быть, каждый вдох причинял скифу невероятную муку. Но не дышать воин тоже не мог. Рефлекс…

– Иритыша? Его нет…

Андрей вскинул голову, наконец-то услышав хоть что-то полезное.

– Где он?!

– Обоз… заблудился… Вернулся… Искать… – На глазах зрелого воина показалась слеза. – Умоляю, дикарь…

Колдун быстрым движением выхватил из петли на его поясе медный топорик и со всей силы всадил в макушку несчастного по самый обух. Перехватил узду скакуна:

– Пойдем, Яблочко, отсюда. Нам в другую сторону.

Андрей быстро зашагал между возками, на ходу составляя план поиска посланника Табити.

Если у скифов заблудился какой-то обоз, то, по логике, за ним нужно возвращаться назад. Догонять своих Иритыш должен по натоптанному тракту. Так что есть хороший шанс не разминуться.

Учуяв знакомый аромат сушеного мяса, колдун мимоходом подхватил с повозки легкий мешок, кинул на холку мерина. Через несколько шагов добавил к походным запасам мешок изюма.

– Еундрей, Еундрей!!! – Знакомый голос заставил Андрея остановиться. Загораживаться мороком от паренька, что подкармливал его в плохие дни, рискуя получить леща от товарищей, было бы неправильно. – Смотри, что я нашел!!! Вот, смотри! Меня аккурат за такой же продали!

Ченосик размахивал над головой темно-красным котелком, размером годящимся ему аккурат вместо шлема. Лесовик успел приодеться – в штаны, висящие на щуплом теле, как на вешалке, и в замшевую жилетку, доходящую до колен. Пояс с двумя ножами, сумкой и топориком на бывшем рабе, похоже, вовсе не застегнулся, и эту добычу паренек повесил на плечо.

– Хорошая вещь, – кивнул Андрей. – Теперь тебе будет с чем вернуться домой.

– Мы все теперь… – в восторге подпрыгнул паренек. – Мы теперь…

– Вы теперь богачи, – подсказал чародей и ласково похлопал скакуна по морде. – Удачи тебе, Ченосик! Прощай.

– Подожди, Еундрей! – пробежал немного сзади юный лесовик. – А ты чего награбил?

– Мне не нужно, – отмахнулся колдун.

– Громобой сказывает, путь на север знает! – похвастался Ченосик. – Люди сговорились добычу набрать и до вечера через реку уходить.

– Правильное решение, – согласился Андрей, снова перехватывая уздечку.

– А ты куда?

– Туда, – махнул рукой на запад чародей.

– Но все уходят на север!!! – отчаянно выкрикнул паренек.

– А мне нужно туда, – развел руками Андрей. – Прощай, дружище.

– Но все решили иначе! – Ченосик чуть не заплакал.

– Так иди! – разрешил колдун, помахал рукой и стал пробираться дальше.

Паренек позади чуть не застонал в отчаянии. Изгою во взрослой мужской компании никак не хотелось расставаться с единственным другом. Но и оторваться от толпы юный лесовик тоже не решался.

– А-а-а-а… Еундрей, подожди! – внезапно сломался он. – Я с тобой!

– Зря, – оглянулся Андрей. – Со мной выйдет долго и опасно. Дорога к моему дому запутана, рискованна, и тебя в него не впустят. Зачем?

– Что же ты, совсем один будешь? – Возражения, похоже, разбудили в парнишке детское упрямство. – Или ты мною брезгуешь?

– Да я не против, – пожал плечами колдун и честно признался: – В компании и правда веселее. Просто обманывать не хочу. Можешь сильно пожалеть.

– Хуже рабства уже ничего не случится! – бездумно отмахнулся Ченосик. – Так чего, еще пограбим?

– Жадность – это зло, – отрезал Андрей. – Лишний вес. А мы не на «Камазе». Однако идти пешком тоже глупо…

Он прислушался к табору, свернул влево и через полста шагов обнаружил переступающую у коновязи оседланную каурую кобылку. Решительно снял с нее узду с оберегом на налобной

костяной пластине, срезал подвеску с талисманами у передней луки и кивнул Ченосику:

– Принимай, твоей будет.

– А я не умею, – испуганно мотнул головой лесовик.

– Сядешь в седло, и все. Остальное моя забота, – пообещал колдун. – Давай выбираться отсюда, и без того полдня позади.

– Ага, – согласился паренек и хозяйственно прибрал тюк с облучка кибитки.

– Не жадничай! – еще раз предупредил чародей и стал пробираться через последние ряды повозок к открытой степи.

* * *

Поздно вечером внезапно выяснилось, что Ченосик отнюдь не дурак. Когда путники стали устраиваться спать, прихваченный им тюк толстой кошмы оказался очень даже к месту. Хотя за время рабства они оба привыкли спать голыми на сырой земле, но зачем это нужно сейчас, если можно расстелить под себя мягкий теплый войлок и им же еще и укрыться?

Эта ночь стала одной из самых блаженных в жизни. Тепло, уютно, спокойно. Удовольствие портили только боли в руках, уже отвыкших от иного положения, кроме как за спиной. Они ныли так, словно вчера колдун весь день колол дрова, и еле шевелились, отвечая предательской слабостью на любой жест.

К счастью, сила молодого чародея была не в руках.

Все еще валяясь на мягкой подстилке, он нащупал сознание парящего в вышине ястреба, его глазом увидел себя – темный прямоугольник среди зелени – и пару пасущихся лошадей, в нескольких километрах севернее – синий изгиб небольшой протоки. Обоза, увы, в пределах горизонта не проглядывалось. Но Андрея это особо не беспокоило. Придут, куда денутся? Степь, может, и большая – да только путь к Аркаиму один. Торный, размеченный, хоженый-перехоженый.

– Вставай. – Студент-медик рискнул потянуться, но тут же вскрикнул от боли и на будущее с подобными экспериментами решил повременить. После месяца неподвижности недолго с ходу и контрактуру суставов, и атрофию мышц заработать. Поэтому к движению нужно возвращаться постепенно, плавно наращивая нагрузку. – Вставай, лошади пить хотят.

– Я тоже хочу, – отозвался Ченосик.

– Вот и вставай!

Неторопливо поднявшись, молодые люди так же неспешно навьючили своих скакунов, забрались в седла, степенным шагом

доехали до ручья. Лошадей пустили к водопою, сами подкрепились изюмом – и опять развалились на кошме.

За день Андрей несколько раз осматривал степь с высоты птичьего полета, но она оставалась пустой от края и до края. А ввечеру паренек прошелся вдоль ручья, наломав сухих ивовых и ольховых веток и даже обнаружив сухостоину толщиной в руку, развел костер, и путники торжественно заварили в драгоценном медном котелке четыре горсти сушеного мяса.

– Как же хорошо быть свободным… – Глазки Ченосика осоловели еще до того, как он доел свою половину, и лесовик быстро уполз на войлочную подстилку. Колдун же еще долго прислушивался к ночи, ловил душой живые искорки, нащупывал хозяев. Но никого из нежити почему-то так и не нашел. Однако все равно ритуально попросил прощения за то, что вторгся в чужие пределы, пообещал ничего не попортить и вскорости уйти.

Обоз появился только на третий день: восемь телег, на каждой по возничему, шестеро всадников. Андрей ласточкой скользнул вдоль отряда степняков и сразу узнал курчавобородого Иритыша в кожаном пальто. Посланник богини скакал во главе колонны. Или, вернее, неспешно ступал, ибо катились возки со скоростью пешехода.

– Полтора десятка, – пробормотал вслух молодой колдун. – В лоб их не взять, повяжут. Амулеты, амулеты, проклятые амулеты. Зачем все они таскают на себе эти штуки? Суеверные идиоты! Эх, как бы мне сейчас пригодился хороший дикий табун!

Но судьба не желала подыгрывать одинокому чародею. Никаких крупных животных, ни одного стада коров, сайгаков или еще какой скотины поблизости не имелось.

Андрей отпустил птицу, поднял руки, пошевелил пальцами – так ему было легче дотягиваться до жертв краешком души.

Вопреки надеждам скакун Иритыша был накрепко защищен оберегами, равно как еще две верховые лошади. Но трех коней чародей смог сразу забрать под свою волю. Равно как всех упряжных меринов – защищать их амулетами никто не подумал. Вот только возможности вырваться из оглоблей эти бедолаги не имели.

– Вот проклятье! – Андрей потер виски, размышляя, прикусил губу, покачал головой и наконец решился: – А если так?

Он поднял руки и резко выбросил их вперед, хотя на деле работали только его дар и разум.

Далеко в степи внезапно встали на дыбы, зафыркали, закрутились почти все лошади. Половина верховых принялись яростно скакать – да так, что один из степняков сразу выкатился из седла, а двое других удерживались с огромным трудом.

Запряженные мерины, хрипя и мотая головами, рывком отвернули с тракта и поскакали в степь.

– Держи!!! – Иритыш первым ринулся на помощь повозкам. Другие скифы последовали его примеру. И вдруг…

Лошадь без всадника кинулась к посланнику богини, вцепилась зубами в плечо, выдернула из седла и резво помчалась в степь.

– Что?! – Ближний скиф, изумленный таким зрелищем, поворотил коня, собираясь кинуться на помощь, но на него яро набросились взбесившиеся скакуны, слитным ударом сбили воина вместе с лошадью и принялись топтать.

Второй степняк на послушной лошади в это время ловил вожжи уносящейся, опасно раскачиваясь, арбы и происходящего позади просто не увидел.

Андрей разгонял возки в разные стороны еще добрый час – так, чтобы собирать их обозникам пришлось бы до ночи, и в итоге степнякам стало не до поисков пропавшего вожака. А спустя два часа к ручью вышла усталая, вся в розовой пене, лошадь и уронила возле воды измученного воина. Плечо Иритыша сочилось кровью, рука обвисла. Никакой опасности он в таком виде не представлял.

– Привет, красавчик. – Колдун сел на травку рядом с ним, расстегнул поясную сумку, выгреб все содержимое. Между мотками ниток, шилом, расческой и огнивом блеснуло серебро. Андрей осторожно извлек свой амулет, поцеловал, повесил на шею. Зажмурился, ощущая слабый теплый укол в сердце и тонкую струйку растекшейся нежности. Они снова оказались вместе – колдун и его Катя. Пусть разделенные тысячами километров и тысячами лет – но вместе, хорошо ощущая любовь и преданность друг друга.

Андрей слабо улыбнулся, открыл глаза, опустил взгляд на тяжело дышащего врага. Покачал головой:

– Передай змееногой дуре, Иритыш, что она выбрала неправильного мальчика для битья. Ведь я пришел к ней с миром. С дружбой, уважением, даже почитанием. А она сделала из меня врага. Сделала собственными руками! Зачем? – пожал он плечами. – Не понимаю. Передай Табити, что скоро мы увидимся с ней снова. Но в этот раз наша встреча ей очень не понравится. В будущем нет змееногих богинь, Иритыш. И теперь я знаю почему.

Он похлопал скифа по груди и поднялся.

Место отошедшего товарища занял Ченосик, молча и деловито снявший с посланника богини пояс, амулеты, все украшения. Стащил сапоги, забрал одежду.

– Пусть тоже голым погуляет, – пояснил он Андрею.

Колдун спорить не стал. В словах недавнего раба имелась своя доля правды.

Семь дочерей демона

Собрались путники быстро. Большую часть накопившегося добра навьючили на примкнувшую к беглецам третью лошадь, поднялись в седла и поскакали вдоль ручья в северном направлении. Впрочем, недолго. Примерно через километр чародей сдвинулся с берега в ручей, пряча в песчаном русле следы копыт, а спустя некоторое время неожиданно повернул лошадей направо, в овражек с галечным дном. Путники промчались по нему до самого верха и двинулись по бескрайней зеленой равнине в сторону восхода.

– Мы куда, Еундрей? – опасливо поинтересовался паренек.

– Если скифы попытаются нас догнать, – ответил колдун, – то будут искать на севере и поблизости от ручья. Кто в здравом рассудке в степь от воды повернет? Посему поедем туда, где искать не станут. Не так много в обозе свободных воинов, чтобы облаву среди этих просторов устраивать.

– А как же мы сами без воды-то, Еундрей?

– Не бойся, я найду, – пообещал чародей. – И называй меня Андреем, в конце-то концов!

Однако пришелец из будущего возложил слишком много надежд на свое умение обозревать землю с огромной высоты – к вечеру он не смог углядеть окрест ни единого водоема, лужи или хотя бы влажного пятна с болотными растениями. Степь, насколько хватал глаз, лежала унылая и однообразная. Только к середине второго дня чародею удалось углядеть небольшой родничок, окруженный сочной зеленой осокой. Через час и лошади, и люди напились вдосталь и дальше двинулись уже по руслу ручья. Рисковать еще раз Андрею расхотелось.

Вечером ручеек слился с несколькими другими и обратился в узкую извилистую протоку. На третий день стал вполне приличной рекой, незаметно раздаваясь с каждым километром, вбирая все новые ручьи и протоки. Направление эта река держала строго на север, словно собиралась в гости к вернувшимся домой беглым рабам.

А затем…

– Вот проклятье! – повел носом Андрей. – Впереди кровь. Затхлая, много. И брошенное мясо. Вороны каркают. Целые стаи. И прочего мелкого зверья собралось изрядно.

Ченосик напрягся, сделал суровое лицо, взял в руку трофейный скифский топорик. Андрей тоже погладил рукоять медного ножа, хотя и понимал, что никакой опасности нет. Запах указывал место, где смерть уже собрала свою жатву и ушла

дальше, по другим столь же важным делам.

Вскоре маленький караван выехал на затоптанную, местами изрытую поляну. С нее потрусили в степь лисы, прыснули в стороны крысы и мыши. Недовольно каркая, поднялись в воздух вороны. Зверье и птицы уже насытились и не собирались защищать свою добычу от новых гостей.

На пологом склоне возле реки остались лежать с полсотни людей в штанах и жилетах степняков, уже почти превратившихся в скелеты.

– Скифы? – спросил Ченосик.

Андрей промолчал.

– Неужели наших догнали? – все же высказал самое правильное предположение паренек. – Но как же так? Каким образом?

– Наверное, кто-то из обозников выжил и смог поднять тревогу, – пожал плечами колдун. – Скифов было слишком много, всех не затоптали. Кто-то сумел спрятаться, кто-то оказался легко ранен. Возможно, кому-то из верховых удалось просто ускакать с пути взбесившегося табуна. Если про бунт и побег узнали в ближних кочевьях, то могли быстро послать воинов на перехват. Слишком простой путь домой, слишком много добычи… Беглецам нужно было путать след и уходить налегке.

– Как мы?

– Как мы, – кивнул колдун, не зная, как теперь поступить. Оставить тела гнить непогребенными ему не позволяла совесть. Похоронить всех он не мог чисто физически. У путников не имелось ничего, похожего на лопату. Зверей, способных вырыть котлован нужного размера, Андрей не знал даже теоретически. Кремировать? Даже не смешно! В степи каждая хворостинка на счету. Травы же для погребального костра не накосишься.

– Удачно получилось, что я с тобой возвертаюсь, Еундрей, а не с ними, – сделал неожиданный вывод паренек. – Поехали отсюда скорее, а?

Андрей согласно кивнул и с облегчением пустил скакунов быстрым шагом.

К полудню следующего дня их речушка впала в более полноводную реку, несущую свои воды в западном направлении.

– Глубокая, – оценил препятствие колдун. – Нужно искать брод.

– Да ерунда, Еундрей, переплывем!

– Мы-то переплывем. А вот припасы вряд ли, – покачал головой Андрей. – Продукты все сушеные, кошма войлочная. Намокнут – стухнут или заплесневеют. Одежда кожаная тоже форму потеряет. Зачем нам такая головная боль?

– Для вещей плотик свяжем!

– Вяжи! – согласился чародей.

– А из чего? – Вдоль берега рос только кустарник да тощие осинки.

– Да из чего хочешь! – разрешил Андрей.

– Э-э-э-э… а как ты брод найдешь? – подумав, ответил вопросом Ченосик. – Река-то, вона, за сто шагов шириной, да незнакомая!

– Искать нужно, мой мальчик, искать. Само ничто и никогда не получается. – Колдун спешился, избавил лошадей от ноши, разделся сам. Кивнул пареньку: – А ты хворост пособирай для вечернего костра.

Андрей пошел вдоль берега, высматривая в русле просветы, подсказывающие, что дно подступает близко к поверхности. Там, где появлялась надежда на удачу, – входил в воду, прощупывая путь. Но глубже, чем по грудь, не забирался. Лошади здешние невысокие, на такой глубине спину обязательно захлестнет.

Пройдя примерно с километр вниз по течению, несколько раз слазив в воду и изрядно продрогнув, колдун плюнул и вернулся к лошадям. Плюхнулся на землю возле охапки хвороста.

– Завтра вверх по реке схожу, – махнул он рукой. – Если ничего не нащупаю, то твоя взяла. Попытаемся соорудить что-нибудь плавучее.

– Коли хвороста на охапку есть, так чего из него поплавки не сделать? – кивнул паренек, крутя в руках коричневый булыжник.

– Чего там у тебя?

– На вот, кремень нашел… – Ченосик прищурился, примерился другим камнем, ударил. Что-то заныл себе под нос, ударил еще раз, потом снова. Подобрал с песка отколовшуюся пластинку длиной с палец, запел громче, спустился к реке, глянул на свое отражение и… стал быстро и ловко брить с головы путанные запыленные волосы.

У Андрея от неожиданности отвисла челюсть. Умом он, конечно, понимал, что твердость кремня заметно выше, чем у стали, а стеклянный скол будет явно острее бритвы. Но одно дело – теория, и совсем другое – столь наглядное и прикладное ее подтверждение.

Колдун встал рядом с товарищем, критически глянул на свое отражение.

Если у лесовика прическа была просто спутана, то его имела одно-единственное определение: колтун.

– Ченосик, ты меня потом побрить сможешь?

– Ага, – кивнул паренек, ополоснул голову из реки; дождался, пока вода успокоится, и продолжил свое занятие.

– Это у вас обычай такой? – спросил его Андрей.

– Ага… – Ченосик высунул язык от старания. – И жучки не заводятся.

– Тьфу, зря спросил! – поморщился студент-медик. – Сразу голова зачесалась.

– Ништо! Побреем, сразу все пройдет. И свежесть сразу приятная появляется!

Лесовик оказался прав. Избавившись от волос, Андрей сразу почувствовал себя бодрее и… как-то чище, здоровее. Правда, макушка слегка чесалась.

Путники развели костер, поставили на камушки котелок с водой. В свете огня Ченосик разложил свою жилетку, все тем же осколком кремня решительно отсек нижнюю треть, сильными решительными взмахами нарезал на получившемся куске полоски бахромы. Поднялся, отправился в прибрежный кустарник, вернулся со стеблями желтого и сухого, немного подгнившего прошлогоднего репейника. Хорошенько поломал, несколько раз протянул между камнями, еще потер меж ладоней, протянул. Поковырял ногтями, рывком отделил тонкую серую нитку, несколько раз ободрал ногтями и вернулся к жилетке. Расстегнул сумку Иритыша, достал шило и иглу, уселся ближе к огню и в его свете принялся методично дырявить кожу. Отрезанную полоску паренек подшивал на грудь, через спину и опять на грудь, примерно наполовину закрывая ею прорези для рук. В итоге вместо уродливого «пальто» без рукавов прямо на глазах чародея создавалась опрятная, скромно украшенная жилетка.

– Чего раньше не переделал? – спросил Андрей.

– Так камня хорошего не попадалось, Еундрей, – пожал плечами Ченосик.

– Взял бы скифский нож.

– Дрянь ножи, плохо режут, – отмахнулся лесовик. – Ими токмо друг в друга тыкать хорошо, глубоко в людей входят. Да и то недолго. Тупятся.

– Да, я уже слышал, – признался колдун. Заглянул в котелок, только-только начинающий пузыриться, подсунул под него несколько веточек. Спустился к реке, пару раз ополоснул зябнущую голову, оглянулся на спутника:

– Может, ты и расчески делать умеешь? Гребни для волос, в смысле. Из того, что вокруг растет или под ногами валяется?

– Тут кость широкая нужна, – протаскивая иглу через наколотые дырки, пробормотал Ченосик. – Череп бычий, волчий али медвежий. Ну, или щепа липовая. А тебе зачем, Еундрей? – поднял он голову. – Чесать-то уже нечего!

– Под мышками остались, – ответил студент.

– А-а… – ухмыльнулся юный лесовик. – Так возьми скифский. Иритыш им, вестимо, бороду вычесывал. Для твоей нужды должно хватить.

– У нас есть расческа?! Что же ты молчал! – Андрей подскочил, сунулся в открытую поясную сумку, поворошил содержимое и достал желтый бронзовый гребешок в три пальца шириной, с частыми-частыми зубцами и чеканкой в виде плетущейся листвы на рукояти. – То, что надо! Ченосик, ты девственник?

– Еундрей, ты меня пугаешь! Что ты хочешь сделать со мной этою штукой?

– Я хочу тобой пожертвовать, лесовик! Дабы разведать ближайший удобный брод.

Спустя полчаса они сидели на берегу реки. Паренек вертел в руках кусочек коры с выцарапанным на ней корявым многозубцем и послушно повторял вслух заговор, что шептал ему на ухо чародей:

– Из-за гор высоких, из-за боров густых, из-под черных камней текла вода быстрая, текла вода чистая, через перекаты да омуты, через плесы да излучины. Текла вода быстрая, текла вода чистая, да и смыла гребень частый у красы первой. Унесла за горы высокие, за бора густые, да под черные камни! Я, добрый молодец Ченосик, черный камень перевернул, гребень частый поднял. Ищу ныне красу первую, обликом статную, лицом белую, косами длинную. Приходи ко мне за гребнем частым, краса первая из омута глубокого! Я тебя, красу, радостью привечу, ласкою встречу, спать тепло уложу, гребнем твоим награжу. Плыви, слово мое, по реке быстрой, донеси весточку важную до красы первой…

Андрей ударил паренька под локоть, и кора упала в воду, радостно устремившись на закат.

– Что теперь? – шепотом спросил паренек.

– Теперь баиньки, – так же шепотом ответил Андрей. – Вдруг они прямо сразу сбегаться начнут?

– И что будет?

– Да говорю же, хорошо все будет, – повысил голос колдун. – Выберешь из всех явившихся ту, что понравится, и отдашь гребень ей. Она спросит, чем тебя отблагодарить, ты спроси, где тут брод. Она ответит, и все, свободен!

– Чего же ты тогда сам сего не сделаешь?

– Я, дружище, дал обет любви и верности, – погладил его по плечам Андрей. – Мне нельзя.

– Чего?

– Того самого! – покрутил пальцем у виска студент-медик. –

Ты думаешь, одинокие девки так просто разойдутся, когда парня симпатичного найдут? Гребешок заберут и ручкою помашут? Ты, главное, никого из них ругать не вздумай. Разозлятся, сожрут. И не хвали особо, потом не отвяжешься. Просто добрыми словами обходись. Стоп! – насторожился Андрей. – Вот и первый плеск. Ну, увидимся. Удачи, дружище!

Колдун похлопал паренька по плечу и скользнул за слабо тлеющее кострище, шустро закатался в кошму, затих, следя за происходящим в щелочку меж войлочными полотнищами.

Между тем воды расступились, и на берег вышла русалка. Широкобедрая, длинноногая, пышногрудая и длинноволосая, на голову выше Ченосика. И само собой – совершенно обнаженная. Подступила, подняла подбородок паренька пальцами, заглянула в глаза:

– Это ты нашел мой гребень, добрый молодец?

Тут бы юный лесовик и сдался, но рядом вдруг оказалась заметно более стройная девушка, чуть ниже паренька и с чудесными шелковистыми волосами слабого синеватого оттенка. Положила ладонь ему на плечо и нежным голосом проворковала:

– Это мой гребень…

– Нет мой! – выпустила река еще одну юную красавицу.

– Мой, мой! – Число русалок, наседающих на Ченосика, достигло пяти, и все они активно напирали на растерявшегося бедолагу. – Чей он, добрый молодец?! Чей он, говори!

– Твой! – выдохнул паренек, протягивая расческу самой первой, крупной русалке.

– А мы чем тебе не по нраву? А мы чем нехороши?! – накинулись на лесовика остальные девушки. – Некрасивы? Неудачны? Вонючи?

– Вы сказочно хороши! – поспешил оправдаться Ченосик. – Диво дивное, чудо чудное! Будь у меня больше гребешков, каждой бы подарил!

– А ты поищи, поищи, поищи… – Бледные руки русалок заскользили по растерявшемуся пареньку, по его лицу, шее, по жилетке и под нею, да так настойчиво, что безрукавка полетела на траву, а следом туда же сползли и штаны. Шаловливые пальчики бесстыжих речных девок попадали уже в такие места, что у Ченосика округлились глаза, а дыхание стало частым и мелким. – Разве мы не хороши? Разве нашим волосам гребни не нужны? Разве тебе не хочется радость нам доставить и от нас наслаждение получить?

Андрей затаил дыхание. Согласиться с русалкой в такой миг – это все равно, что «да» перед алтарем сказать. Она станет твоей навеки. И тебя самого таким же сочтет. Просить можно все,

что угодно, – но только не ее саму! Ченосик же, похоже, под ласками множества девичьих рук совершенно потерял память. Все указания чародея вылетели у него из головы.

Паренька спасла его избранница. Налюбовавшись подарком, она решительно раздвинула подруг и села на уже опрокинутого и распластанного лесовика. Тот лишь жалобно застонал, поджал нижнюю губу, приподнял голову. Русалка слабо покачивалась, Ченосик слабо выдыхал, прочие речные девки, вытянувшись рядом, гладили его тело, лицо, играли с губами.

– Чего ты желаешь за гребень мой в благодарность получить, добрый молодец? – наклонившись вперед, томно спросила русалка.

Паренек мелкими порциями набрал воздух и выдохнул:

– Скажи, где брод через реку?

– Пустое! – отмахнулась могучая девица. – Прямо тут отмель посередь русла тянется. Отсель до нее неглубоко можно добрести, а полста шагов выше по мелководью на ту сторону выйти. Ты сказывай, чего на самом деле, всей душой желаешь!

– Гребень… Тебе подарить…

Русалки гнусненько захихикали, что-то вытворяя, и юный лесовик мотнул головой, мелко застонал, попытался выгнуться – но его могучая избранница этого не позволила.

– Ради чего? – опять спросила она.

– Ради брода…

– Ты подумай, добрый молодец. Ты теряешь. Ты многое теряешь… – Русалки заставили Ченосика сделать еще одну попытку выгнуться. Паренек задрожал и тут же обмяк.

«Молодец, вспомнил, – похвалил юного лесовика колдун. – Теперь не пропадет».

Он широко зевнул и забрался глубже под кошму.

Ночь длинна. Хоть кому-нибудь в ней надобно и поспать.

* * *

На рассвете Ченосик походил на потерянную под дождем газету: такой же голый, бесформенный и размякший. Андрей присел рядом, шепотом спросил, осматривая реку:

– Ты им ничего не обещал?

Паренек слабо покачал головой.

– И не просил? Ну, тогда все в порядке. – Колдун похлопал его по плечу. – Потоскуют и забудут. Поднимайся, надо ноги уносить. Застанут дважды, так просто не отделаешься.

С бродом русалка, само собой, не обманула. Андрей,

раздевшись, сперва прошел этим зигзагом сам, потом провел лошадей, и путники двинулись дальше на север, слегка отклоняясь на восток – к попутной протоке. Когда за кустарником блеснула вода, Ченосик вдруг спросил:

– Тебе больше ничего у русалок узнать не нужно?

– Заговор на вызов русалок помнишь? – пристально посмотрел на него колдун. – Так вот – забудь! Увлечешься речными девками, потеряешь всех нормальных. Коли нежить эта к себе интерес почует, то все, никого к тебе и вовсе не подпустит. Либо видениями отпугивать станет, либо просто топить. Нежить простых баб, может, и слаще. Да токмо они ни одеваться, ни готовить, ни хозяйство, ни себя вести не умеют. Жизнь, она ведь одними ласками ночными не заканчивается. Ты от этих ласк в петлю вскоре полезешь.

– Угу. – Судя по задумчивому виду, паренек пропустил всю нотацию мимо ушей.

Андрей махнул рукой и отвернулся. Его дело предупредить. А там Ченосик пусть сам решает. Его жизнь, его выбор.

Степь между тем постепенно менялась. То тут, то там стали появляться рощицы лип и ясеней, березнячки – поначалу совсем небольшие, сотню шагов в диаметре, но потом все более и более обширные. Песок в русле протоки исчез, берега стали глинистыми и топкими. Впрочем, сама речушка тоже все мельчала и мельчала, пока не исчезла совсем. Однако колдун надеялся вскоре найти новый источник. Уже где-где, а в северных лесах проблем с родниками никогда не было.

Однако отдельные рощи как-то неожиданно вдруг сошлись в сплошную лиственную стену, и Андрей со вздохом спешился.

– Ну вот и накатались… – Он расседлал лошадей, скинул вьюки с их спин, каждую по очереди поцеловал в морду и отослал прочь: – Все, милые, свобода! Прощайте!

Ченосик окинул кучу вещей жалобным взглядом и спросил:

– А как же мы все это понесем?

– Никак, – развел руками колдун. – Выбирай, без чего обойтись не можешь, и пойдем. Я себе кошму скатаю, мне на ней спать понравилось, поясную сумку одну заберу с барахлом и… и топорик. Может, это не такая уж и дрянь, как про них рассказывают. А ты?

Ченосик не смог отказаться от котелка. Хотя, как ни печально, их запас сушеного мяса подошел к концу и варить в нем все равно стало нечего.

– Может, еще вернемся? – попрощался лесовик с награбленным добром, тяжко вздохнул и побрел вслед за товарищем.

* * *

Первые метров двести лес выглядел опрятно и цивилизованно: стоящие чуть в отдалении одно от другого деревья, приятный полумрак, шелковистая травка, пахнущая заморским цветочным чаем, шуршащие в подстилке жуки и мыши, чирикающие в кронах пичуги. Но вскоре обнаружилось лежащее поперек пути старое дерево. Потом еще одно. Потом подобный валежник из старых, местами уже трухлявых стволов лежал уже сплошняком, а дальше стали попадаться древние березы и липы, наваленные вторым слоем, а вскоре уже и третьим, причем гнилыми нередко оказывались деревья второго слоя, а то и верхнего – превращая завалы в натуральный лабиринт, в котором не знаешь, куда можно ступать и где проще пробираться.

Андрей мужественно пробивался вперед завал за завалом, пока Ченосик не выдержал:

– Да не сюда, Еундрей, не там! Понизу надобно и вдоль…

Паренек вышел вперед, поднырнул под толстый растрескавшийся вяз, перегородивший путь корявыми ветвями, свернул вдоль трехохватной березы, у комля прополз через лаз, образовавшийся на месте чего-то вконец трухлявого и рассыпавшегося, опять повернул, прошел между стволами, повернул, перекатился через ствол с оползшей корой, тут же поднырнул под следующий – каким-то шестым чувством догадываясь, где можно искать лазы, где проходы, а где перевалы.

– Одно слово, лесовик, – буркнул колдун, следуя за своим молодым товарищем.

Движение резко ускорилось. Путники стремительно приближались… неведомо к чему. Во всяком случае, Андрей даже примерно не представлял, где они находятся.

В лесу!

Вот и все, что он мог сказать.

Но хуже того – колдун совершенно не мог сообразить, куда ему нужно попасть.

Искать неведомого двойника, не оставившего никаких подсказок? Так ведь мир огромен, а население здешнее не особенно дружелюбно к чужакам. Мяукнуть не успеешь, как будешь ограблен до голого состояния. И хорошо, если просто ограблен, а не в рабстве у каких-нибудь негодяев.

Вернуться домой, покаяться перед Катей, что ничего не добился? Что здешние боги, мягко говоря, совершенно не желают с ним разговаривать, не то что учить, а открывшийся талант управлять животными в техногенном мире будущего будет

полезен разве что в цирке – дрессировщиком выступать.

– В этом мире у меня нашлась только одна наставница, – прошептал себе под нос Андрей. – Да и та нежить болотная. Смешно.

Впрочем, московскую болотницу он вспоминал с теплом. В отличие от сального Квасура, которого очень хотелось приветить из пулемета. Равно как змееногую Табити.

В принципе протащить пулемет в этот мир, конечно, можно. Больше двух-трех магазинов унести с собой не получится, но на пару богов этого наверняка хватит. Вот только… Вот только Большой алтарь находится возле владений толстомясого Квасура, наверняка желающего гостя из будущего поймать и наказать. Получится или нет просочиться через земли этого бога незамеченным? Поди угадай!

– Куда ни кинь, всюду клин! – вздохнул колдун. – Рискнуть с алтарем или попытаться найти двойника? Если создатель тени великий маг, то Квасура должен одолеть.

Ближе к вечеру путники набрели на ручей. Лошадей с ними больше не было, так что нужды в долгом водопое они не испытывали. Спешить, так получается, тоже некуда, и Андрей махнул рукой:

– Привал, Ченосик! Здесь заночуем. Люблю отдыхать у воды.

– Да, когда глотки считать не надобно, оно всегда лучше, – с готовностью сбросил скатку паренек. – Интересно, а в ручьях русалки водятся?

– И говорить об этом не желаю! – предупреждающе вскинул палец колдун. – Забудь!

– Э-эх, – смиренно вздохнул Ченосик и спросил: – Чего есть будем? Грибы еще не пошли, ягоды зеленые. Рыбы в сей луже нет. И это… Мешки пустые.

– Не напоминай мне о грибах!!! – замотал головой Андрей. – Чтобы я больше и слова такого не слышал!

– Да ничего, ничего, Еундрей! – испугался паренек. – Все равно еще не сезон. Но токмо жрать-то жуть до чего охота!

– Ладно, сейчас будет, – пообещал чародей. – Нож приготовь…

Он прикрыл глаза, перебирая сияющие вокруг огоньки живых существ. Выбрал один небольшой и спокойный, накрыл его сознание краешком души и потянул, потянул, заставляя ступать в нужном направлении. Ближе, ближе…

Лесовик шумно метнулся вперед, мелькнул в воздухе топорик – и коричневая с белыми пятнышками лань упала с расколотым черепом, мелко затрясла ногами и затихла.

– Я ее взял!!! – радостно закричал паренек.

– Отойди! – потребовал колдун, опустился на колени рядом с доверившимся его воле существом, погладил упругий бок, покрытый жесткой короткой шерстью. – Прости меня, малышка. Не баловства ради я такую подлость совершил, а голодом припекло. Так уж этот мир сотворен, что ради продления своей жизни нам постоянно чужие забирать приходится. Ты ешь траву, я ем тебя, мной самим тоже когда-нибудь черви земные откушают. Прости, не хотел я сего делать, но пришлось…

Андрей никогда не думал, что когда-нибудь, подобно первобытным дикарям, будет просить прощения у зверя убитого. Но если жертва полностью находится в твоей власти, а ты жестоко пользуешься этой беззащитностью… Совесть не желает прощать подобные поступки просто так.

– Прости… – Молодой чародей поднялся.

– Прости, милая, – последовал его примеру паренек. – Сегодня мы тебя, завтра кто-то нас самих. Не держи зла, не мы придумали этот мир таким кровавым.

Лесовик взялся за осколок кремня и принялся деловито подрезать шкуру еще теплой лани.

Колдун оставил его работать, а сам отправился собирать валежник. В сумерках, в свете костра, путники насладились сочным жареным мясом, наконец-то утолившим приступы совести в душе Андрея. Вдобавок Ченосик сделал из шкуры бурдюк для воды – объемом примерно на два котелка.

Студент-медик отнесся с подозрением к идее наливать питьевую воду в грязную, недавно освежеванную шкуру. Но потом решил, что если перед употреблением кипятить – большой беды не случится.

На сытый желудок в голове пришельца из будущего наконец-то сложился внятный план действий. Даже два. Либо последовать совету Биклыка и податься в варяги – но не ограничиваться поездками по Европе, а устроить походы в дальние края. Глядишь, где-нибудь на африканском побережье али в сказочной Индии кто-то и слышал о великом маге по имени Андрей.

Однако для этого нужно было пробраться на самый север – варяжским «попуткам» колдун как-то особо не доверял. И хорошо бы еще, чтобы сам Биклык с реки Канды был жив-здоров и не очень стар. Ведь кто его знает, сколько времени змееногая дура его статуей продержала? Год, два, десять, сто лет?

Спрашивать бесполезно, вести счет годам в этом мире еще не догадались.

Другой план выглядел проще: овладеть сознанием крупной птицы и облететь планету в ее облике. Для выполнения оного вполне хватило бы просто надежного убежища с запасом пищи и

воды – чтобы затаиться там на несколько месяцев и никто не тревожил.

Недостаток второго плана лежал на поверхности: птица не сможет задавать вопросы. Так что придется надеяться на удачу: на то, что в нужном месте получится что-то заметить или услышать. В конце концов, великий колдун должен оставить в этом мире хоть какой-то заметный след!

Месть Квасуру и прародительнице скифов Андрей отложил на потом. Либо ему поможет свести с ними счеты найденный им двойник, либо…

Либо – пулемет.

У Ченосика на сытое брюхо тоже зародились какие-то мысли. Он расколол череп косули, выбрал две относительно ровные костяшки, оббил края, превратив в пластины примерно три на десять сантиметров, и принялся методично обтачивать вынутым из ручья камнем, закругляя края. Поделки напоминали заготовки сразу для двух расчесок. Планы у бритого паренька намечались далеко идущие.

С рассветом путники двинулись дальше на север, пробираясь через лесные дебри, перебираясь через реки по стволам, повалившимся с берега на берег, ночуя у чистых родников. Переходы слились в привычное однообразное действо, пока в один из дней Ченосик вдруг не остановился:

– Смотри, тропинка! – Он указал на прогалину среди подлеска, ничем не отличимую от сотен других похожих полянок.

– Где? – не понял колдун.

– Да вот же! – свернул в просвет паренек. – Это следы не звериные, людские.

Примерно через час пути через чащу просвет в чаще стал заметно шире и светлее, петляя между крупными стволами по относительно ровной поверхности, и Андрей признал: это действительно тропа.

Вскоре путники выбрались на расчищенный участок леса. Здесь почти не имелось валежника, не считая отдельных стволов, уже носящих следы топора – сухие деревья активно разделывались на дрова. Далеко впереди, на поляне между многовековых елей, стояла череда крупных шатров. Оттуда пахло дымом, дегтем, прогорклым жиром, смолой и наво-зом. Проще говоря – человеческим жильем.

– Дети барсука, – вытянув шею, сообщил Ченосик. – Это ведь барсучий хвост на бунчуке?

Андрей никаких бунчуков не видел и неуверенно пожал плечами. Единственное, что он мог сказать точно, так это то, что местные люди все поголовно носят обереги. Колдун ощущал свет

их жизней, но никак не мог просочиться ни в одно сознание.

– Хорошего дня славному роду барсука! – крикнул паренек. – Многих детей этому стойбищу и удачной охоты!

Лесовик немного выждал, приглядываясь, потом медленно вышел на открытое место, опять чуть-чуть постоял, не спеша двинулся вперед. Андрей, не зная местных обычаев, просто держался рядом.

На стойбище произошли быстрые изменения. Женщины и дети куда-то пропали, навстречу гостям вышло несколько мужчин, среди которых один очень слабо светился.

– Маленький местный бог? – предположил Андрей. – Даже Квасуру не ровня. А уж рядом с Табити ему лучше и вовсе не показываться.

Гости и хозяева встретились на полпути к шатрам, остановились.

Дети барсука были чуть небриты, отчего их головы походили на светлые кактусы: макушки, подбородки, щеки покрывала густая короткая щетина. Одежда выглядела обыденно для здешнего мира: кожаные куртки до бедер, штаны, сапоги. Украшалась только по-разному: у кого шли по груди полоски с бахромой, у кого складывались в руны белые костяные шарики, кто-то ограничился разноцветной вышивкой. Отличались мужчины и оружием: у двоих в петлях на поясе висели палицы, у одного – топор из гранита. Самый старший, лет под пятьдесят, в руке держал странную плоскую палку, по краям украшенную мелкими зубчиками из кремня и обсидиана.

Особняком стоял слабо светящийся старик. Он опирался на высокий посох с маленькой звериной черепушкой наверху, обвязанный разноцветными шнурами, вместо куртки и штанов носил длиннющий сыромятный балахон, опоясывался бечевой, обвешанной множеством мешочков, пахнущих травами и перцем, а на самом балахоне во множестве болтались волосяные косички с ленточками и деревянные резные цилиндрики.

«Шаман!» – всплыло в голове Андрея самое подходящее слово.

Паренек поклонился первым:

– Доброй вам охоты, трудолюбивые дети бобра, плодовитых жен, и да обходят ваши стойбища далеко стороной кровожадные дочери голодного демона! Меня зовут Ченосик, происхожу из рода росомахи. Мы с другом Еундреем сражались со скифами, отвоевали себе свободу и ныне возвращаемся домой. Просим оказать нам честь и принять в дар вот этот нож из нашей добычи. – Лесовик показал медный клинок, вложил его в ножны. – Мы просим о приюте и отдыхе! Не держите зла, коли

невольно потревожили дичь в ваших угодьях, и укажите нам путь к нашим кочевьям!

Мужчина с деревянным мечом посмотрел на шамана.

Тот величаво выступил вперед, обогнул гостей, пристукивая посохом, остановился перед Андреем.

– Кровь каких зверей течет в твоих жилах, шаман? – спросил он.

– Я чужак из дальних неведомых краев, – сразу признался колдун. – У меня нет дома в ваших лесах.

– Чужак, а землей нашей пахнешь, – усомнился шаман.

– Давно брожу, – пожал плечами Андрей.

– Оно видно… – Шаман отступил, кивнул мужчинам.

– Благодарим за щедрый дар, храбрые воины! – облегченно вздохнул старший из лесовиков. – Гость в дом, радость в дом! Проходите к нашим очагам, разделите нашу постель, вкусите нашей добычи. Мое имя Медвеух, это старшины кочевья Рурух и Чеког.

– Мы одолели долгий путь, Медвеух, и не знаем, куда вышли после кровавой битвы. – Ченосик передал подарок вождю. – Скажи, где мы находимся?

– Это восточный край земель рода барсука, – ответил мужчина. – До твоего дома отсюда очень далеко.

– Обалдеть, какая точность координат! – буркнул себе под нос Андрей. – Просто джипиэс-навигатор.

– Ты что-то сказал, чужак? – резво повернулся к нему шаман.

– Я спросил, как далеко находится Волга? Или река Итиль, как называют ее варяги?

– Если прямо сегодня пойдешь в том направлении, – указал посохом на могучую сосну шаман, – то ко времени созревания яблок попадешь на ее берег.

– Благодарю, мудрый человек, – кивнул Андрей. – Сперва я провожу своего друга.

– Можешь называть меня Иштымом, чужак. Мне очень жаль, что ты потерял свой истинный род.

– Поверь, Иштым, мне этого жаль еще больше.

* * *

Только в восточном стойбище лесовиков из рода трудолюбивого барсука Андрей узнал, зачем на самом деле людям нужны женщины. Если в мужской компании он знал только три блюда: еда сырая, печеная и жареная, то под меховыми покрывалами чумов гостю удалось отведать и оленину,

томленную с грибами и чесноком, и рыбу с морковью и луком среди кусочков камышового корня, и потрошки в лопухах с гвоздикой и горчицей, и… И много еще такого, от чего язык можно было проглотить вместе с угощением, а запах затмевал разум, выветривая все смыслы жизни, кроме чревоугодия.

Спали гости тоже мягко и тепло, благо само строение шатров дарило своим обитателям прохладу во время дневного зноя и тепло прохладной ночью. Эти сооружения вовсе не были однослойными, как привычные вигвамы кочующих охотников. Здешние жилища собирались рядом одно с другим, а затем перекрывались еще одним полотнищем так, чтобы дымовой клапан от каждого очага выходил наружу, а нижняя часть стены пряталась под общей крышей.

Между чумами в шатре хранились многие припасы, вещи, здесь играли дети. И конечно, это было прекрасной тепловой прослойкой между жилыми помещениями и погодой снаружи.

Выглядело сооружение разборным. Но если сей град из жердей и шкур перевозили с места на место – то очень редко.

Уходить из столь гостеприимного дома очень не хотелось – но на пятый день путники взяли себя в руки и двинулись дальше по данному шаманом невероятно точному адресу:

– Если ближе к востоку направление держать, то там, может статься, кто-то о землях росомахи что-то и ведает…

– Пойди туда, не знаю куда, – перевел его совет Андрей, когда они уже удалились от стойбища.

– Зато в этих местах уже безопасно, – безмятежно ответил Ченосик. – Наши земли, лесовиков. Рано или поздно и к моему стойбищу выйдем…

Похоже, произойдет это годом раньше, годом позже – его сильно не беспокоило.

– Если варяги не поймают, – не удержался от подколки колдун.

– Не-е, я теперича их далеко-о-о-о обходить стану. Как славян.

– А чего славяне? – навострил уши пришелец из будущего.

– Дык по рекам дома свои из бревен рубят, лосей на наволоках разводят, ковыряются там в земле. С одной стороны, в лес вроде особо не лезут. С другой – к рекам из-за них подходов удобных нет. Все позанимали. Без рек тоже того… Хоть и не чаща, ан неудобно. Коли что не по ихнему… Ну, лоси там под копье попадут, бортни наши они разорять повадятся, на ловах за места схлестнемся, так славяне сразу банды свои кличут на ладьях, – маловразумительно объяснил паренек. – Толпы большие, куда стойбищу супротив толпы устоять? Бежать приходится, бросать

все. А иной раз и до смерти убьют. Не, славян лучше стороной обходить, не тревожить. Это как гнездо осиное разворошить. И заденешь вроде легонько, ан опосля не возрадуешься.

– Гады, в общем, – кивнул колдун, вспоминая поротую спину. – Гнать их всех надобно. Гнать!

Однако, несмотря на такие разговоры, славянских деревень на своем пути Андрей и Ченосик не встретили ни разу. То ли тропы лесовиков враждебные места стороной огибали, то ли свободных земель между степью и Ледяным океаном было слишком много, чтобы случайно на одинокий дом наткнуться, но – обошлось.

Расслабившись, путники даже остановились как-то возле песчаной отмели – искупаться по жаркой погоде, пыль дорожную смыть. Дни стояли ясные, ночи теплые – как тут не размякнуть?

Наплескавшись и подкрепившись запеченной в углях рыбой, молодые люди даже не оделись перед сном… И в теплом звездном сумраке Андрея разбудило влажное прикосновение к груди. Он открыл глаза, увидел над собой тонко очерченное, словно из китайского фарфора, женское лицо. Светлые, с фиолетовым оттенком, волосы струились по обнаженному телу, а ногти вытягивались на тонкие плоские заточки.

– Хочешь, проклятие сниму? – прошептала холодная ночная гостья и опустила ладонь на серебряный с янтарем амулет. – Твой венец безбрачия.

– Я женат, красавица речная, – покачал головой колдун. – И супругу свою люблю больше жизни.

Русалка наклонилась, повела носом, покачала головой:

– Нет суженой твоей на свете сем. Порча сие, порча… Иссохнешь в одиночестве, шаман. Сгинет семя твое, в род не распустится. Порча твоя на извод. Хочешь, сниму? Хочешь, детьми одарю крепкими? Хочешь, хочешь… Тепло будет, уютно.

– Это не порча, чаровница милая. – Андрей накрыл ее ладони своими. – Разве ты тепла не чуешь? Это любовь!

– Я и сказываю, порча. – Пальцы русалки побежали по веревочке вверх. – Та, что меж тобой и девами зрелыми стоит. Давай отведу? Все ладушки твоими станут, ласкать-утешать будут. Порча на тебе, молодец. Томление нутряное, помыслы отравляющее, желания давящее. Освободись, молодец. – Она наклонилась так близко, что едва не касалась лицом его лица. – Откажись! В воле живи и радости. Дай сниму… Согласен?

– Тебе, наверное, холодно? – Колдун, помня, что злить русалок не стоит, провел ладонью по ее щеке.

– Согреешь?! – обрадовавшись, прильнула к нему обнаженная девушка.

– Вот токмо брата своего найду, – рискнул задать вопрос пришелец из будущего. – На меня собою похож, чародей могучий, Андрей именем. Слыхала о таком, прелестница?

Попытка была опасной. Если русалка способна выполнить желание – ей придется заплатить. Любимого ими подарка – гребешка – у колдуна не имелось. А иные желания речных дев случались зело радикальными…

Ночная гостья опять повела носом, поджала губы:

– Верно ли брат?

– Может, и сам я себя ищу, – подсказал молодой человек. – Второго меня знаешь?

– Найду, мой будешь? – резко наклонилась дева.

Все как всегда. Главной добычей водяной нежити были сухопутные мужчины.

– Найди! Половину отдам, – пообещал Андрей.

– Какую половину?

– Половину венцу безбрачия, половину тебе… – приподнялся на локтях чародей.

– Ты обещал… – тихо и протяжно, словно создавая мертвую воду, выдохнула русалка, поднялась и упятилась в реку, бесшумно растворившись в глубине.

Колдун резко присел на подстилке, осмотрелся.

Ченосика нигде поблизости не просматривалось, но ниже по течению слышались стоны и шорохи.

– Вот дубина стоеросовая! – сплюнул Андрей. – Ведь предупреждал! Сам ведь в итоге на русалке женится, да еще и меня под монастырь подведет!

Однако вмешиваться в русалье развлечение еще опаснее, нежели давать им двусмысленные клятвы. И потому колдун упал обратно на кошму и старательно в нее закатался, дабы снова не попасться на глаза какой-нибудь речной гостье.

На рассвете Ченосик лежал рядом, делая вид, что так всю ночь и проспал. Однако выглядел… как больной пенсионер после недельного запоя. Так что читать ему нотации Андрей не стал. Только постучал многозначительно согнутым пальцем по лбу и закинул на плечо туго скатанную кошму:

– Поднимайся, пошли.

К вечеру путники выбрались на стойбище потомков рыси. Здесь им посоветовали идти не восточнее, а западнее. Андрей и лесовик послушались – и спустя семь дней попали опять к барсукам, но на северные окраины их земель. Оттуда забрели к оленям, от оленей к рысям. Про росомах не слышал никто и нигде, и поэтому советы по дальнейшему поиску путники слышали самые разные. Вплоть до возвращения обратно на юг.

Радовало одно: лесовики словно соревновались в гостеприимстве, и каждая остановка превращалась для молодых странников в маленький праздник. К тому же чем дальше от скифов, тем менее подозрительны становились обитатели чащоб. Они теперь не просто пускали гостей к очагу, но и устраивали для них пирушки, с интересом расспрашивали о приключениях, дальних путешествиях, заморских краях и народах, о великих битвах, размах которых в устах Ченосика становился все шире, а подвиги паренька все величественнее.

Люди сомневались, качали головами. Вроде бы и привирает мальчонка – однако же трофейные топорики, ножи и прочее снаряжение наглядно доказывали обратное.

Вкусившие славы, привыкшие к почестям, путники не поверили своим ушам, когда от очередного стойбища их вдруг завернули прочь.

– Ступайте отсель скорее! – махнула на гостей рукой вышедшая далеко навстречу пожилая женщина в странной накидке из гнилой циновки.

– Почему?! – возмутился Ченосик, выпячивая грудь.

– Уходите, – повторила лесовичка, чуть выждала и устало объяснила: – К нам забралась дочь голодного демона.

– Прости, сестра, я в диких краях совсем позабыл про родные обычаи. – Паренек словно врезался в невидимую стену, качнувшись и тут же повернув в обратную сторону: – Пойдем скорее отсюда, Еундрей! Видишь, тут одеты в гнилую солому?

– Да черт тебя побери! – не выдержал колдун. – Ты можешь мне наконец объяснить, что еще за дочери, что за демоны и при чем тут гнилая камышовая циновка?

– Пойдем, пойдем, по дороге расскажу, – потянул его за пояс лесовик.

– Ну, давай, – повернул обратно по тропинке Андрей.

– Все знают, что когда-то, давно, этого мира не было, – опасливо оглядываясь через плечо, начал повествование паренек. – Ни земли, ни воды, ни дня, ни ночи. Токмо небеса и на них священные духи. И вот однажды скучно стало могучему духу Ерухею. Со скуки сотворил он белую невинную евражку, да и покрыл ее много-много раз. От семени того появились звери белые. Березы, зайцы, песцы, лебеди, люди и прочие разные существа. Увидели это другие духи и тоже покрыли евражку, и родила она так много всего-всего, что тесно стало на небесах высоких, не протолкнуться. Тогда духи решили создать для детей своих отдельный мир и сотворили воду и землю, солнце и луну, и все-все-все, а затем выпустили детей на землю. Так от каждого духа на земле остался свой зверь, а от каждого зверя родился

свой человек. Вот!

– И при чем тут дочери демона?

– А-а, забыл! – спохватился паренек. – Когда отпускали духи детей своих на землю, то каждый на прощание одарил их каким-то даром. Храбростью, честностью, находчивостью, мудростью… А один дух мерзкий очень был, подлый. Он взял да и подарил всем живым существам чувство голода. И все стали очень-очень голодными и стали все друг друга пожирать неустанно. Увидели такое безобразие духи, кинулись на землю и собрали у всех этот голод, сколько могли, и обратно в духа подлого запихали. И стал он из небесного духа жутко-жутко голодным демоном. А чтобы он никому больше не навредил, заточили духи демона под землю, в темный нижний мир, выбраться откуда он не сможет никогда, покуда существует весь этот мир. Но, как духи ни старались, весь голод они собрать не смогли, по всей земле его еще много осталось, и поэтому все мы время от времени хотим есть. У кого больше осталось голода, тот чаще, у кого меньше, тот…

– А дочери? – перебил лесовика Андрей.

– А-а… Так в нижнем мире голодный демон родил от земли семь дочерей. Они выбрались к нам и теперь собирают пищу для своего отца, – пригладил бритую голову Ченосик. – Они ходят по лесам и болотам с бурдюками жуткого смертного яда и отравляют воду, пищу, ветки и щепки, когти и клыки. Вообще все, что на глаза попадется. Коли человек отравленное что-то съест или выпьет или о клык, шип, ветку обдерется, то гнить заживо начинает, его в жар бросает, в беспамятство. После смерти сего несчастного забирают дочери голодного демона и утаскивают на корм своему отцу. Вот… Коли в стойбище случается такая беда, то все люди закутываются в гнилые циновки. Пытаются обмануть дочерей демона. Они могут перепутать здоровых лесовиков с отравленным и прозевать момент смерти. Тогда больной уйдет на небеса, к предкам, к родителям, к любящим духам. Демон пусть сидит голодным, он сам виноват. Ну, и это… Если ты видишь в стойбище кого-то в грязной гнилой одежде, то лучше не заходить. Вдруг дочка демона увяжется за тобой? Отравит или поцарапает.

– Ты хочешь сказать, в деревне эпидемия? – остановился студент-медик.

– Там дочь демона, Еундрей!

– Вот проклятье! – Андрей развернулся и пошел обратно.

Возможно, он был недоучкой. Возможно, у него не было с собой никаких лекарств и инструментов. Но он был врачом! Причем единственным во всем этом перевернутом мире. Он не имел права бросить больных без помощи. Просто не мог, и все!

– Еундрей, ты куда?! – Паренек, то останавливаясь, то

догоняя, потрусил следом.

Стойбище выглядело пустынным. Ни детей, ни занятых хозяйством женщин. В одном из чумов мерно звучали гулкие удары. Колдун направился туда, откинул полог.

Здешний шаман, волосатый и в длинном балахоне, замер, занеся колотушку над бубном. Из-под стены оскалилась какая-то темная девка с белыми глазами, большим ртом, похожими на шипы зубами, провалившимся, почти плоским носом и в засаленной овчине.

– Это еще кто? – вздрогнул Андрей.

– Ты ее видишь? – удивился шаман и ударил в бубен: – Убирайся, дочь голодного демона! Проваливай прочь!

Возле очага, в окружении нескольких женщин, скулила, скрючившись, девушка. Даже девочка – лет четырнадцать, не больше. По лицу ее катился пот, изо рта капали слюни, из глаз непрерывно струились слезы. Похоже, ей было совсем плохо.

– Пустите! – раздвинул женщин студент-медик, положил ладонь на лоб, пощупал пульс, принюхался. Мотнул головой, провел ладонью вдоль тела вниз. Замер, ощутив горячее место. Несколько раз опустил растопыренные пальцы, точно определяя точку воспаления. – Вот проклятье, аппендицит!

Самое простое и самое смертоносное заболевание в медицинском справочнике. Если правильно и вовремя удалить, пациента можно через неделю выписывать домой. Если промешкать – перитонит и смерть. Причем смерть долгая и очень мучительная…

Судя по тому, что дочь голодного демона уже сидела здесь, осталось совсем немного. Нежить явилась за добычей.

– Да чтоб его!!! – скрипнул зубами Андрей. – У меня ведь даже практики ни разу не было, только теория. И сразу экзамен!

Женщины посмотрели на него с надеждой. Похоже, приняли его слова за какое-то заклинание.

– Ченосик! – закричал колдун. – Иди сюда!

– Там дочка демона!

– Плевать, она не страшная.

Темная девка вскочила, злобно зашипела. Но Андрей, не менее злой из-за сложившихся обстоятельств, вскинул руку в ее сторону, и незваная гостья забилась обратно под край стены.

– Чего? – приподнял полог паренек.

– Ты свой осколок, которым бреешься, еще не выбросил?

– Нет… – мотнул головой лесовик.

– Хорошо… – Андрей открыл его сумку, стал ковыряться в вещах. – Ага… Игла, лезвие… Оставь котелок и сделай мне быстро тонкую крапивную нить.

– У меня есть…

– Мне не надо старую, грязную и засаленную. Нужна новая. Шевелись! – колдун огляделся. – Кто-нибудь, наберите полкотелка воды и поставьте кипятиться. Девочку разденьте и вынесите наружу, тут слишком темно. Все амулеты долой! Там же приготовьте чистой воды.

Женщины переглянулись.

– Делайте, делайте! – внезапно и гулко ударил бубен. – Разве вы не видите, небесные духи привели к нам великого шамана!

Чум как-то весь сразу наполнился движением. Андрей с облегчением спросил:

– Где родник? Мне нужно помыть руки.

Колдун долго и тщательно оттирал руки по локоть чистым речным песком, затем вернулся в стойбище. Здесь все уже было готово: котелок кипел на огне, обнаженная девочка стонала на шкурах посреди усыпанной васильками солнечной прогалины. Рядом стоял кувшин. Андрей взял у Ченосика скрученную нить, бросил в кипяток. Туда же отправил осколок кремня. Вынул из сумки медную иглу, согнул, несмотря на испуганный возглас паренька, отправил следом. Подцепил палочкой котелок, отнес на поляну. Опустился рядом с девочкой на колени, накрыл ладонью лоб, вытягивая остатки ее сил и воли.

Больная потеряла сознание и затихла.

Студент-медик, как мог, промыл пациентке живот. Затем наклонил котелок, сливая кипяток на землю. Заглянул внутрь.

Стерильная нить, стерильная игла, стерильный скальпель. Что еще?

Андрей поднял руки, с задумчивостью осмотрел.

При всем желании он не мог сунуть их в кипяток для обеззараживания! Как не мог ошпарить живот больной.

«Проклятье! – закрыл студент-медик глаза. – Я колдун! Я всесильный маг! Я повелитель всего живого! Так разве я не смогу избавить свои руки от жалких мелких микробов!»

Чародей вскинул ладони перед собой, наклонил голову, направляя на них всю свою волю, все доступное могущество, и вдруг услышал изумленный шепот женщин:

– Они горят! Смотрите, у шамана горят руки!

В этот миг к нему и пришло спокойствие. Колдун опустил ладони, очистил их светом поле для операции, чуть надавил, разгоняя кровь под кожей подальше в стороны, взял кремниевый скальпель, сделал разрез, раздвинул мышцы пресса, проник в брюшную полость, нашел место схождения трех мышечных лент, отсек воспаленный отросток, отбросил, наложил кисетный шов на кишечник, свел мышцы, кожу, наложил череду стежков и поднял

руки:

– Есть! Где шаман? Не подпускайте сюда темную тварь. Работа вышла грубая, она может затеять воспаление. Сделайте для девочки полог, но не уносите. В чуме слишком грязно. Да и швы еще могут разойтись.

Он уловил за спиной слабое движение, повернулся и вскинул руку, отбрасывая засаленную девку с зубами-иглами. Рядом торопливо застучал бубен, но дочь голодного демона не желала обращать на шамана никакого внимания. Она опасалась только Андрея, но нахраписто пыталась пролезть к жертве мимо него. Обходила слева, справа. Стремглав обегала кругом, пыталась напрыгнуть с разбега, подползала по траве…

Нежить успокоилась только после нескольких жестких пинков – но все равно продолжала сидеть рядом, время от времени перебегая с места на место и недовольно рыча.

Противостояние длилось остаток дня и всю ночь. На рассвете, окрасившем лес и поляну радужными капельками росы, девочка открыла глаза, приподнялась и попросила:

– Мама, дай покушать. Очень хочется!

Жара у нее не ощущалось совершенно точно. Боль, похоже, тоже ушла.

Дочь демона широко распахнула пасть, утробно зашипела с хорошо ощутимой ненавистью, клацнула зубами и уползла в чащу. Надежду затеять хоть какое-то новое воспаление нежить окончательно потеряла. Не осталось для нее никаких отравленных зацепок ни внутри тела, ни снаружи. Операция закончилась чисто.

Как положено лечащему хирургу, Андрей наблюдал за больной четверо суток, утром и вечером проверяя шов и температуру, оглаживая розовый животик девочки и прислушиваясь к тому, что происходило внутри. Но заживление прошло спокойно, и вечером четвертого дня колдун, аккуратно надрезав крапивные нити, снял швы.

– Вот и все, красавица, – отбросил он бурые обрезки. – Можешь петь песни и веселиться. Голодный демон перетопчется. Ему положено быть голодным.

– Благодарю тебя, великий шаман, победитель злых дочерей! – Девочка попыталась поцеловать его руку.

– Для того шаманы и нужны, чтобы нежити жизнь медом не казалась, – усмехнулся довольный собой колдун. – Все, малышка, гуляй!

К сумеркам заморосил дождь, стало зябко, и в чуме гостей хозяйка перед сном развела огонь. От костра в очаге сразу разлился жар. Размякший от тепла, Андрей провалился в сон

сразу, едва растянулся на оленьих шкурах, и когда теплая рука заскользила у него по груди, забравшись под куртку, он уже почти выспался и потому сразу открыл глаза.

В очаге лежали куски толстенных бревен, не горящих, а медленно распадающихся на угли, алый свет которых заполнял жилище горячим полумраком. Сидящая рядом обнаженная девочка казалась в нем пунцовой, словно первомайская гвоздика. Длинные черные волосы падали на плечи, багровые груди остро выпирали, словно весенний папоротник из лесной подстилки, по ее покатым бедрам бегали красные тени. Гостья уже задрала его куртку и теперь распускала завязки штанов.

– Что ты делаешь? – негромко спросил Андрей.

– Мама сказала, ты вернул мне жизнь, – тихо ответила девочка. – Теперь я принадлежу тебе, моя жизнь твоя, моя судьба твоя, мое тело твое. Я пришла стать твоей.

– Ты принадлежишь только себе, дочь оленей, – отвел ее руку колдун. – Спасать жизни – это мой долг. Таким меня сотворила судьба. Мне не нужны никакие жертвы.

– Я тебе не нравлюсь? – обиженно выпятила губы девочка.

– При чем тут это? – пожал плечами Андрей. – Просто я люблю другую.

– Ну и что? – не поняла обнаженная гостья.

– Трудно объяснить на словах, – вздохнул молодой чародей. – Когда-нибудь в твоей жизни настанет час, и ты встретишь человека, который займет все твои мысли, от которого ты не сможешь оторвать взгляд, о прикосновении которого ты будешь мечтать, разлука с которым будет доставлять тебе мучительную боль. И тебе не нужен будет никто другой. Вот тогда ты поймешь, что значат мои слова. Я уже встретил самую лучшую женщину этой вселенной. Мне не нужен никто, кроме нее, как ей не нужен никто, кроме меня. Мы часть друг друга, милая, и потому всегда будем верны друг другу.

– Вот ты, значит, какой, великий шаман… – покачала головой малышка. – У тебя великая сила, великая власть, и любовь твоя тоже такая… Великая. Любимый кем-то шаман. Любый…

В голосе девочки не было обиды. В нем появилась зависть.

– Я всегда буду помнить тебя, Любый шаман. – Ее ладони опять скользнули по груди Андрея. – Я всегда буду тебе благодарна. Подари мне такую же любовь, Любый шаман, хорошо? Ты ведь можешь?

– Ты ее найдешь, – пообещал Андрей.

Теплые ладошки опять скользнули по груди, по животу – но это был жест прощания. Девочка поднялась и ушла.

* * *

С рассветом сразу после завтрака колдун и Ченосик собрали свои скромные пожитки, опоясались сумками с ножами, кинули через плечо скрутки с походной кошмой, вышли из-под тени шатров.

– Я пойду с вами, – заявил поджидающий снаружи местный длинноволосый шаман.

Собираясь в поход, он сменил балахон на малицу – свободный меховой комбинезон с большим запахом на груди. Одежду украшали пришитые в беспорядке хвосты всякого зверья – лисьи, горностаевы, волчьи, беличьи, сусличьи; с пояса свисало несколько бараньих и козьих рогов, расписанных мелкими рисунками зверей и птиц, и одинокий нож. Опирался пожилой – лет пятидесяти – мужчина на посох, увешанный кисточками из звериного меха и покрытый рунами.

– Зачем? – вырвалось у Андрея.

– Я стану помогать тебе, великий шаман, побеждающий дочерей голодного демона. Желаю закончить свои годы с пользой, а не сидючи обузой родному стойбищу. Когда я ослабну, Любый шаман, я уйду в чащу и унесу с собой твои тайны.

– Ты питаешь напрасные надежды, шаман, – покачал головой колдун. – Я не стремлюсь приносить пользу. Я просто ищу дорогу домой. Это исцеление было случайностью.

– Да будет благословен тот, кто творит такие случайности! – вскинул посох шаман. – Не беспокойся, Любый шаман, я стану при тебе незаметной тенью, появляясь лишь тогда, когда смогу принести пользу. Наша судьба состоит из случайностей, и каждая из них станет для меня наградой за прежнюю никчемную жизнь.

– А как же твое стойбище? Твой род? – развел руками колдун.

– Мой сын получил от небесных духов шаманский дар куда сильнее моего. Ныне он увел охотников, детей и молодых женщин на дальнее кочевье, прочь от дочери голодного демона. Вернувшись, он займет мое место. Уступить свой род более достойному хранителю – первый из моих подарков моему народу. Это принесет пользу всем. Даже мне. Ведь я окончу годы рядом с величайшим из шаманов!

– Боюсь, ты будешь разочарован, шаман, – вздохнул Андрей. – И моим величием, и пользой от моих похождений.

– Не беспокойся обо мне, Любый! Я лишь тень, что скользит рядом с тобою.

«Любый»! Студент-медик догадывался, откуда взялось это прозвище. Но правильного имени решил не называть. Постоянное «Еундрей» из уст Ченосика осточертело Андрею хуже горькой

редьки, и молодому чародею не хотелось, чтобы новый знакомый исковеркал непривычное для слуха лесовиков имя еще каким-нибудь образом.

– Как тебя зовут, шаман?

– Велихост, Любый!

Мысленно Андрей уже смирился с новым попутчиком. В нынешних обстоятельствах – лишнего места еще один лесовик занимать не станет, голод с его способностями компании не грозит, а вот пользы от взрослого мужчины, к тому же опытного шамана, может быть куда больше, чем от безусого мальчонки.

– Тогда скажи мне, Велихост, как нам найти земли потомков росомахи?

– Нужно идти к Каме, Любый. Туда часто приплывают варяги, выменивая соль на мед и топоры. От них можно узнать много интересного.

– Варяги опасные собеседники, – поморщился колдун.

– Но тамошние стойбища, Любый, ведущие с ними торг, могли услышать от них то, что тебе нужно.

– Хорошо, – кивнул Андрей. – Тогда веди нас, Велихост.

Шаман зашагал на север, выбрав левую из тропинок, убегающих от стойбища.

Поначалу дорога была ровной, и идти было легко и просто. К вечеру появились первые завалившиеся поперек пути деревья, намекая на грядущие препятствия. Однако тут очень вовремя путникам встретился ручеек, и они встали на ночлег. Развели костер, расстелили подстилки. Поужинали. В этот блаженный момент и послышался торопливый топот. К огню выбежал мальчишка лет десяти или чуть старше и рухнул на траву, вытянувшись во весь рост. Перевернулся на спину и выдавил, тяжело дыша:

– Ты… Любый… Шаман?

– Это он, – указал на Андрея Велихост.

– У нас… дома… дочь… голодного демона!

* * *

Вождь стойбища рода рыси выглядел лет на сорок с небольшим и носил вопреки местным обычаям окладистую русую бороду; был в меру тучен и изрядно плечист. Что, впрочем, в этом мире не вызывало ни удивления, ни восхищения. Все мужики такие.

Вождь сцепился с медведем и получил когтем глубокую рваную рану чуть выше левого колена. Теперь кожа вокруг раны

почернела, пахла тухлыми яйцами, а сам храбрец мучился от жара. Но пребывал в сознании. Причем обладал даром и видел сидящую напротив, у стенки шатра, тощую патлатую девицу с зубами-иголками, укутанную в сальную овчину. Кожа незваной гостьи имела цвет трухлявой древесины, глаза же цвета не имели, выделяясь из темноты блеклыми пятнами.

– Откуда ты услышал про меня, вождь? – поинтересовался Андрей, осматривая рану. – Вроде ни телефонов у вас еще не изобрели, ни инета, ни телевизора.

– Кто же не знает про шамана, прогнавшего дочь голодного демона? – Не зная половины слов, лесовик, однако, верно понял смысл его фразы. – Весть об этом долетела до самых дальних кочевий!

Патлатая девица зло зашипела под стенкой и сделала короткий рывок вперед, клацнула зубами.

– Боюсь, крылатые слухи сильно преувеличили мои возможности, – сказал молодой колдун. – Я могу попробовать, но не могу ничего обещать.

– Когда тебе грозит брюхо демона, Любый, хватаешься за любую надежду. Даже за бубен шамана, неспособного разглядеть хозяев леса.

– Тогда прикажи вынести себя на солнце, вождь, и избавься от всех оберегов. Каждая минута промедления делает дочь голодного демона сильнее.

В этот раз Ченосик и Велихост уже знали, что требуется для магии великого шамана: котелок кипел, крапивная нить, осколок кремня и кривая игла лежали внутри. Колдуну оставалось только хорошенько отмыть руки и показать кулак недовольно рычащей темной девке. Затем Андрей наложил ладонь на голову больного – полностью, до потери сознания, вытягивая его силы, разогнал кровь из толстой мышцы лесовика и взялся за скальпель.

Существует только один способ борьбы с гангреной – удаление зараженной плоти. Этим и занялся студент-медик, глубоко иссекая рану. Больное мясо – прочь, здоровое – очистить, стерилизовать прикосновением пальцев. Затем – свести края, скрепить частыми стежками.

– Все, – облегченно отер лоб Андрей, посмотрел на садящееся солнце. – Однако… Я надеялся управиться быстрее.

Он попытался дать пинка крадущейся со стороны ног патлатой девке, но промахнулся. Острозубая нежить зашипела, попятилась.

– В дом несите, – махнул рукой колдун. – Ночи уже холодные. Огонь разводите, придется сторожить.

Великому шаману, не отходящему от больного, прямо в чум принесли копченую рыбу, чистой родниковой воды, плошку ревеня в меду. Дочь голодного демона роняла коричневую слюну, ползала под стенами, однако подойти ближе опасалась.

– Странно, Любый, что супротив этих тварей не помогают никакие обереги, – сказал сидящий рядом Велихост. Шаман щурился и крутил головой. То ли плохо видел нежить, то ли безуспешно пытался разглядеть. – Супротив бледной немочи, коровьей смерти, лихоманки – помогают, ан против них не действуют.

– Нет амулета, который спасет от вонзившегося в живот ножа, – пожал плечами Андрей. – Против ножа нужен щит. Так и здесь. Дочери голодного демона используют яд. Смертоносный живой яд, разбросанный тут и там по всей земле. Против яда нужно противоядие. Зелье, убивающее их отраву…

Колдун замер, ловя ускользающую мысль, ухмыльнулся и спросил:

– Скажи, Велихост, а лесовики варят пиво?

Шаман непонимающе вскинул брови.

– Хорошо, спрошу иначе. Вы пьете какие-нибудь настойки, закваски, бражки или еще какую вонючую дрянь, после употребления которой в голове появляется дурь, а настроение сразу улучшается?

Ответом была тишина.

– Ладно, целомудренные вы мои, придется научить. Мне нужна бочка, большой кувшин или еще какая крупная емкость, которую можно поставить в теплое место. В нее нужно насыпать давленые ягоды, тертое зерно и прочее добро, которое даст сладковатый настой, если залить водой. Можно просто кухонные отходы, очистки. Все то, что не пригодилось на еду. Мыть не следует, тереть-давить одобряется. Что скажешь?

– Я постараюсь выполнить твое желание, Любый, – осторожно пообещал лесовик.

Старый шаман ушел. Следом за ним скрылась, пройдя сквозь полотнище чума, и острозубая девка. Поняла, что зацепок для нового воспаления в ноге вождя не осталось.

– Молодец, все правильно сделал, – похвалил себя студент-медик, устраиваясь рядом с больным среди каких-то тюков и узлов. Андрей опасался, что дочь голодного демона хитрит и еще держит больного на примете. Дождется, пока колдун уснет, подкрадется, да и запустит в шов какую-нибудь столбнячную гадость. Сторожить нужно до утра. Если за это время сепсис не разовьется, тогда уже можно и расслабиться.

Стойбище, лес, вся природа погружались в ночь, тихую и

безмятежную. И в мягкой бескрайней тишине Андрей услышал слабый отзвук женских голосов:

– Обереги нас, Любый, от хвори и беды, от зла и ссоры. Подари мне, Любый, любовь настоящую, нестерпимую.

– Обереги нас, Любый, от яда дочерей демона, от ран и ушибов…

– Обереги нас, Любый, от болезней и горестей…

– Обереги нас, Любый…

Первый голос колдун узнал – он принадлежал исцеленной им девочке. Другой, кажется, – ее матери. Про остальные – даже не догадывался.

Женщины молились. Причем молились – ему!!! И это ощущение оказалось щекочуще приятным, даруя легкую волну блаженного тепла, отдаленно похожего на то, что постоянно струилось из амулета любви.

Тому, что он слышит молитвы через чащи и овраги, причем сразу все, различая по голосам, молодой чародей не удивился. Ведь ощущал же он присутствие живых существ на многие километры окрест! И точно так же мог уловить на этом «звездном атласе» жизни биение сердца, дрожь сознания, усталость или голод каждого отдельного зверька и даже насекомого.

Таков уж оказался его развившийся природный дар.

* * *

Умудренный жизненным опытом Велихост исполнил поручение колдуна на отлично. Нашел бочонок изрядного размера, набил ягодными выжимками и чем-то еще, залил водой и оставил на солнечном взгорке. Андрей самолично несколько раз емкость перемешал, и вскоре из нее стали пробулькиваться на поверхность частые пузырьки.

Швы вождю колдун снял на шестой день. Потому как на четвертый его сдернули в соседнее стойбище к сломавшему ногу мальчишке. Однако тревога оказалась ложной – никаким заражением там и не пахло, а лубки успешно наложил местный шаман.

Уже после снятия швов Андрею пришлось сходить за четыре дня пути к женщине, напоровшейся животом на сук. Однако и она оказалась в терпимом состоянии. Тамошний шаман обладал даром – колдун уже знал, что означает легкое свечение и тепло, идущее от человека. Помимо дара, шаман вовремя затампонировал открытую рану болотным мхом, неплохо убивающим яды дочерей голодного демона. Студент-медик лишь

очистил рану, стерилизовал и зашил. И запомнил на будущее урок об антисептических свойствах мха.

Когда путники вернулись, бочка уже притихла. Хорошенько перемешав зелье, Андрей приступил к очередному сеансу колдовства. Часть бражки он налил в котелок, пустил в него плавать широкую деревянную миску, водрузил на костер, а сверху накрыл чистым овальным камнем.

Прокипятив сию конструкцию минут десять, чародей вылил выкипевшую наполовину смесь, слил из миски в кувшин конденсат, добавил новую порцию – и продолжил кипячение.

Бочка опустела задолго до сумерек, и последним заходом колдун еще раз прокипятил содержимое кувшина. В итоге к концу дня у него в небольшом бурдюке с деревянным горлышком плескалось примерно пол-литра крепчайшего первача.

Не очень много, конечно. Но если не пить, а дезинфицировать раны и кожу, должно хватить надолго. К тому же перегонку всегда можно повторить. Нужно только решиться на достаточно долгую остановку – чтобы брага созрела.

Перед выходом в дорогу Андрею пришлось сделать еще одну пробежку к больному – но на этот раз он опоздал. Упавшего с дерева ребенка родственники уже унесли в чащу.

Такие вот странные были у лесовиков похороны.

Несмотря на то что пользы молодой колдун почти за месяц принес не так уж много, возносимых ему молитв за это время стало заметно больше. Великого шамана постоянно благодарили и просили о защите и покровительстве. Причем даже в тех стойбищах, куда он просто заходил отдохнуть. И потому для студента-медика стало немалым облегчением, когда по дороге на север он смог вычистить еще одну гангрену и просто обработать две раны. Хлопот немного, а совесть чуток успокоилась.

На берегу полноводной Камы Андрею и вовсе повезло – удалось удалить аппендицит у почти беззубой, совершенно седой многодетной мамаши неполных сорока лет.

Лесовики были народом крепким, здоровым, их организмы с готовностью откликались даже на простейшую медицинскую помощь и элементарную дезинфекцию; дочери голодного демона бежали от одного запаха неведомого ранее первача. Так что в великих успехах шамана по имени Любый умение студента-медика играло не самую главную роль. Однако же молитв становилось все больше, и Андрея буквально распирало от текущего к нему со всех сторон человеческого тепла.

Безумие полной Луны

Потомки стремительной выдры с охотой переправили Любого и его спутников через реку – однако по поводу земель рода росомахи ничего подсказать не смогли. Сами не слышали о таких и не видели никого, кто бы ведал.

– Ченосик, ты уверен, что ты и правда из росомах? – не удержался от вопроса Велихост. – Ничего не путаешь?

Паренек обиделся и не разговаривал с шаманом целых два дня.

Тем временем тропа вела их на север, больше уже не балуя теплыми ночами, и очередному встреченному стойбищу путники обрадовались несказанно. Жилье есть жилье – хотя бы и такое!

По эту сторону Камы тоже обитали дети выдры. Появление великого Любого привело местных лесовиков в восторг, и они немедленно предъявили гостю старика с остеохондрозом и упитанную матрону с хронической мигренью. Других больных в селении просто не имелось.

Старика Андрей, понятно, исцелить не смог – только немного унял боль, убив часть нервных волокон. Увы, других возможностей помочь у него не было. С матроной же управился с легкостью – подобные болячки колдун еще в школьной юности лечил на раз-два. Небольшой массаж шеи, размягчение мышц и подпитка сосудов, чтобы немного расширились. И все, на несколько лет проблемы как рукой снимает!

Затем хозяева устроили пир в самом большом чуме – и предложили именитому гостю остаться на зимовку. Ибо снаружи ударил первый заморозок, а зима – не лучшее время для дальних странствий.

Похожие предложения Андрей слышал не раз. Его не просто приглашали остаться, ему обещали собственный дом, дом и жену и даже жену сразу с детьми – но колдун и теперь вежливо отказался.

Однако, когда ночью они остались одни под толстым меховым покрывалом, Велихост повторил слова хозяев почти в точности:

– Снаружи первый заморозок, Любый. Скоро настоящие холода, снег. Нужно останавливаться на зимовку.

– Ерунда! – небрежно отмахнулся Андрей. – Нужно разжиться меховыми подстилками и теплой одеждой. Будем заворачиваться вместе, и в любой мороз тепло покажется.

– Много меха – много груза. Как мы все это унесем?

– Так ведь зима! Сделаем сани, на них и потащим. Зимой снег

выпадает, забыл?

– Снега зимой по грудь случается, Любый. Не пройдем.

– Лыжи сделаем! Это даже я умею.

– Как на лыжах через бревна перебираться? Замучаешься!

– Зимой реки замерзают, Велихост, – сонно напомнил колдун. – Они ровные, пойдем по ним.

– На реках славяне. Они одиноких путников ловят и весной у варягов на соль меняют. Варяги любят рабов, рабы у скифов всегда в цене.

– Вот проклятье! – открыл глаза Андрей. – Про славян я и верно забыл.

– Пока снега нет, пока морозы не ударили, нужно зимовку выбирать, Любый. Зимой людям путей нет, пропадем.

Шаман повернулся на бок и затих, ровно дыша. У Андрея же сон, наоборот, пропал.

Необходимость долгой остановки напомнила молодому чародею, зачем он вообще находится в этом мире. И вернула к плану номер два: найти спокойное место и осмотреть планету глазами птиц. Сейчас, набравшись опыта и умения, ощутив настоящую силу, колдун пребывал в уверенности, что сможет управлять не одним, а сразу десятью орлами или аистами. То есть появляется хороший шанс управиться с поисками еще до весны. И можно считать – он исполнит свой долг перед двойником.

С этой мыслью колдун, успокоившись, задремал… Чтобы почти сразу проснуться от холода.

Огонь погас – и в чуме наступил колотун. Через тоненькие стенки из звериных шкур, пусть даже двойные или тройные, тепло улетучилось мгновенно. Не спасала даже меховая накидка, в которую кутался колдун.

По счастью, в очаге еще тлели угольки, а рядом лежала кучка хвороста. Андрей подбросил дров, огонь полыхнул снова, и путники тут же вспотели от жары… Чтобы к утру опять проснуться от холода.

– Ты прав, Велихост, – признал утром так и не выспавшийся колдун. – Нам нужно место для зимовки. Но я хочу, чтобы там было спокойно и бегающие дети или озабоченные девицы не отвлекали меня от размышлений и чтобы в этом жилище было тепло. Просто тепло. Постоянно.

– Ты мудр в своих желаниях, Любый, – согласился шаман. – Но… Ты знаешь такое место?

– Найду, – кивнул Андрей. – Но нам понадобятся лопаты. Ты сможешь их найти?

– Я могу их сделать! – с готовностью вскинул руку Ченосик.

* * *

Глаза ласточек помогли молодому чародею углядеть глинистый холм возле обширного болота.

Близость топи не смущала Андрея – он не отказался бы от общения с криксами, болотницами или водяными и пребывал в уверенности, что отболтается от лихоманки или немочи. Но зимой нежить впадает в спячку, а вязи покрываются льдом. Не судьба. К весне же колдун надеялся своего двойника наконец-то отыскать… Или смириться с неудачей.

Зато окрест болота рос не столько лес, сколько кустарник, а на самих топях всегда хватало сухостоя. Меньше проблем с хворостом и дровами.

С лопатой паренек не обманул – обколов обычный речной валун и укрепив получившуюся пластину поперек на подвернувшейся палке, лесовик буквально за два часа соорудил вполне рабочую мотыгу. Вот только главным в строительстве зимовки стало не его мастерство, а десятки рабочих рук из ближайших стойбищ.

Каким-то образом прознав, что великий шаман Любый, победитель дочерей голодного демона, собрался зимовать неподалеку от них, люди потянулись на помощь, всего за несколько дней сотворив работу, на которую у трех странников ушел бы целый месяц: землянку с очагом в стене, причем труба была прокопана в глине; с крышей из покрытых шкурами жердей, сверху засыпанных толстым слоем земли, вынутой при строительстве; с полками в стенах для сна – на постели лесовики натаскали толстенный слой сухого мха и травы – и с очень длинным входным лазом, ведущим к подножию холма. Андрей помнил, что тепло уходит наверх, а вода стекает вниз. Поэтому с таким входом в землянке будет сухо и тепло.

И само собой, жилище, сооруженное «обществом», оказалось значительно больше, нежели предполагал Андрей, рассчитывая только на свои силы.

Все, что сделал за сие время великий шаман, – это привел к холму нескольких оленей, дабы его трудолюбивые гости не голодали.

Спустя семь дней молодой колдун запалил в очаге хворост, и новенькое обиталище впервые наполнилось светом и теплом.

– Это ты рассказал лесовикам о моих планах, Велихост? – спросил Андрей, протягивая руки к огню.

– Я сам не знал о сем месте, Любый! – клятвенно уверил шаман.

– Ты, Ченосик?

– Молчал, как рыба, дружище!

– Ты зря нас подозреваешь, – разравнивая сухую траву на полках, сказал шаман. – Ведь ты – Любый! Люди чувствуют тебя. Помышляют о тебе, помнят.

Это было правдой. Андрей ощущал молитвы лесовиков постоянно. Многие, многие тысячи.

– Тогда ставь бражку, Велихост. Нам наверняка скоро понадобится зелье против дочерей голодного демона. Прежнего осталось на донышке.

– Все сделаю, Любый, – пообещал шаман, хотя не имел ни емкостей, ни ягод. – Послезавтра залью.

– А мы с тобой, потомок росомахи, займемся лыжами. Зима близко. Скоро без них будет не высунуться.

Как предвидел Андрей, уже на четвертый день в его «тайное логово» примчался мальчишка с просьбой о помощи. В стойбище выдр сразу трех детей покусала лисица. Студент сходил, загасил заражение в зародыше – но прямо на обратном пути его перехватили с известием о проткнувшей тело щепе, потом с обожженной ногой, потом… Потом все стало вертеться быстрее и быстрее – провести в уютной землянке больше трех дней подряд у колдуна никак не получалось.

Мало того – после первых крепких морозов, сковавших болото льдом, неподалеку от берега появился чум. Это взрослые дети привезли откуда-то издалека мучимую лихорадкой маму. Вскоре возник еще чум. Потом сразу два, и еще… Дело стремительно двигалось к тому, что приют отшельника вот-вот превратится в шумный многолюдный город.

– Скоро день духов, Любый, – в один из вечеров сообщил ему Велихост. – Народ лесов ждет тебя на нем.

– Что за праздник? – принял от него деревянную миску с горячим разведенным медом Андрей.

– Ныне небесные духи устали после долгого лета, – монотонно стал рассказывать шаман, – и демоны тьмы пожирают день, отгрызая от него по кусочку. Но скоро предки отдохнут, разгонят темных демонов, и свет начнет побеждать. День станет расти, пока не окажется долгим, как в разгар лета! Эту победу наш народ и празднует в день духов. Мы вспоминаем основателей наших родов, устраиваем в их честь пляски и веселье, пытаемся возродиться, стать изначальными.

– Я не приду, – отрезал колдун.

– Но как?! – просто остолбенел шаман. – Ведь это великий праздник! Все ждут, ждут именно тебя, твоего первого прихода, прихода Любого!

– Мне некогда, – устало покачал головой Андрей. – У меня

много больных.

Зима к этому времени уже вступила в свои права, снегопады валили снова и снова, сугробы намело местами по грудь. И если колдун со товарищи снова не оказались отрезанными от окружающего мира – то лишь потому, что к землянке Любого постоянно ходили люди и во все стороны были протоптаны широкие дорожки с твердым настом. Чтобы ходить по ним, даже лыжи не требовались.

Именно по этим дорожкам к холму пришельца из будущего внезапно стали стекаться многие сотни лесовиков, тянущих на волокушах слеги и охапки шкур. В считаные часы тут и там выросло великое множество походных жилищ, лес и покрытое льдом болото заполнились людьми.

– Что происходит, Велихост?! – обнаружив возле своей землянки такое столпотворение, кинулся к шаману вернувшийся от очередного больного Андрей.

– Люди узнали о твоем отказе и приняли его с уважением, – развел руками мужчина. – Ты вершишь священное дело, ты сражаешься с дочерьми голодного демона. Если ты не идешь к празднику родовых духов, то праздник пришел к тебе. Возле нашего жилища он получится даже удобнее, нежели на священном лугу. На мерзлом болоте места больше, хватит всем. Тем паче, что ныне сбирается людей зело изряднее супротив обычного.

На болотном льду невозможно было разложить очаги, поэтому чумы стояли темными и бездымными, костры же лесовики запалили на берегу – огромные, жаркие. Мужчины раздевались возле них, кидались друг на друга грудью, словно петухи, – кто кого опрокинет, боролись, кувыркались. Причем не просто, а в прыжке, с разбегу. Рассказывали что-то, веселились, чем-то менялись, ели жареное мясо, закусывая снегом.

Всего было вдосталь. Мороз надежно сохранял прихваченные гостями припасы – бери с волокуш что хочешь, хоть рыбу, хоть мясо, грей у огня да друзей-знакомых угощай. Никаких забот.

– Ныне будет хороший праздник, – бормотал Велихост, подкладывая дрова в очаг землянки. – День духов с полнолунием совпадает. Таковая удача токмо раз в поколение случается. Может статься, в этот раз небеса окажут нам милость и вернут духов в мир.

– Это как? – приободрил шамана Андрей.

– Известно всем людям, что от разных духов разные звери породились и от разных зверей разные рода человеческие возникли, – поведал Велихост. – Звери, которые дети духов, обращаются в людей после того, как нож охотника прерывает их

жизнь, а плоть их переходит в нашу плоть, плоть человеческую. Предания древние сказывают, что через нож можно вернуться и обратно в облик звериный, приблизиться к предкам-прародителям нашим. Но возможно сие, токмо если духи признают в нас детей своих, приблизить обратно пожелают и даром могущества древнего наградят. Посему каждый праздник сильнейшие охотники наши через нож кувыркаются, милость небесных духов на себя призывая и пытаясь прародителем стать. Сиречь зверем изначальным.

– Все по старику Дарвину, – согласился студент-медик. – Кто-то произошел от обезьяны, кто-то от волка, кто-то от рыси, кто-то от барсука, а кто-то от росомахи. Дети росомахи на празднике есть?

– Нет, – покачал головой шаман. – Мыслю я, своих предков Ченосик все-таки перепутал. Нет такого народа.

– Скифы выменяли парнишку где-то возле Крыма, – почесал в затылке колдун. – До того варяги успели его туда-сюда покатать. Вполне может оказаться, что он вообще откуда-нибудь с Дуная или даже с Эльбы, – предположил Андрей. – Туда пара тысяч километров, не нагуляешься.

Велихост глянул на Любого с уважением. Ничего, вестимо, не понял, но великое многознание оценил.

– Надо нарисовать карту, – вздохнул студент. – Чертовски полезная штука.

– Общий пир сбирается уже скоро, – сообщил шаман. – С полуночи начнется время сильных духов. Главное торжество.

– Угу… – молодой колдун пропустил намек мимо ушей. В последние дни молитв, обращенных к Любому, стало заметно больше, шумный «великий праздник» и без того постоянно звучал в голове Андрея. Если кому-то хочется повеселиться, пусть развлекаются без него.

Хорошо протопив землянку и оставив на полу охапку толстого, порубленного на полуметровые куски валежника, Велихост и Ченосик незаметно исчезли. Снаружи все громче слышались песни, веселые крики, ритмичный гул множества бубнов. Лесовики веселились, кричали, пытаясь разбудить уставших небесных духов, призывали их на борьбу с силами тьмы, хвалили первопредков и приглашали их разделить общую трапезу.

Андрей подбросил дров, заглянул в стоящие у очага кувшины из-под браги – шаман расслабился, и они уже несколько дней оставались пустыми. Впрочем, запас самогона пока еще имелся, укорять добровольного помощника леностью не за что.

Колдун разрыхлил свою постель на верхней, теплой полке.

Перестелил, разровняв, шкуры, добавил еще дров в очаг и полез спать.

А снаружи все громче и громче гудел праздник. Стучали бубны, объедались жареным мясом охотники, прыгали, кувыркаясь через ножи, молодые храбрецы, готовые вместо великих прародителей начать битву за свет и день. Только бы те откликнулись, вернулись, одарили своим вниманием!

– Любый! – крикнул кто-то.

– Любый! Любый! – отозвались вдалеке.

И уже через несколько минут толпа принялась яростно скандировать:

– Лю-бый! Лю-бый! Лю-бый!!! – Причем каждый такой такой выкрик, словно особо сильная молитва, обдавал дремлющего чародея жаром, словно горячей водой из тазика плеснули.

Андрей, не выдержав, спрыгнул с постели, выбрался из лаза, вышел на утоптанный до глянца снег, в свет десятков костров.

– Лю-ю-юбый!!! – Восторг лесовиков окатил колдуна, тряхнул горячим ознобом.

Здесь было темно. Ночь разрывали только костры, но света их хватало лишь на сотню шагов в стороны. Большая часть гостей утопала во мраке. Молодой чародей вспомнил слова Велихоста о полнолунии и вскинул руки, касаясь вытекающим из них теплом облаков. Взялся за тучи, раздвинул их в стороны.

На холм, на заставленное чумами заснеженное болото потек яркий желтый свет огромного диска, словно специально снизившегося к самым верхушкам деревьев. Собравшиеся на торжество лесовики отозвались на это простенькое действо еще большим восторгом, снова и снова ритмично выкрикивая имя чародея.

Волна нового поклонения и восхищения накатилась на Андрея опьяняющим жаром. Эта сила, эта энергия вливалась в его душу и плоть, превращая в самый настоящий живой факел. Он горел на склоне холма маленьким земным солнцем, полыхал ядерным взрывом. От ощущения невероятной силы, потрясающего всемогущества у колдуна буквально закипала кровь в жилах. Накопившийся внутри, зажатый в душе ураган требовал выхода…

– Духов! Пусть Любый призовет духов! Разбуди их, Любый! Призови к нам! – скандировала толпа.

Андрей, ничего уже не боясь и не сомневаясь, вошел в очерченный кострами круг, сбросил одежду.

– Знак солнца, знак солнца!!! – ахнули лесовики, впервые увидев обнаженного чародея. – Знак отца небес!

Андрей сделал два шага и прыгнул вперед, через нож, совершая в воздухе кувырок.

Толчок…

Тело чародея словно бы прорвало невидимую мембрану – и все изменилось! Звуки вокруг стали другими – острыми, звонкими, добегающими из самых невероятных далей, запахи захлестнули обилием и разнообразием, а тело напряглось, замерло, словно тетива натянутого до предела лука…

Андрей разжался, выстрелил и стремглав промчался сквозь толпу лесовиков, через все болото и чащу за ним, по широкой реке, гладко выметенной ветром. В лунном свете тут и там вдоль русла сверкали ледяные прогалины. Молодой чародей остановился на одной из них. Из отражения на него глянул матерый, широкогрудый, мохнатый серый волк, на груди которого сверкал серебряный с янтарем амулет любви.

Зверь, в толчке глубоко процарапав лед когтями, промчался дальше, легко запрыгнул на высокую скалу над рекой, вскинул морду и протяжно, торжествующе завыл на низкую полную луну. Сорвался с места, стремительной стрелой прорезал лес и болото, помчался к свету костров, ворвался в огненный круг, взметнулся над ножом, кувыркнулся – и покатился по насту обнаженным мужчиной.

– Духи верну-у-у-лись!!! – заложило уши от слитного восторга охотников.

Андрей распрямился, пошел по кругу, глядя в плотную толпу. Заметил чуть светящегося лесовика, указал на него пальцем:

– Иди сюда! Кто ты и из какого рода?

– Клювач из рода рыси, Любый! – ответил охотник.

– Раздевайся! – потребовал колдун, наложил ладонь ему на бритую голову, изливая в парня часть своего безграничного, ядерного жара. – Духи вернулись, Клювач! И они хотят видеть тебя среди своих детей. Прыгай!

Лесовик послушно повернулся к торчащему из соснового корня ножу, разбежался, прыгнул и… после кувырка упал на все четыре лапы крупной пятнистой рысью, с коротким хвостом и бодрыми кисточками на ушах. Ошалело тряхнул головой, умчался в болото.

– Иди сюда! – снова указал в толпу Андрей. – Имя!

– Беролап из рода кабанов.

– Раздевайся! – Колдун наложил на него руки: – Духи вернулись, Беролап! И они хотят видеть тебя среди своих детей. Прыгай!

Парень кинулся к ножу, взметнулся в воздух, и в темноту болота умчался крупный клыкастый секач.

– Иди сюда! – снова поднял руку колдун. – Назови свое имя! Раздевайся!

Всего за полчаса Андрей перекинул в зверя с полсотни лесовиков, а когда людей с явным даром в толпе почти не осталось, раскинул руки, поворотился, обращаясь сразу ко всем:

– Духи вернулись к нам, великий народ лесов! Духи вернулись! Наступает новое время! Время потомков небес!!!

И с наслаждением зажмурился, вбирая новую волну всемогущества, что хлестнула в него от кричащих, машущих руками, бьющих в бубны и радостно обнимающихся людей.

– Духи вернулись!!! Люди, вы слышите?! Небесные духи снова среди нас!!!

Колдун нашел свою одежду, облачился, вышел из круга – и оказался в руках лесовиков, подхвативших Любого, куда-то понесших, потом ставших качать, снова утащивших в сторону по склону и наконец-то усадивших на удобное местечко возле жаркого костра. В одну руку он получил чашу со сладким медовым напитком, в другую окорок оленины. Вскинул и то и другое:

– Духи вернулись, народ лесов! Мы победили тьму и освободили свет! С праздником!

Вскоре стали возвращаться дети небесных прародителей, один за другим перекидываясь обратно в людей. Их состояние не поддавалось описанию. Многие от хлещущей через край эйфории забывали даже одеться, кидаясь в объятия сородичей.

Каждый из пришедших вызывал новую волну радости – к счастью, отвлекая на себя внимание от порядком уставшего Андрея. Воспользовавшись одним из таких затиший, молодой колдун выскользнул из толпы и скрылся в своей землянке.

* * *

Шумный праздник утомил не только пришельца из будущего, но и самих лесовиков – наступивший день прошел тихо, словно болото обратилось в безжизненную пустыню. Сотня чумов – и ни единого человека снаружи. Только к ночи возникло какое-то неясное шевеление – да и то ненадолго.

А через день лесовики разом снялись и в считаные часы исчезли в заснеженной чаще.

Они несли в родные стойбища потрясающее известие: прародители вернулись! Древние сказания исполнились: люди снова стали детьми небесных духов!

Среди наступившего покоя Андрей вышел на поляну, окруженную кострищами, постоял возле гнутого соснового корня, в котором осталась глубокая выемка от вынутого обсидианового

ножа.

События недавней ночи ныне вспоминались, как наркотический угар с безумными галлюцинациями. Кипящая кровь, прыжки оборотней… Безумие полной Луны.

Студент-медик огляделся по сторонам, убеждаясь в отсутствии лишних глаз, разделся догола, оставшись с одним лишь амулетом, разбежался и прыгнул, совершая кувырок…

И тут же вновь на колдуна обрушилась волна силы, запахов, острота звуков.

Андрей и без того имел обоняние не хуже, чем у собаки, и слух, словно у совы, – но новое его воплощение превосходило человеческое на порядок.

«Может быть, так и положено: звериные обоняние и слух у врожденного оборотня? – подумалось ему. – И все прочие способности лишь часть этого дара?»

Он сделал широкий круг по болоту, взрывая натоптанный наст острыми когтями, вернулся к одежде, взметнулся в прыжке… И кувыркнулся по снегу голым человеческим телом. Замер, задумчиво созерцая куртку, пояс, штаны и сапоги.

Молитвы… Они звучали в нем непрерывно, наполняя Любого добрым человеческим теплом. Молитвы восхваляющие, молитвы благодарственные, молитвы умоляющие…

«Любый, миленький, сделай так, чтобы моя мама не умерла! Я очень люблю ее, мне за нее так страшно! Не отдавай ее дочерям голодного демона!»

Андрей видел искорку этой девочки почти в ста километрах к востоку, ощущал ее мучение и надежду. Раньше колдун старательно отодвигал подобные просьбы на краешек сознания, осознавая свое бессилие перед пространством. Но сегодня…

– Для бешеной собаки сто верст – не крюк! – Он нырнул в землянку, кинул в очаг охапку хвороста, толкнул шамана в бок: – Вставай, Велихост. Мне нужна сумка или мешок с котелком и флягой… И прочим моим инструментом. Прямо сейчас!

Мужчина быстро поднялся, скрывая зевок, пошарил руками по нижним полкам, нашел какой-то мешок, вытряхнул содержимое, уложил лекарский инвентарь. Андрей схватил все это, выбежал наружу, перекинулся прямо от порога, поймал завязку сумы зубами и что есть мочи помчался на восток.

Волчье тело откликнулось на его волю и желание, запело от напряжения, распласталось в прыжке… Еще в одном, в третьем…

Потомок небесных духов, живое воплощение прародителей, мчался через рощи, ельники, вдоль рек быстрее птицы, каждым прыжком перемахивая целые холмы и рощи, за один шаг одолевая заснеженные вязи и петлистые реки, отмахивая за считаные

мгновения путь от горизонта до горизонта. Сила кипящей в молитвах крови несла колдуна столь стремительно, что он едва не проскочил нужное кочевье – и остановился, лишь проломив длинную черную полосу в зарослях заиндевевшего кустарника.

Встряхнулся, подбежал к шатрам, перекинулся и нырнул под полог.

– Дайте мне какую-нибудь одежду и поставьте котелок на огонь!

* * *

У молодой мамы обнаружился большой нарыв на боку. Штука неприятная, но связанная скорее с нехваткой витаминов, нежели с ядом зловредной нежити. Однако колдун, раз уж примчался, рану вычистил, закрыл болотным мхом и предупредил:

– Каждый день жуй еловые почки. Хотя бы по нескольку штук. На боку останется шрам, извини.

– Тебе поклон и благодарность, Любый, – морщась от боли, кивнула женщина. – Прими подарок от нас…

– Не приму, – мотнул головой Андрей. – Мне ничего не унести. Вы лучше вкопайте столб приметный неподалеку и оставляйте возле него одежду. Приходить в гости голышом как-то не очень удобно.

– Все сделаем, Любый! – пообещали лесовики. – А столб-то зачем?

– Чтобы я знал, где искать! – рассмеялся чародей.

Он вышел из чума, скинул малицу, перекинулся волком, подхватил лекарский инструмент и распластался в прыжке. Для вышедших проводить лесовиков – просто растворился в морозном воздухе, искристым ветерком уносясь на запад.

Всего несколько секунд – и Андрей уже забирался в лаз своей теплой землянки.

Земля лесов

Это был капкан. Ловушка. Безвыходная клетка для всесильного, могучего, знаменитого мага.

Андрей наконец-то обрел великую колдовскую силу.

На этом и попался.

Новые способности, открывшиеся во время праздника духов, прибавили победителю дочерей голодного демона хлопот – но одновременно подарили много свободного времени. Если раньше студент-медик ходил лишь в ближние стойбища и только когда звали, однако тратил на каждого больного по нескольку дней пути, то теперь он отзывался на молитвы со всех лесов своего народа – однако был способен обежать все земли от Урала до Волги всего за несколько часов. К тому же колдун приспособился сперва смотреть на больного глазами птиц, мышей, белок или иных оказавшихся рядом зверьков, и потому «ложных вызовов» больше практически не случалось.

Дочери голодного демона уже хорошо знали его. Они рычали и шипели при появлении чародея, махали корявыми руками, швыряли в него попавшимся под руки мусором. И – уходили. Хозяйки гангрены, столбняка и гнойников уже поняли, что жертву, к которой пришел Любый, им не забрать.

Колдун был быстрее ветра, он обозревал внутренним чувством огромные земли, он повелевал животными и насекомыми, ему поклонялись тысячи людей, и возле многих и многих стойбищ и кочевий стояли истуканы с его лицом и руной в виде вписанной в круг свастики. И возле каждого лежали заботливо приготовленные штаны и куртка его размера. Пришелец из будущего был велик и могуч, знаменит и всесилен. Он стал почти богом. И в то же время – прикован на самую прочнейшую привязь из всех возможных. На цепь собственного могущества.

Андрей добился своей главной цели – раскрыл тайну могущества древних богов. Сила бога – в вере его прихожан, в силе и искренности их молитв. Как пчелки приносят по капельке меда с бесчисленных цветов для бездонных бочек пасечника, так и верующие даруют богам по капельке своей силы, которая в руках высшего прародителя превращается в океан могущества.

Вот только что Андрею было делать с этим открытием?

В двадцать первом веке люди верят не в богов, а в компьютеры и фильмы про звездные войны. В будущем он может быть только тем, кем и раньше, – неплохим целителем или талантливым врачом. Либо по желанию – клоуном в цирке с

какими-нибудь животными.

И все – это потолок.

А кроме того, после всего случившегося Любый уже не мог бросить лесной народ. Свой народ! Оставить его на поедание голодному демону, лихоманкам и немочам, обычным болезням и прочим напастям.

Разумеется, люди жили веками и до его появления – и как-то обходились.

Но одно дело – не знать о другой жизни, и совсем другое – обрести веру, спасение, надежду, и вдруг оказаться преданным, брошенным собственным… Богом.

Искать двойника тоже больше не имело смысла. Великий маг по имени Андрей нашелся сам собой. Непонятным оставалось одно: где двойник, пославший в грядущее призрака, и зачем прежний Андрей вообще это сделал? Если это ловушка, если выхода нет – достаточно промолчать. И тогда никто не создаст Большого алтаря, никто не ухнется на сто поколений в прошлое, и лесовики просто никогда не узнают про существование Любого. Прежний сгинет, новый в прошлом не появится – и петля времени разомкнется.

Но его двойник призрака все-таки послал!

Получается – обрел надежду на возвращение.

Посему Андрей надеялся, что выход из капкана все-таки найдется. Человеку, сперва почти убитому, потом обращенному в камень, затем приговоренному к рабству и смерти, но в итоге ставшему самым великим шаманом, глупо впадать в отчаяние. Все меняется, и никогда не знаешь, когда и каким образом извратится в своем непостижимом юморе судьба.

К тому же колдуну еще причитался должок с толстого Квасура и змееногой Табити.

Посему перекидываться волком, мчаться к Большому алтарю и нырять домой в будущее Андрей не спешил. Как бы ни тосковал он по чудесной Катеньке – желания следовало держать в кулаке.

* * *

После победы храбрых небесных духов над тьмой и усталостью день начал быстро прибавлять. Шаман и потомок рода росомах собирали дрова и хворост, ставили брагу, готовили еду, Андрей мотался по землям лесовиков, отпугивая дочерей голодного демона и просто помогая там, где нужен, зима же крепчала, засыпая земли снегом и раскалывая деревья морозами.

Однако в конце концов и ее силы начали иссякать, а солнце

становилось все теплее и теплее. Сугробы наконец-то пошли на убыль, на взгорках появились первые прогалины, птицы начали петь песни весны и любви.

В день, когда распустились первые подснежники, Андрей находился в гостях у потомков быстрого песца. Здесь он удачно вырезал аппендицит молодому сорванцу и согласился остаться на ужин. Многоопытные мамаши многолюдных стойбищ готовили куда как вкуснее шамана и малолетки, и потому колдун никогда не отказывался от возможности перекусить в дальних селениях.

В ожидании пира чародей намеревался просто погреться на теплом солнышке, когда заметил среди несущихся от родника мальчишек долговязого подростка, излучающего слабое свечение и тепло.

– Ну-ка стой, шустряк босоногий! Иди сюда, – поманил его пальцем Андрей.

– Мое уважение, Любый, – поклонился ему мальчишка и тут же оглянулся на друзей. Он явно жалел, что его оторвали от игры.

– Как твое имя?

– Быстропят! – признался подросток, и детвора рассмеялась.

– Знаешь ли ты, Быстропят, что небесные духи вернулись к лесному народу? – спросил колдун. – Пробовал ли ты перекинуться их потомком, прародителем песцов?

– А зачем мне это нужно, Любый? – дерзко ответил мальчуган.

Андрей задумался. Раньше подобных вопросов ему никто не задавал.

– Чтобы почтить своих предков, Быстропят, – размеренно ответил колдун, – чтобы ощутить великие способности детей духа.

– Я чту своих предков жертвами после охоты! А способности… Какие могут быть способности у песца?

– Острый нюх, чуткий слух, умение промчаться через узкие лазы, подкрасться незамеченным к добыче…

– И что проку в таких способностях, Любый? – дерзко рассмеялся мальчишка. – Все равно они постоянно попадаются в наши ловушки!

– Быстропят, не дерзи! – осадил подростка вождь.

Услышав, что священный гость затеял беседу, обитатели стойбища стали подходить ближе, выбираться из чумов.

– Обожди! – поднял руку колдун, успокаивая главу селения, и обратился к мальчишке: – Детей духов, прародителей вашего рода от обычных зверей отличает то, что вдобавок к слуху, ловкости и быстроте прародители обладают вашим разумом. И поймать их в ловушку отнюдь не так просто.

– Но какая от этого польза? – упрямо спросил мальчик.

– Быстрый, ловкий и незаметный песец может стать отличным разведчиком, предупреждая своих друзей об опасности. Песец может пробраться туда, куда и путей-то нет, перекинуться охотником и вступить в бой неожиданно для врагов. Это очень важное преимущество перед простыми воинами.

– Но я не хочу воевать! – насупился Быстропят.

Колдун только рассмеялся такой наивности:

– Ты слыхал про варягов, мальчик? Если они узнают о твоем селении, то разорят его, а вас продадут в рабство. Варягов на каждой лодке по двадцать воинов, они справятся. Ты слыхал о скифах, Быстропят? Если они найдут твое селение, то отправят всех вас в вечное рабство, на медные шахты. Ты слыхал о славянах? Да-да, если ты не готов воевать, с ними тоже лучше не встречаться. Кто не хочет сражаться, тот становится рабом, Быстропят. Ты желаешь жить рабом?

– У нас не бывает варягов, Любый! И скифы тоже очень далеко!

– Это сейчас они далеко-далеко и разоряют окраинные селения. Потом станут разорять стойбища поближе, потом еще ближе… – Андрей усмехнулся. – Если не хочешь, чтобы охотники за рабами появились на твоем пороге, чтобы угнали твоих сестер, братьев, родителей, встречать их нужно не дома, а у самых-самых дальних кочевий. Не ждать беды, а идти навстречу опасности…

Над стойбищем повисла задумчивая тишина.

– Хотя о чем я говорю? Тот, кто не желает стать одним из детей духов, тот не сможет откликнуться на призыв о помощи.

– Я хочу! – вдруг испугался Быстропят. – Я желаю! Я просто спросил.

– Ты в этом уверен, мальчик? – притворно нахмурился Андрей. – Духи суровы. Они не примут слабого духом, труса или лентяя! Может, лучше остаться простым охотником и не касаться воинских тягот?

– Я потомок небесных духов из рода песца! – уже более внятно ответил паренек. – Я хочу стать равным своим прародителям!

– Тогда разденься! – приказал Андрей и повернулся к главе стойбища: – Воткни свой нож в землю, вождь.

Жители селения загомонили, переглядываясь, мужчина обнажил деревянный, с кромкой из кремниевых пластинок, клинок, до середины вогнал его в утоптанную глину, торопливо отступил.

– Сегодня великий день, Быстропят, – наложил ладони на бритую голову паренька колдун. – Духи вернулись и собрались

здесь! Они смотрят на тебя и хотят возродить среди своих детей. Прыгай!!!

Помимо жара колдовской силы, мальчишка получил еще и хороший толчок, кинулся вперед, перекувырнулся… И дальше в кусты помчался уже серый пушистый зверек.

Лесовики закричали, стали радостно обниматься. Вождь низко поклонился гостю:

– Ты оказал нам великую честь, Любый. Ты вернул нашему роду прародителей. Так раздели с нами общую трапезу!

– С радостью, дети стремительного песца, – поклонился в ответ Андрей.

Мальчишка появился часа через два, вернулся в обычный облик. Глаза его горели восторгом, он взмахивал руками, силился что-то сказать, но не находил слов. Обычное состояние перекинувшегося первый раз человека.

Вождь обнял «прародителя», похлопал его по спине и торжественно объявил:

– Ты стал настоящим песцом, мой мальчик! Прямым потомком небесных духов! Отныне именем твоим будет не Быстропят, а Острокоготь! Будь достоин этого имени!

– Когда однажды на мой истукан сядет ворон и постучит клювом, – сказал Андрей, – перекидывайся и спеши к моему дому. Не жди, Острокоготь, когда вместо ворона к тебе в двери постучит беда.

– Я приду, Любый! – пообещал мальчишка.

– Буду ждать, – кивнул колдун, сбросил одежду, превратился в волка, подхватил мешок и стремительно умчался в густой ельник…

«Вот среди лесного народа и появился еще один оборотень, – думал он, стелясь над кронами. – Среди стойбищ и кочевий их уже не одна сотня. Целая армия. Все поклялись Любому в вечной благодарности и преданности, все обещали отозваться на призыв о помощи, когда случится беда… Интересно, придут?»

Андрею очень хотелось бы знать заранее – сколько лесовиков на самом деле исполнят свою клятву. Можно ли надеяться на полюбившийся ему народ лесов или рассчитывать надо только на одного себя?

Увы, пока гром не грянет – все планы остаются лишь пустыми мечтами.

* * *

Молитвы, молитвы, молитвы… Колдун слышал слова

благодарности и жалобы, добрые пожелания и грусть, горести и радости, просьбы о помощи и боль потери…

«Славяне убили моего брата, Любый! Он хотел половить рыбу, а его убили… Защити нас, Любый! Они хуже дочерей демона. Они разоряют бортни, ломают капканы, прогоняют нас от реки, ловят, как зверей. Ты же рожден небесными духами, Любый. Так защити, убереги нас от этой беды!»

Андрей встряхнулся и перевел дух.

– Вот оно! – вслух произнес он. – Я знал, что рано или поздно это случится.

– О чем сказываешь, Любый? – громко спросил снаружи прибирающий у землянки шаман.

– Пришло время посылать воронов! – во весь голос ответил колдун, выскочил из лаза и взметнулся в прыжке.

Мгновение спустя возле идола, стоящего в чащобе, аккурат посередине между реками Чердынь и Вуктоль, мелькнула серая тень, кувыркнулась возле одинокого идола с коряво вырезанным лицом, и на поляне распрямился молодой плечистый мужчина с бритой головой, темно-синим символом коловращения жизни на груди и маленьким серебряным медальоном с янтарной сердцевиной. Он не спеша облачился в сложенную у основания истукана одежду, сделал глубокий вдох и повернулся к выбежавшим из шатра людям:

– Я слышал, недавно вы унесли в лес одного из своих детей?

– Да, Любый, – склонили головы мужчины. – Ратанок хотел принести в селение рыбу… Мы нашли у реки его тело с рассеченной головой. Такие раны оставляют только славянские топоры.

– Славяне знают, где стоит ваше селение, вождь? – широко крутанул руками колдун. Ему ответил охотник с вытекшим глазом:

– Как можно, Любый? Никто из них так глубоко в леса отродясь не заходил! Мы их сюда не звали и путей не указывали.

– Отправьте женщин и детей в дальние кочевья и пройдитесь по тропам. Замаскируйте все приметы пути, сделайте ложные отвороты к вязям и ручьям, – спокойно и уверенно распорядился чародей. – Сколько в роду сильных мужчин? Хорошие лучники есть? Вы же охотники, лесовики, вы должны метко стрелять!

– Война! – радостно закричали мальчишки, а у молодых охотников хищно блеснули глаза. – Мы будем воевать со славянами!

Мужчины постарше их восторга не разделили. Бывалые лесовики уже знали, что такое терять друзей, мучиться от ран, бросать разоренные жилища, оплакивать любимых. Они уже

проливали кровь, когда случались особенно нестерпимые обиды.

– Коли недорослей не считать, так с десяток наберем, Любый… – Перечить победителю дочерей демона вождь не рискнул. – В славянской деревне столько же. А еще к ним по первому зову приплывают многие воины из Кулома. Тамошнее селение огромно, людей просто не счесть!

– Почему не счесть? – удивился Андрей, не раз любовавшийся этой крепостицей с высоты птичьего полета. – Самое большее – три сотни обитателей с женщинами и детьми. Пустяки. Что такое сотня воинов против гнева лесов? Оставь мне шестерых молодых охотников, вождь. Женщинам и детям, что уйдут в безопасные места, нужна защита самых опытных воинов.

– Я останусь! – тут же вскинул руку стоящий за одноглазым мужчиной розовощекий паренек. – Меня выбери, отец!

– Я тоже хочу! – протиснулся вперед низкорослый плечистый юноша. – Я со ста шагов синицу стрелой сбиваю!

– И меня оставь, Зоркий Глаз, – неожиданно попросил кряжистый охотник лет сорока в малице с большим капюшоном, сшитой из доброй сотни белок. – Должен же кто-то за детишками этими присмотреть?

– Брусник, Лапа, Долгопят, Шушун, Зяблик и Яблоко, – решил одноглазый вождь. – С остальными я завтра ухожу на Рыжий ручей.

– Доброго пути, вождь, – кивнул Андрей.

– Удачи тебе, Любый! – кивнул хмурый вождь. И неожиданно искренне попросил: – Накажи их, посланец небесных духов! Дабы впредь неповадно было…

Он махнул рукой и повернулся. Грозно рыкнул на толпу баб и малышни:

– Чего вытаращились?! Сбирайтесь! На рассвете выходим! Мы с шаманом покамест тропы попрятать попытаемся.

– А нам что делать, Любый? – спросил колдуна розовощекий Брусник.

– Как что? – удивился Андрей. – Оружие!

Народ лесов никогда не знал бед ни с инструментами, ни с домашней утварью, ни с оружием. Все, что требовалось потомкам зверей для жизни, буквально валялось под ногами. Любой камень с кулак размером, накрепко прикрученный к подрезанным корням молодого деревца, петля на конце рукояти в локоть длиной – вот и готова боевая палица, способная раскроить череп не хуже стального топора или крупнокалиберной пули с тефлоновым покрытием.

Против шлема или кирасы – может статься, вещь не самая надежная, – да только откуда им тут взяться, шлемам да кирасам-

то?

Прямой можжевеловый стволик, расщепленный на конце; обколотый на острие кремень, заправленный в расщеп и туго примотанный мокрым ремнем и для надежности залитый смолой – вот и копье.

Толстая сыромятная кожа, натянутая на каркас из ивовых ветвей и до задубения прогретая над огнем, петля изнутри – щит готов.

С изготовлением лука или ножа, понятно, управиться так быстро не смог бы ни один мастер. Но они у лесовиков и так уже имелись. Насущный охотничий инструмент.

На рассвете семья из рода оленей разделилась. Те, кому не по душе были кровь и боль, смерть друзей, горечь поражения, ушли, охраняя слабых. Остались те, кто знал о битвах лишь из древних легенд. Те, кто хотел прославиться, победить, стать похожими на славных сказочных воинов. Шестеро храбрецов, горящих азартом: крепких, белозубых, молодых. Щиты, копья, палицы.

– Так что, мы выступаем, Любый? – самым горячим в отряде, похоже, был Брусник. – Пойдем и разгромим их деревню!

– Не стоит спешить, – покачал головой Андрей. – Сначала нужно предупредить их об опасности. Найдите мне какой-нибудь старый ненужный балахон.

Спустя час из леса к реке вышел одинокий путник, кутаясь в вытертую оленью шкуру, только-только прикрывающую тело. Внимательно оглядываясь по сторонам, он прошел через просторные заливные луга, лежащие между водой и ольхово-осиновыми рощами, вдоль прибрежного ивняка, задержался возле длинных черных грядок.

Что посадили здесь здешние жители, можно было только гадать. Весна, ни один росток еще не проклюнулся. Под огородом, полувытащенные, лежали два берестяных челнока и несколько корзин, отчаянно пахнущих рыбой. От них тропка вела наверх, на взгорок, достаточно высокий, чтобы не утонуть в половодье.

Деревня только называлась так. На самом деле это был одинокий, очень большой бревенчатый дом с двускатной камышовой крышей и продыхами для выхода дыма по сторонам от конька. Естественно – без окон и с дверью, больше напоминающей ворота. Дом окружала простенькая изгородь из вкопанных столбиков и привязанных к ним слег. Самое большее, на что годилась такая защита, – так это чтобы скотина не разбрелась.

За изгородью виднелись три округлых пятна – явные следы зимних буртов, а также остатки поленницы из крупного

валежника и древесных стволиков. А может, и не остатки, может, деревенские уже начали копить запасы к будущей зимовке.

Возле дров трудились двое парней, разделывая большую лесину на куски, чуть дальше женщины переливали воду из кожаных мешков в деревянную колоду. Колодца в деревне не имелось, хозяйкам приходилось ходить к реке.

Деревня стояла неопаханной – что избавило колдуна от хлопот со снятием защитных заклинаний и позволило сразу подняться к изгороди.

– Кто у вас за старшего? – поинтересовался Андрей, опираясь на верхнюю слегу.

– Чего надо, дикарь вонючий?! – отвлеклись от работы дровосеки.

– Старшего.

– Так он к тебе сразу и прибежал. – На дворе снова застучали топоры.

Андрей прищурился, заметив шевеление в роще за лугом. Там появился лось, навьюченный жердями. Его погонял тоже молодой славянин, еще не отрастивший бороды.

– У вас тут что, одни дети? – скривился колдун.

Но тут из дома вышел седоволосый старик в длинной робе, оперся на посох.

– Сие что за животина? – прошамкал он.

– Я пришел из леса, старик! – распрямился Андрей. – Два дня тому вы убили на реке человека. Это плохой поступок, и он должен быть наказан. Отныне вам запрещено пользоваться рекой. Не хотите жить по-доброму, значит, обходитесь без того, чем не умеете делиться.

– Ты воспретил? Нам на реку ходить? – Старик захохотал. – Да кто же нам помешает?!

– Я, старик, – спокойно ответил колдун.

– Зверь дикий сварожичам угрожать вздумал? Вестимо, безумие глаголет устами твоими!

– Я говорю от имени леса, старик! – твердо возразил Андрей.

– Какого еще леса? – чуть приблизился старик.

– Оглянись вокруг! – развел руками колдун. – Что ты видишь по ту и по эту сторону реки, сразу за наволоками? Ты видишь лес! Это земля лесов, старик. Вы должны принять закон леса либо покинуть его. Такова моя весть.

– Тогда расскажи мне о законах чащи, дикарь. Я хочу узнать их все…

На самом деле болтливый славянин не хотел ничего знать. Он просто заговаривал гостю зубы, в то время как несколько обитателей деревни перебрались на луг за домом и теперь

обходили Андрея сразу с двух сторон, отрезая пути отхода, – колдун отлично видел свечение их душ, слышал шелест травы, чуял густой дымный запах.

– Держи зверя-я!!! – разом поднялись мужчины и кинулись сзади на чужака.

Но чародей лишь перекувырнулся через изгородь вперед и скользнул стремительной серой тенью через двор, луг, мимо двух груженых лосей – во влажную лиственную рощу, сквозь нее и к собственному идолу на стойбище. Обернулся человеком, оделся.

– Ну что?! – в нетерпении спросили молодые лесовики.

– Теперь они знают, почему с ними произойдет то, что будет, и за что они наказаны, – сказал Андрей. – Они сами сделали свой выбор. Выступайте, воины леса. Идите округ, заметайте следы. Славяне не должны обнаружить путь к стойбищу. К полуночи вам надобно добраться до реки.

– Мы успеем, Любый. – Маленький отряд расхватал копья и щиты, отправился в путь.

Колдун же закрыл глаза, развел руки, прислушиваясь к звездному пологу жизни, шевелящемуся вокруг, мысленно перебирая огоньки, определяя и подтягивая нужные, освобождая не столь важные, завладевая сознаниями, играя всем этим миром, словно пианист на огромном послушном инструменте…

Тихая теплая ночь накатилась на землю тишиной и покоем, погасила небо с низким пологом серых облаков, убаюкала ветры и речные волны. В эту тихую ночь ушли на выпас к дальней роще все пять деревенских лосей. После долгого трудового дня им хотелось походить налегке, потереться друг о друга мордами, пожевать сочной зеленой травки. Не в вытоптанной же загородке до утра маяться! На лугу ешь сколько хочешь, покуда брюхо не набьешь, хоть до самого сна, и сразу с рассвета, валяйся, отдыху радуйся…

То, что опушка – место опасное, славяне отлично понимали, и потому вместе с лосями во мрак ушли двое молодых ребят с копьями. Волков или медведей отогнать, рысь со спины лосенка сбить, иной опасности избежать – пики с острым железным наконечником и топорика вполне хватит. Да и не идет летом сытый зверь к опасной добыче, к костру и дыму. Опасается…

Табунщики разложили костер, уселись рядом, репу из сумок достали, чтобы в угли потом закопать. Огонь давал достаточно света, чтобы видеть могучих сохатых, а тишина ночи обещала задолго выдать сторожам любое постороннее шевеление.

Парнишки разворошили горячий очаг, и в этот миг внезапно затрещали кусты, зашелестела трава.

– Кто тут?! Ату! – моментально схватились за пики славяне.

Из темноты в красный круг света мрачно ступили лесовики – в меховых накидках и шапках, со щитами и копьями в руках. На огне кроваво блеснули острые каменные наконечники.

Сторожа схватились за оружие, попятились к реке, хорошо сознавая опасность своего положения. Вдвоем против шестерых уцелеть невозможно.

– Дикари-и-и!!! – что есть мочи закричал один из парней.

Трава зашелестела снова – это сохатые, вдруг сорвавшись в стремительный бег, уходили в черную, как смоль, чащобу…

– А-а-а!!! – Парнишки сунулись было за ними, но тут же попятились, едва не налетев на каменные острия копий. Все, что им оставалось делать, так это плакать от бессилия и орать: – Дикари! Здесь дикари-и!!!

Лесовики немного выждали, потом ушли так же молча, как появились.

Когда разбуженные воплями мужчины прибежали из деревни – все уже закончилось. Они нашли лишь плачущих около костра мальчишек:

– Мы не спали-и-и… Мы не упустили-и-и-и… Это сделали дикари-и-и-и…

Пойти в лес, по следам, славянам удалось только после рассвета. Искать долго не пришлось – сразу за рощей, на небольшой прогалине, за которой поднимался густой сосновый бор, они нашли несколько дочиста обглоданных костяков. Три могучих зверя, лосиха и лосенок… Можно было подумать, что сюда внезапно собрались все хищники леса, от старых медведей до мелких горностаев. Хозяевам стада не осталось ни единого, даже самого крошечного кусочка мяса – чтобы хоть поесть в утешение.

Славяне с печалью постояли возле обширного кровавого пятна.

– Бечевником новых вести придется, – сказал кто-то из мужчин. – До середины лета не поспеем.

– Коли поторопимся, без дров не останемся, – вздохнул другой. – Ремонт же покамест может подождать. Вот токмо как такое случиться могло? Стая, что ли, какая кочевала?

– Одной стаей так не управиться, – пригладил ладонью бороду первый. – Неладное тут что-то.

Славяне переглянулись. Вслух никто ничего не сказал, однако лесовика, вчера перекинувшегося на их глазах в волка, они не могли не вспомнить.

Белка, наблюдавшая за мужчинами из липовой кроны, перебежала по веткам на другую сторону перелеска. Там по краю луговины со всех ног мчался мальчишка. Увидев старших, еще

издалека закричал:

– Челноки!!! Ночью бобры погрызли все наши челноки!

Славяне кинулись к деревне. А белка, встрепенувшись, метнулась из стороны в сторону – и принялась деловито обгрызать сладкие липовые почки.

Андрей, сидящий между двух трухлявых стволов, открыл глаза, распорядился:

– Лапа и Шушун, раздевайтесь, берите ножи и полезайте в реку. Пройдите вверх по течению и срежьте все славянские ставни, какие найдете. Верши бобры уже сгрызли. Остальным держаться наготове. Вдруг селяне все же что-нибудь придумают?

Он снова откинулся назад и закрыл глаза, осторожно играя сознанием сильных лесных хищников и маленьких луговых зверьков.

И в ту же минуту от деревни послышался истошный женский вопль.

Мужчины, что только-только отнесли на двор порченые лодки, схватились за копья.

– Смотрите, смотрите, там!!! – бросив ведра, русоволосая девка указывала пальцем то в одну сторону, то в другую.

Сразу в нескольких местах на открытый луг вышли волки и спокойно расселись, с интересом наблюдая за человеческим жилищем. Достаточно далеко, чтобы не попасть под стрелу, но вполне близко, чтобы внезапным броском в считаные мгновения добежать до ограды.

– Проклятые дикари! Они напустили на нас порчу! – признал очевидное старик. – Султан и Полынь, возьмите копья и проводите девок до реки. Звери посидят да уйдут. Им тоже жрать охота.

Из дома послышался истошный визг:

– Мыши-и!!!

– Да чтоб вам всем! – Старик кинулся в ворота, закричал внутрь: – Все припасы в корзины и подвесить на веревках! И сторожить, чтобы не сгрызли! Да топчите же их, топчите!

Грызуны, уворачиваясь от ног, отступили к стенам, быстро вскарабкались наверх и принялись шуршать в камышовой кровле.

– Попортят, – пробормотал рыжебородый мужчина. – При первом же дожде потечет. Что делать, Велизар?!

– Великой Макоши и Похвисту молиться! – рявкнул старик. – Руны рисовать, отчитки читать! Это же просто порча, ее можно отвести.

Андрей недовольно поморщился и открыл глаза.

Велизар был прав – если славяне заговорят дом, внутри избы колдун будет бессилен.

Однако заговорить весь лес, поле, реку не способен никто. Значит, сразимся снаружи…

Чародей пошевелил пальцами, вскинул кисти рук.

С окрестных крон снялись тучи птиц, закружились – и стремительным потоком обрушились на ровные грядки славянского огорода, роясь в земле и выклевывая из нее семена и первые молодые ростки.

– Гони их! – кинулись к огороду мальчишки.

Стая снялась и рассыпалась в стороны. Изрытый и загаженный огород остался лежать мертвым. На нем теперь не осталось даже сорняков. Несущиеся вслед проклятия заставили колдуна улыбнуться.

– Все еще только начинается… – прошептал он. – Только начинается.

Припасы славян осаждали мыши и крысы, своих женщин они были вынуждены охранять даже в простых выходах за водой. Когда они отремонтируют лодки, то обнаружат, что снасти исчезли. В лес, к волкам, деревенские тоже вряд ли сунутся. А кушать ведь хочется…

Что же они станут делать?

– Где они могут быстро получить много еды? – спросил вслух колдун.

– Славяне часто разоряли наши бортни, Любый, – сказал Долгопят, поглаживая свою беличью малицу. – Нашли их несколько лет назад. Сейчас меда еще очень мало. Но лучше мало, чем ничего.

– Покажи дорогу, – поднялся колдун. – Надо приготовиться.

Осмотр дубравы, отчего-то облюбованной пчелами, дал Андрею ответы сразу на все вопросы. Увы, но никаких пасек здешние жители еще не изобрели. Ульи они просто отыскивали и время от времени разоряли – вот и вся нехитрая технология.

Но что способен найти один, то может разыскать и другой. Так что славяне разоряли эти гнезда с тем же правом, что и лесовики. Хотя, конечно, приречные жители посягали на лакомство из глубины леса, каковое исконные жители чащоб почитали за свое. И потому именно здесь чаще всего случались смертные битвы между сварожичами и потомками звериных родов.

– Чтобы не кусались, окуриваете? – спросил Андрей.

– Веревку через ветку перекинем, взбираемся и гнилушки жжем, – кивнул Долгопят.

– Хорошо, – покрутил головой колдун. – Тогда надобно выбрать несколько удобных мест для лучников. Таковых, откуда удирать удобно.

Колдун и воин лесовиков потратили на подготовку засады почти полтора дня – однако славяне пойти в лес не рискнули и вместо этого затеяли рыбалку. Ту самую, в которой Андрей уже попробовал свои силы: на червяков и можжевеловые палочки. Не самое добычливое занятие – однако два-три десятка рыбешек трое мужчин, не расстающихся с оружием, за день добывали. На семью в полсотни голодных ртов этого должно было хватить.

– Упрямцы, – не без уважения покачал головой чародей, наблюдая за стараниями селян из кустарника, перед которым ожидали его воли трое матерых волков. Однако Андрей не собирался посылать храбрых зверей на холодные железные наконечники. Он потер ладонь о ладонь и развел руки в стороны, призывая других помощников.

Мышки, уже успевшие уютно устроиться в толстой камышовой кровле, зашевелились, схватили каждая по ближней соломинке и поспешили вниз. Поднырнув под сваленный на дворе хворост и щепу, они оставили там свой груз, вернулись наверх, взяли еще чуток, спустились…

Всего по три ходки, по три соломинки от каждой мышки-малышки – а в глубине дровницы образовалась изрядная горка пересохшего за долгие годы камыша.

Колдун метнулся к стойбищу, возле него содрал с гнилого валежника два куска сосновой коры, подошел к очагу, на котором лесовики жарили лосятину, палочкой закатил на кору крупный уголек, накрыл вторым куском, взял в рот, перекинулся и серой тенью скользнул в деревню, поднырнув под славянские припасы. Разжал челюсти, позволяя угольку выкатиться на камыш, и так же стремительно умчался назад, остановился на краю луговины, водя ушами и носом.

– Гори-и-им!!! – первой опасность заметила какая-то из женщин.

Мгновенно забыв про серых хищников, славянки кинулись с ведрами к реке. Однако волки не только не напали на беззащитных жертв – они развернулись и скрылись в лесу. Колдун тоже не стал смотреть на схватку деревенских с огнем – потрусил на стойбище, вернул себе человеческий облик и подсел к общему угощению.

– Когда же мы наконец начнем войну, Любый?! – потребовал ответа розовощекий Брусник. – Уже пять дней со щитами и копьями ходим, а еще никого не убили! Разве это правильно?

– Тебе не терпится пролить кровь? – посмотрел на него Андрей. – Ты не боишься, что это будет твоя кровь, потомок оленя? Славяне храбры, а железные топоры и ножи не так уж и плохи в схватках, как кажутся.

– Ты обещал наказать славян за убийство!

– У них больше нет лосей, нет лодок, разорен огород; у них попорчена часть продуктов и кровля дома, – перечислил колдун. – Только что я сжег им накопленные за весну дрова. Как долго они смогут жить без еды и очага? Если славяне уйдут, оставив вам свои ловы и луга, разве это не будет для них самым страшным наказанием?

– Надо было сжечь не дрова, а дом! – горячо предложил лесовик. – Покончить со всей деревней разом!

– У них там в деревне еще и дети малые живут, – после короткой паузы сказал Андрей. – Ты готов жечь живьем детей, Брусник?

Молодой лесовик помолчал, играя желваками, поморщился и опустил голову.

– Это хорошо, что не готов, – одобрительно похлопал его по плечу колдун. – Есть черта, которая отделяет человека от голодного демона. До тех пор, пока ты не стремишься добиваться своего любой ценой, пока есть в тебе совесть и справедливость, ты находишься в мире живых. Переступишь… и все. Ты уже мерзкая тварь, которую ненавидят и свои, и чужие.

– Я просто забыл о них, Любый, – попытался оправдаться лесовик.

– Я тоже что-то упускаю, – запустил зубы в кусок сочного жареного мяса Андрей. – Славяне не пытаются ничего изменить. Как будто чего-то ждут…

Загадка разрешилась через день, когда снизу по реке подошла большущая крутобокая ладья: расписная, вся в каких-то красно-бело-фиолетовых полосах, с мачтой, несколькими парами весел и странным украшением на носу и на корме в виде утиной головы. Под бревенчатым домом корабль приткнулся к берегу, и с него сошло на мостки четыре десятка чернобородых рослых мужчин в толстых куртках до середины бедер и в высоких сапогах. Они были со щитами, с копьями и с маленькими топориками на длинных рукоятях. Инструментом бесполезным для работы с древесиной, но удобным для пробивания черепов в кровавых схватках.

Похоже, боги славян услышали молитвы здешних селян так же хорошо, как Любый слышал молитвы лесовиков, и прислали в помощь обиженным умелый карательный отряд.

– Крепкие ребята, – одобрил Андрей, рассматривая гостей глазами носящегося над рекой стрижа. – Посмотрим, посмотрим, насколько полезны окажутся ваши топоры против нашего голода.

Славянские воины оказались людьми активными и с рассветом нового дня, оставив возле ладьи одного крепкого

мужика и трех местных мальчишек, решительно двинулись в направлении бортней. Им на перехват Андрей отправил Шушуна и Долгопята, остальных оставил при стойбище, сам же задержался в бору, созывая свое главное воинство…

Рыжебородый воин скучал, сидя на брошенном поверх травы щите и отвалившись спиной на борт ладьи. Пальцами он перебирал собранные на нитке амулеты – крохотную деревянную уточку-Макошь, молот Сварога, кольцо Коляды, крест Похвиста, стрелу Стрибога, при этом насвистывая хороводную песенку. Местные мальчуганы играли в пятнашки, забыв про назначенную службу… Ну да ведь не ночь на дворе и не в лесу они остановились. Кто через луг сможет к кораблю незамеченным подобраться?

Мальчишки резко остановились. Воин тоже приподнялся и с изумлением увидел трусящих прямо к людям крупных волков. Шесть зверей слева, пять справа.

– Взбесились, что ли? – Он поднялся, подобрал копье, громко крикнул: – А ну, вон пошли! Кыш отсюда!

Волки зарычали, метнулись к мальчишкам. Те завопили от страха, сиганули через борт на корабль. Бородач ругнулся, побежал встречь на стаю, ударил копьем, не особо метясь. Серые отпрянули, зло потявкивая и скалясь. Воин уловил движение сзади, резко саданул туда окончанием ратовища. Один из хищников, скуля, покатился. Славянин приободрился, ударил в одну сторону, другую, удерживая волков на расстоянии. Деревенские ребята тоже оправились от неожиданности, расхватали весла и выпрыгнули наружу, с широкого замаха пытаясь прихлопнуть зверей лопастями.

Лесные гости отскакивали, рычали, крутились. И тут…

– Откуда треск? Вы слышите? – Бородач, грозя серым острием копья, попятился, заглянул за ладью и… – Что за проклятье?!

Плюнув на серых хищников, он кинулся на троицу бобров, деловито грызущих днище корабля. Те моментально шарахнулись назад, шумно плюхнувшись в воду.

– Береги-ись!!! – Сильный толчок в спину опрокинул воина лицом в осоку, правый локоть обожгло болью. Воин перевернулся на спину, дернул из ножен клинок… Но волки уже бежали прочь, спокойно и безмятежно, даже не оглядываясь. Славянин повернул лицо к кораблю и громко ругнулся. В борту светились сразу две сквозные дыры. Небольшие, с ладонь. Но…

– Что за дрянь тут творится, отроки?

– Мы же вам говорили! Лесовики порчу на деревню навели! Копьями от колдовства не избавиться, тут сила богов потребна!

– Без зеркал боги к вам не придут. – Бородач болезненно

поморщился, левой рукой осторожно поднимая правую и прижимая ее к груди, покачал головой. – Кажись, повезло. Не в шею клыки попали. Крови-то сколько! Будто ручей струится… Есть зеркала в деревне? Коли нет, богов не ждите. Они пешком не ходят.

– А через воду, дяденька?

– Через воду они сюда прийти могут, – оскалился воин. – Обратно же никак, токмо зеркалом. Не любят они без обратной двери путешествовать. Нас много, боги наперечет. Не поспевают.

– К бабкам тебе надобно, дядька, – спохватился один из мальчишек. – Бо кровью истечешь.

– А вы сами тут управитесь?

– Теперича да, – закивали юные славяне. – То мы от нежданности маненько сплоховали. Ныне же встретим, не сумневайся! И волков прогоним, и крыс речных тоже!

Бородач, баюкая руку с окровавленным локтем, побрел к дому.

Андрей же шумно выдохнул, повел плечами.

Серьезно испортить корабль врагов ему не удалось, это обидно. Теперь славяне будут настороже и бобров не подпустят, отвлекай не отвлекай. Однако колдун умел принимать неудачи с достоинством. Не вышло здесь, получится в другом месте. Как он отлично чувствовал, славянская дружина уже приближалась к бортням.

Чародей кувыркнулся вперед и серой тенью пронзил плотный сумрак леса.

Славяне пробирались по узкой извилистой тропе, прикрываясь щитами и держа наготове копья. Привыкли, видно, что свою главную ценность лесовики всегда пытаются защитить, и держались настороже. Даже в дубраве они не расслабились – седобородый голубоглазый воин с рассеченной губой расставил посты, наблюдающие за чащей во всех направлениях, остальные воины продолжали сжимать копья.

– Эк вас здесь сколько собралось… – Андрей скользнул душой по ближнему подлеску, поймал сознания барсука и лисицы, послал одного зверя к молодому лучнику, ждущему в засаде, другого – к старшему.

Незваные гости тем временем размотали веревки, раскрутили, забросили в крону. Бортники с дымящимися на поясах горшками полезли наверх.

Колдун зло прищурился…

Гнезда внезапно загудели, пчелы вырвались наружу сразу из всех ульев, устремились вниз – но не к трем бортникам, а на столпившихся внизу воинов.

– А-а-а, проклятье! – Люди, спасаясь, замахали руками, некоторые даже вскинули щиты.

Гудящие тучи отпрянули и… И воины увидели болтающихся на веревках соратников со стрелами в ногах и спинах.

– Что за… – Седобородый закрутил головой. – Кто стрелял?!

– Там они, там! – Один из бортников указал на густую поросль дубового молодняка.

Тут же ветки задрожали, сперва рядом, потом все дальше и дальше, выдавая путь спасающегося врага.

– Держи!!! – Сразу несколько воинов кинулись в погоню.

Несколько минут стремительной гонки, и… перед славянами небольшую прогалину миновал барсук, тут же нырнувший под папоротники. Опять затряслись растения, подсказывая, где прячется беглец.

Басовито тренькнула тетива – и стрела, пробив острым обсидиановым наконечником куртку замыкающего воина, засела у него в плече.

– Чтоб ты сдох! – Славяне развернулись, вскинув щиты.

– Он между нами!!! – закричал от бортней седобородый. – В цепь разворачивайтесь и на нас го-ните!

Прикрываясь щитами, воины быстро разошлись, опустили копья, стали пробираться вперед.

Андрей понял, что Шушун вот-вот попадется, отпустил птиц и белок, через которых следил за схваткой, распрямился, вышел из-за дерева, хлопнул в ладони.

В тот же миг в воздухе мелькнули топорики. Один чиркнул его по виску, второй ударил в грудь – по счастью, плашмя. Но от боли на миг перехватило дыхание, посыпались искры из глаз, и чародей откинулся на спину.

– Лю-юбы-ый!!! – Крик ужаса совпал с частым треньканьем тетивы. На славян обрушилось с десяток стрел. Кто-то из воинов закричал от боли, кто-то застонал, кто-то громко ругнулся.

– Уходите! – приподнявшись, махнул рукой колдун. – Я цел, бегите!

– Держи дикаря!!! – Славяне кинулись к нему, но взмах руки опять обрушил на воинов тучу пчел. И в этот раз Андрей не жалел ни людей, ни насекомых. Купленной этой ценой минуты хватило ему, чтобы перевести дух, перекинуться волком и умчаться прочь.

По ощущениям, удар топорика должен был сломать колдуну не меньше трех ребер – но когда Андрей снова вернулся в человеческий облик, то боль исчезла, а на теле не осталось даже синяка.

– Кажется, облик прародителя умеет неплохо исцелять, – ощупал грудь Андрей и тут же вскинул ладонь, напрягся, ища

вдалеке нужные глаза. Вскоре колдун знал, что славяне возвращаются в деревню, имея семерых раненых. Причем одного они несли на руках. Лесовики выглядели лучше. Шушун хромал, однако ран на нем чародей не заметил. Возможно, просто подвернул ступню.

– Вы сражались, Любый? – с жадной завистью спросил Брусник.

– Пролили немного крови, – признался Андрей.

– Кто победил?

– Даже не знаю, – пожал плечами колдун. – Мы слишком рано разошлись. Если славяне смогли добыть меда, то, выходит, верх взяла дружина. Если нет, то мы.

– Тогда ради чего вы дрались? – не понял паренек.

– У них теперь восемь раненых, почти нет ни дров, ни припасов и больше сотни голодных ртов, – усмехнулся чародей. – Удочками такую ораву не прокормить.

– Просто сходят на охоту.

– В чащу, Брусник? К нам в дебри? – Лесной колдун расхохотался. – Ты полагаешь, они бе-зумны?

Славянская дружина повела себя иначе. С рассветом увешанные оружием бородачи, сбившись в плотную колонну, вошли в лес немного выше по течению от деревни. Их вели узкими заросшими тропками четверо деревенских жителей, одетых куда хуже, а из оружия имеющих только копья и ножи. Судя по тому, что направлялись они аккурат в сторону стойбища, местные лесовики недооценили внимательность речных соседей. Дорогу к жилищам врагов славяне, похоже, знали.

– Все стрелы, что есть, с собой берите, – увидев это, скомандовал Андрей. – А я соберу всех милых малышей, каких найду… Твоя мечта исполнилась, Брусник. Без схватки, похоже, не обойтись.

Примерно на час пути около деревни тропинка была относительно ровной. Здесь падающие от дряхлости деревья, больной сухостой, всякий валежник местные жители сразу забирали на дрова, и лес потихоньку очистился от трухлявых завалов. Но чем дальше, тем больше встречалось на пути славян паданцев, мохнатых мхов, заросших папоротниками груд гнилья. Тропинка стала петлять, подниматься вверх, нырять.

Над одним из взгорков внезапно прошелестела стрела – и проводник завалился набок, сраженный в грудь.

– Щиты!!! – Дружинники моментально сомкнули строй, закрываясь от опасности. Тетива снова запела, в воздухе прошелестели еще две стрелы, бесполезно вонзившись в деревянные прямоугольники. – Кто-нибудь их видит?

– Под рябиной, воевода! – указал вперед белобрысый воин. Возле растущего на просвете дерева, всего в сотне шагов, стояли двое мальчишек с луками и еще трое со щитами.

Славяне ринулись вперед, прыгая со ствола на ствол, где-то соскальзывая, где-то проваливаясь в труху, выбираясь обратно, двигаясь и снова проваливаясь. Некоторые воины кричали, молотили кулаками ветки и труху, другие упрямо лезли через завал, стремясь завершить поход одной решительной схваткой. Прикрываясь от стрел щитами, они наконец-то сблизились достаточно, чтобы метнуть топоры. Два из них ударили в щиты лесовиков – и те нырнули куда-то вниз, в лабиринт трухлявых нор.

– Они нас выматывают, – опершись на копье, усмехнулся седобородый воевода. – Надеются дотянуть до темноты. Думают, мы повернем назад, побоимся ночевать в лесу. – И он закричал во весь голос: – И не таких умников обламывали! Мы не боимся вас, вонючие дикари!

– А напрасно… – произнес спокойный голос совсем рядом.

Воин повернулся на звук и увидел всего в пяти шагах совершенно обнаженного молодого дикаря – с бритой головой, татуировкой Коляды на груди и серебряным медальоном на шее.

– Х-ха! – Воевода с места ударил вперед копьем, но тут из-под сырого мшистого бревна у его ног выскочил крупный барсук и вцепился в левое бедро. Крик ярости слился с воплем боли, бородач потерял равновесие, а когда приподнялся, то и зверя, и дикаря уже и след простыл. А из раны потоком хлестала темная венозная кровь.

– Ты храбрый воин, Рарог, – сказала удивительно красивая статная темноволосая женщина в длинном, до пят, одеянии, расшитом черным жемчугом. Точно так же была украшена и широкая повязка, закрывающая ее лоб, а в центре золотых височных колец отливал обсидиановый диск. – Ты много и храбро сражался во славу сварожичей. Пришло время отдохнуть. Вот, испей сладкой медовухи, и пойдем. Я покажу тебе путь в дивный золотой мир.

Как зачарованный, воевода принял чашу из окованного серебром человеческого черепа и осушил в несколько больших глотков.

– Будь я проклят… – пробормотал Андрей, любуясь невесть откуда взявшейся нежитью.

Женщина услышала его, подняла взгляд, недобро прищурилась. Взяла седобородого воеводу за руку, отпрянула… И исчезла. А тело бывалого воина бессильно опало на влажный лесной мох.

– Рарог убит! – закричали увидевшие это славяне. – Рарога зарезали!

– Вот теперь, ребята, вы точно никуда не пойдете, – пробормотал колдун и пропал так же стремительно, как женщина с чашей.

Дружинники подтягивались обратно на тропу. Некоторые буквально ползли. Почти все, кто пытался добраться до лесных лучников, оказались покусаны прячущимся среди трухлявого завала зверьем. Как только нога воина проваливалась вниз, в нее обязательно вцеплялся енот, горностай или лиса. Некоторым зверюшкам удавалось едва-едва прокусить сапог, другие удачно догрызались до мяса. Однако теперь у всех славян обувь хлюпала от крови, а многие и вовсе не могли двигаться без посторонней помощи.

Путь у потрепанной чащобой дружины оставался только один…

Рассвет заливные луга встретили в белых клубах тумана. Славяне в это время хлопотали возле ладьи, заклеивая дыры в бортах тройным слоем бересты, посаженной на горячий сосновый вар. Закончив работу, здоровые мужчины столкнули корабль на воду. Первыми в него забрались немногочисленные женщины с малыми детьми, следом внутрь передали тяжелых раненых, тело завернутого в бересту воеводы. Последними забрались воины, сразу взявшиеся за весла.

Едва ладья выскользнула на стремнину, как налетел ветер, решительно разметал туман. Уходящие вниз по реке славяне увидели возле своего, теперь уже бывшего, дома несколько молчаливых фигур, вокруг которых нетерпеливо кружили широкогрудые серые волки.

* * *

Возвращение на болото прошло тихо и обыденно. Стремительный могучий волк, кувыркнувшись перед землянкой, тут же нырнул в низкий лаз, и спустя несколько мгновений Андрей с наслаждением вытянулся на хрустком, мягком и ароматном травяном ложе, накрытом замшевым одеялом.

– Наконец-то, Любый, – с облегчением кивнул шаман Велихост. – Я уже начал беспокоиться. Исчез вдруг, и ни единой весточки. Между тем к нам на берег, что ни день, охотники с разных родов сбираться начали. Все как есть прародители! И все сказывали, ты на войну их созываешь. А самого и нету вовсе, так оно выходит. И кто знает, может, сталось, что и сгинул ты в

битвах первых?

– Много собралось? – спросил, не открывая глаз, Андрей.

– Да преизрядно, Любый! – втиснулся в разговор Ченосик. – Вечор аж три десятка у костров грелось!

– Тридцать храбрецов – это много, – согласился колдун, вспомнив размеры славянской ладьи и число дружинников на каждой.

– Так что делать станешь, Любый? – спросил шаман, шуруя палкой в очаге. – Есть хочешь?

– То же, что и всегда, – зевнул Андрей. – Исцелять, оберегать, лечить. Гнать из людских шатров дочерей голодного демона.

– Вот и славно, Любый, – только обрадовался Велихост. – Когда ты скажешь об этом первопредкам?

– Сейчас и скажу. – Колдун потянулся еще раз, спрыгнул с полки и выбрался наружу.

Его возвращение не осталось незамеченным, и оборотни народа лесовиков успели подтянуться к землянке великого шамана, обратившего их в детей небесных духов. Появление Андрея они встретили дружными криками радости:

– Любый! Любый с нами! Лю-бый, Лю-бый! – И колдун уже привычно ощутил волны тепла, исходящего от них, волны жара, от которого кипела кровь, наполнялось остротой сознание, наливались силой мышцы и сама душа, увидел глаза Беролапа и Клювача, Сохота и Мимозыра, Хухри и многих других крепких молодых мужей, в которых разбудил тайный дар, собственноручно вернув им звериную душу.

– Слушайте меня, дети небесных духов! – развел руки, глядя на них, молодой чародей. – Недавно славяне убили одного из наших братьев… – Он обвел взглядом оборотней и выдохнул: – И сегодня мы изгнали этих убийц с нашей земли! Изгнали весь род вместе с дружиной, что примчалась защитить их от моего гнева!

Лесовики встретили это известие криками бурного ликования. Вестимо, это была первая победа над славянами на их памяти.

– Это земля лесов, дети небесных духов! – что есть мочи прокричал Андрей. – Все, кто пришел в этот мир, должны принять закон леса или убраться прочь!

– Да-а-а!!! – обрадовались оборотни.

– Готовы ли вы пойти за мной, дети небесных духов, и донести наш закон до самых дальних лесов этого мира?!

– Да-а, Любый! – подняли сжатые кулаки его преданные слуги.

– Нож! – выкрикнул он. – Дайте нож!

Кто-то торопливо сунул ему в руку короткий обсидиановый

клинок, и колдун решительно вонзил его в землю:

– Бегите, дети мои! Отнесите мое слово к самому дальнему очагу и самому тихому чуму! Пусть сбираются все! Пришло время небесных духов! Мы возвращаем земле закон леса! Несите мою весть, дети мои! Время пришло!

– Время пришло! Время небесных духов! – Сбрасывая одежду, лесовики разбегались и один за другим кувыркались через нож, чтобы в зверином облике умчаться во все стороны света от маленькой неприметной землянки на краю обширного зеленого болота.

Время небесных духов

Повторный призыв победителя дочерей голодного демона возымел воздействие – и спустя две недели возле землянки Любого разбили лагерь почти полтораста храбрецов, готовых пролить кровь во славу своего народа, взять в руки оружие и выйти на битву с угнетателями. Причем половина из них оказалась просто людьми, неспособными к преображению. Увы, но воины в лесном народе рождались примерно в одном лишь стойбище из десяти.

Однако Андрей не собирался опускать руки. Ведь вторая половина его воинства была оборотнями!

Еще месяц ушел на то, чтобы обеспечить маленькую армию оружием. Колдун хотел иметь по десять щитов, десять копий, десять палиц, десять одежд на каждого «прародителя» и десять луков на каждого лучника. А кроме того – все это богатство было спрятано по берестяным челнокам и скрытно, тайно от славянских глаз, развезено темными ночами вдоль рек и укрыто в чащах, возле узких проток.

Только в середине лета колдун наконец-то смог отложить свою личную борьбу с аппендицитами, сепсисом и гангреной и скользнуть над ближними чащами, одеваясь в лесных стойбищах и выходя к рекам, к большим бревенчатым домам, требуя внимания:

– Слушайте меня, славяне, и не говорите, что не слышали! Вы живете на земле лесов и обязаны чтить законы леса! Вы не должны тревожить бортни лесного народа, они принадлежат не вам. Вы не должны мешать лесовикам выходить к рекам и делать здесь все, что они пожелают. Реки принадлежат не вам. Вы должны чтить праздники лесного народа, приносить дары хозяевам леса, возвести идолы Любого и молиться ему о защите от бед и болезней! Торгуя с варягами, вы должны брать соль на долю лесного народа. За попытку продать варягам пленного лесовика – смерть виновному и изгнание роду!

В лучшем случае ответом колдуну был смех и оскорбления. Иногда «вонючего дикаря» пытались отловить – как раз для варягов.

Этим летом торговцы давали за крепкого молодого раба целых два мешка соли!

А потом наступала ночь. В полуночном мраке из чащи выходили молчаливые воины с копьями, щитами, палицами и выстраивались возле дома. Следом лес выпускал стада кабанов и оленей – и звери, сочно чавкая, перерывали все грядки окрест,

сжирая репу и брюкву, лук, огурцы, капусту, даже горчицу. Все, что только могли найти.

Славяне в бессильной ярости наблюдали, как гибнут плоды их труда, как деревни их остаются без зимних запасов, как волчьи стаи режут кормильцев-лосей. Сыпали проклятьями, обещали месть, призывали бесчисленные кары на головы дикарей – но сделать ничего не могли. Ни одна деревня нигде на реке не могла выставить разом больше полутора десятков мужчин. Против полусотни готовых к битве лесовиков они были бессильны.

Потом наступал рассвет.

Некоторые деревни, поняв, что пережить зиму не смогут, просто собирались и уходили на восток. Некоторые пытались спасти родной очаг – заготавливать дрова вручную, собирать грибы, ловить рыбу. Однако на страже ведущих в лес тропинок неизменно вставали волки и медведи. И хотя они отступали перед вооруженными мужчинами – но много ли удастся набрать валежника, когда рядом бродит косолапый, готовый задрать, едва повернешься к нему спиной? Много ли получится собрать грибов, когда на каждую девицу по два сторожа надобны?

Проходили дни – и деревни, кроме самых упрямых, сдавались, освобождая реки истинным хозяевам. Излучина за излучиной, перекат за перекатом…

Из Кулома в защиту сородичей почти сразу направились полные дружинников ладьи. Вот только славяне передвигались реками, а лесовики – чащами. Андрей врагов видел с высоты птичьего полета – им же о месте появления детей небесных духов приходилось только гадать. Бородачи, выматываясь, гоняли свои корабли то вверх, то вниз, но лесной народ раз за разом разорял селения, стоящие от них аккурат в двух днях пути.

К осени на ближних к славянской крепости реках осталось всего с десяток деревень, и лесовики впервые за все время обложили одну из них, не прячась в спасительную чащу, а стоя от бревенчатого дома на удалении полета стрелы, вовсе не позволяя врагам выходить за пределы изгороди.

Лесовики сидели у костров, пекли на углях рыбу и попавших в силки птиц, играли в кости и воротики, метали копья на дальность и точность, вечерами пели и веселились, иногда, под настроение, призывая славян выйти и составить компанию.

– Не понимаю, на что они надеются, Любый? – спросил как-то большерукий Беролап сидящего среди воинов Андрея. – После первых заморозков славянам придется есть друг друга!

– Они надеются на две ладьи с дружиной, что еще три дня назад вышли из крепости и спешат сюда, – поделился знанием колдун. – Еще через вечер здесь высадится почти сто храбрых и

опытных бородатых воинов. Против такой силы нам, друг мой, не устоять. Славяне отличные бойцы, этого у них не отнять.

– И что будет? – Улыбка быстро сползла с лица Беролапа и ближних лесовиков.

– Они воины, друзья, а вы дети небесных духов, – пожал плечами Андрей. – В своем истинном облике вы способны промчаться отсюда до Кулома всего за один день. Там, на одной из проток, Велихост прячется в кустах с челноком, полным копий и палиц. Все, что нужно нам для битвы. Послезавтра здесь появится сто куломских воинов. А в самом Куломе останется не больше тридцати. Зачем сражаться здесь, если можно сделать это там?

– Любый, ты хочешь?.. – У охотника округлились глаза.

Андрей многозначительно поднял палец к губам.

– Но это невозможно!

– Детям небесных духов? – теперь уже изумился колдун. – Забудь слово «невозможно», Беролап! Вы способны на все!

Вечером следующего дня лесовики, как бывало обычно, разложили костры и до самой темноты пировали возле них. А затем тихо ушли в темноту и кувыркнулись через нож, оставив одежду и оружие Лапе, Долгопяту и Шушуну, загнавшим в соседний ручей два челнока. И вскоре разношерстная звериная стая из рысей, волков, оленей, медведей, лис и даже куниц помчалась через темные чащобы точно на закат.

И уже к полудню нового дня почти сто хорошо вооруженных лесовиков вышли из леса на прилегающие к Кулому луга, устроив загонную охоту на пасущихся там лосей. Андрей наблюдал за этим, стоя на опушке редкого полупрозрачного осинника, уже потерявшего половину листвы, а заодно с интересом рассматривал славянскую крепость – теперь уже собственными глазами, а не с высоты птичьего полета.

Вблизи твердыня оказалась не так велика, как он ожидал. Большой бревенчатый треугольник со стенами в сотню шагов длиной каждая. Она возвышалась на обрыве у слияния двух полноводных рек, однако особой разницы между укреплениями приречными и луговыми не замечалось. Как в сторону поля бревна поднимались на высоту в четыре человеческих роста, так и над обрывами возвышались точно так же.

От реки до реки напрашивался ров, но защитники то ли поленились, то ли еще не придумали такого оборонительного препятствия. Либо нужды не видели. Вряд ли среди здешних лесов кому-то хоть раз за всю историю мира удавалось собрать армию больше той, что призвал шаман Любый, победитель дочерей голодного демона. А супротив варяжских ватажек или

мелких племенных банд город и так являлся непобедимой цитаделью.

Ни рва, ни подвесного моста, ни толковых ворот. Не считать же воротами переносные щиты из жердей!

Зато на выходящем к реке острие треугольника возвышалась широкая башня, на которой, возле бунчука с волчьими хвостами, стоял караульный. Однако вряд ли это сооружение имело особые оборонительные функции. Скорее всего башню возвели просто для красоты.

Под башней лежали ладьи, целых четыре штуки. Что ни говори, но славяне были настоящим народом рек. Без лодок – никуда.

В створках ворот возникло шевеление. Однако горожане их не закрывали, нет. Наоборот – наружу высыпали два десятка воинов и кинулись спасать лосиное стадо.

– Двадцать против ста? – пробормотал Андрей. – С ума сошли?

Правда, среди воинов, одетых в толстые кожаные панцири и пухлые меховые шапки, выделялся один, излучающий слабое сияние. Он размахнулся, метнул копье. Оно размазалось в воздухе темным штрихом и с расстояния почти в две сотни метров пронзило насквозь одного из лесовиков! Ближний славянин дал своему богу другое копье, тот опять откинулся в замахе…

– Проклятье! – Колдун рванул завязки одежды и прыгнул вперед, перекидываясь в кувырке. Иначе он просто не успевал. Мелькнул через поле, целясь светящемуся врагу в горло, прыгнул… Но воин оказался слишком шустрым, пригнулся – и Андрей влетел в толпу славян, раскидав мужчин, словно кегли. Развернулся, снова прыгнул на местного бога. Тот выхватил топорик, тут же рубанул. Волку удалось уклониться лишь в самый последний миг. Железное лезвие с шелестом скользнуло по плотной толстой шерсти на плече, глубоко вошло в землю.

Колдун опять кинулся вперед, к горлу. Враг откачнулся, отступил, оставив топорик, выхватил нож.

Остальные славяне пытались помочь своему богу, тыкали в Андрея копьями, кидали топоры, но все их движения были слишком медленными, вязкими, волк уходил от опасности без усилий. В ходе схватки он перемещался слишком быстро для простых смертных. Их оружие неизменно опаздывало, било в пустоту. Но вот славянский предводитель…

Клыки колдуна прыжок за прыжком клацали в воздухе. Его враг пятился, широко раскачиваясь, и раз за разом пытался уколоть врага в морду. После нескольких таких выпадов Андрей

привык к его манере боя и упустил тот миг, когда нож вместо короткого укола пошел широким взмахом и понизу, пропоров колдуну шкуру и плоть под ней. Холодное железо остановили только ребра, да и на тех наверняка осталась глубокая царапина. Волк взвыл от боли, падая набок, попытался встать, но сильный пинок опрокинул зверя на спину. Бог стремительно опустился на колено, левой рукой удерживая колдуна за лапу, вскинул нож, опустил, целясь в сердце. Андрей резко, до хруста в шейных позвонках, вывернул голову, открыл пасть, и запястье врага само напоролось на нижние клыки.

Пасть резко сомкнулась, и местный бог взвыл от боли, роняя оружие. Колдун ослабил хватку, перевернулся на лапы, вскочил, увернулся от медленно приближающихся копий и, оставляя в воздухе след кровавых брызг, прыгнул вперед. Однако светящийся воин ухитрился отмахнуться левой рукой, отведя совсем близкие клыки от своего горла. Правда, сильный толчок опрокинул его на спину. Андрей кувыркнулся, пролетая дальше, опять вскочил, зарычал, увидев перед собой ровный ряд щитов и опущенных копий. Славяне сомкнули строй и быстро пятились, унося своего покалеченного предводителя. У колдуна же от каждого вздоха болели надрезанные ребра, из раны струилась кровь, унося силы. Поэтому маленький отряд он отпустил, проводив рыком и тяжелым взглядом. Сам же потрусил на дальний край луговины, перекинулся в человека.

– Любый! Любый, ты цел? Живой? Тебе помочь? – кинулись к колдуну Сохот, Клювач, Добронрав, другие лесовики.

– Ерунда, царапина, – отмахнулся колдун, потянулся за одеждой.

Ребра Андрея продолжали болеть даже в этом облике, однако рана исчезла. Похоже, изменение тела восстанавливало плоть, спасая даже от самых тяжелых повреждений. Если так, то опасно ранить оборотня невозможно – исцелится за минуты. Только убить…

– Надеюсь, славянские боги не столь живучи, – пробормотал чародей, глядя, как в крепости заставляют щитами ворота. – И хотя бы пару дней после увечья здешний хозяин сражаться не сможет.

Славяне готовились к осаде, расставляя на стене воинов, затаскивая наверх крупные камни и деревянные чурбаки, поднося защитникам копья и стрелы.

Лесовики, угнав сохатых, разбили лагерь прямо на лугу, на виду противника. Ели, пили. Некоторые храбрецы выходили вперед, пускали в город стрелы. Караульные изредка отвечали. Но особого толку от этого не получалось. На столь большом

удалении никто ни в кого ни разу не попал. Просто немного попугали.

День катился к закату. Лесовики, закончив с жарким из лосятины, стали укладываться возле очагов, не оставив вовсе никакой стражи.

Славяне оказались более внимательны, поставив на стенах пятерых караульных: двоих у ворот, одного на башне и еще по воину на приречных стенах.

Над городом неспешно сгущались тучи, и это означало, что ночь надвигается темная, безлунная и беззвездная. Людям оставалось надеяться только на факелы.

Выросшее в Куломе поколение горожан никогда не знало войны. Страх, неожиданность, тревога долго мешали успокоиться укрывшимся в домах-стенах жителям. Лишь далеко за полночь они наконец-то успокоились. Утихли голоса, прекратились шевеления. Сонный покой прерывался только храпом некоторых бородачей да жалобным детским посапыванием.

– Пора, – решил Андрей, глядя на крепость с башни глазами серенькой полевки. – Не ждут…

По лагерю лесовиков побежали посыльные, поднимая воинов легкими прикосновениями. Часть из них, осторожно ступая, двинулась к городу, а полтора десятка, наоборот, окружили колдуна.

– Во имя прародителей наших славных, подаривших нам жизнь. – Шаман Велихост опустил на землю свой корявый посох. – Во имя духов небесных, сей мир сотворивших… – Он вонзил в посох каменный нож. – Верните славу родов наших, славные дети лесов!

Лесовики сбросили одежду, прыгнули через нож – и, обгоняя товарищей, к славянской твердыне промчались несколько рысей, медведей и куниц. По шершавым бревнам стен они взметнулись наверх так же легко, как бежали по наволоку, удары могучих лап переломили спины, снесли черепа сонным привратникам; сильные тяжелые кошки, сбив с ног караульных на стенах, рванули когтями артерии, впились в шеи клыками. Куницы же сразу скатились во двор, бросили на песок принесенный в зубах нож, перекинулись через него обратно в людей и стали спешно разбирать запоры ворот.

– Береги-и-ись!!! – дольше всех продержался воин на башне. Он ухитрился закрыться щитом от прыжка рыси, бросить бесполезное в близкой схватке копье и выдернуть нож. Но тут ему на спину запрыгнула еще одна огромная лесная кошка, повиснув на вороте, другая впилась в руку с ножом, еще кто-то пронзил клыками сапог. Караульный потерял равновесие и упал на спину,

закрыл голову щитом. Однако когти тут же принялись рвать панцирь на животе, воин ударил туда окантовкой – и тем самым открыл зверью свое горло…

Сигнал тревоги поднял бородачей с постелей, они выскочили во двор как раз в тот миг, когда закрывающие ворота щиты опрокинулись, и внутрь хлынули многие десятки лесовиков. Славяне отреагировали мгновенно: захлопнули двери в дома, накинули засовы, подперли створки палками. Отогнали визжащих женщин дальше в глубину дома, приготовили топоры.

Однако лесовики вместо того, чтобы выламывать двери, наоборот – завалили их снаружи принесенными от ворот жердяными створками.

Шум схватки доносился только из башни, где под входом на боевую площадку обнаружилась спальня славянского бога. Однако тот даже одной левой смог отогнать рысей от своей женщины и вместе с нею отступил ниже, а лестницу славяне перекрыли первыми попавшимися под руки бочками, циновками, дровами.

Дети небесных духов поступили точно так же – двое косолапых передвинули на лаз тяжелую хозяйскую постель.

К утру наступило затишье. Разделенные толстой бревенчатой стеной, славяне и лесовики достать друг друга не могли и ждали, что будет дальше.

Андрей же, войдя в крепость, поднялся на башню и с наслаждением любовался рассветом, неспешно окрашивающим реку и берега сперва в красный, затем в розовый, желтый и, наконец, в белый свет. Солнце разбудило ветер, хищно кинувшийся к воде и вздыбивший ее частой рябью, зашелестевший листвой в рощах, раскачавший деревья в ельнике на противоположном берегу. Следом проснулись птицы в окрестных лесах и устроили радостные песнопения. В реках заплескалась рыба, норовя допрыгнуть до носящихся над самой водой стрекоз.

На боевую площадку поднялись Велихост, торжественно стучащий посохом, и все еще обнаженный Беролап.

– Город твой, Любый! – торжественно объявил шаман. – Приказывай!

– Все собранные славянами дрова побросайте в реку, – негромко распорядился колдун. – Припасы из амбаров; рыбу, мясо, бочки с яблоками и огурцами, грибами, бурты с репой, свеклой и прочие коренья… Словом, все, что найдете в здешних кладовых, грузите в ладьи и уводите вверх по левой протоке. По правой сюда дружина мчится, через два дня здесь будет. Коли в ладьи все добро не поместится, раскатайте на бревна любые

срубы и свяжите плоты. Их, понятно, тянуть получится труднее. Но… но своя ноша не тянет, разве нет?

– А славяне? – осторожно спросил Беролап. – Их совсем мало. Найдем таран, высадим двери…

– Там три десятка воинов, дружище, – прищурился Андрей. – Славяне умеют драться. Вы их, понятно, перебьете. Но ведь при этом дети небесных духов тоже погибнут. Пусть десять, пусть даже только пятеро. Зачем тебе везти к родным очагам мертвых друзей, если ты можешь привезти мешки с солью, квашеную капусту и прочие подарки?

– Любый, ты что, хочешь оставить город славянам? – Парень не поверил своим ушам.

– Зима близко, Беролап, – усмехнулся колдун. – Зачем мне холодный город без дров и еды? Если тебе он так нравится, приходи сюда после заморозков. Поверь мне на слово, он будет стоять пустым.

– Воля твоя, Любый! – повеселел парень и побежал вниз.

– О чем ты думаешь, посланник небесных духов? – Старый шаман встал у молодого чародея за спиной.

– Ты не поверишь, Велихост, но в будущем окажутся никому не нужны ни повелители зверей, ни целители, ни укротители дождей. – Колдун вытянул серебряный кулон с янтарной вставкой, сжал в кулаке, ясно чувствуя текущее через амулет нежное тепло, его пульс, его чистоту. Андрей словно прикоснулся к руке любимой, ждущей чародея там, по другую сторону вечности. – Вот и мыслю я, мой преданный друг… Если мы уже здесь, а наше будущее еще только там, то почему бы его не изменить? Представь себе мир, в котором поклоняются не квантовой физике, Христу и пиву, а великому единому вседержителю по имени Любый! Вернуться в такое общество будет намного интереснее, как полагаешь?

– Мир лесов без конца и края, – негромко проговорил шаман.

– Мир лесов, – согласился Андрей. – Мир единобожия. Мир нашего народа.

– Духи небес дали тебе великую силу, Любый. Твоя воля – их воля. Пусть он настанет, этот новый мир! – притопнул посохом шаман. – Время пришло!

* * *

Возвращение воинов с тяжелой обильной добычей в родные стойбища вызвало у лесовиков небывалый взлет патриотизма. К кочевью потянулись добровольцы, и очень скоро дружина Любого

выросла с полутора сотен воинов почти до двух тысяч. Увы, но среди этих ищущих славы парней разве только один из пяти обладал даром небесных духов. Армии оборотней у колдуна пока не получалось.

Впрочем, простым смертным тоже находилось много важных поручений. Самое главное, конечно, – это скрытное перемещение оружия к местам возможных схваток. Воинов становилось все больше – и в пару челноков их снаряжение уже не помещалось. А кроме того, в грядущих битвах во множестве понадобятся и лучники, и копейщики, способные в считанные мгновения выстроить стену щитов, опасно ощетинившихся длинными пиками.

На землю лесов пришла новая весна, и когда спало половодье, Андрей снова пошел вдоль рек – но теперь повернув на юг, к Каме. По нескольку раз в день он выходил к жердяным оградам, опирался на верхние слеги и спокойно сообщал:

– Слушайте меня, славяне, и не говорите, что вы не слышали! Вы живете на земле лесов, возделывая здесь грядки, ловя рыбу, заготавливая дрова, валя деревья для своих домов. Если вы желаете жить здесь и дальше, то пришло время принять законы леса…

Больше никто из славян над ним не смеялся.

– Чего ты хочешь от нас, шаман? – уже во второй деревне спросил его седой морщинистый старец. – Поклонения? Девок? Доли в наших стадах и уловах?

– Я хочу, отец, – ответил ему Андрей, – чтобы дети лесов могли без опасения ходить по родным местам. Чтобы даже на реках и даже одиноких охотников никто не убивал, не ловил и не продавал варягам. Я хочу, чтобы вы не трогали лесные бортни и приносили дары маленьким хозяевам. Хочу, чтобы вы приходили на праздники народа лесов и радовались с ними общим торжествам. Чтобы, меняясь с варягами, вы брали у них соль и для соседних стойбищ. Если вам захочется меда, мехов, добротных шкур, вы всегда сможете сменять их в звериных родах на рыбу, соль, шила или иглы, без ссор и вражды. Вы ведь намного лучше рыбачите и возделываете огороды, чем охотитесь! Я хочу, чтобы вы утопили все камни, которым приносите свои требы, и вместо них поставили в святилищах идол Любого, великого посланника небесных духов.

– Иными словами, шаман, ты хочешь, чтобы мы перестали быть славянами и стали лесовиками? – тяжело вздохнул местный старейшина.

– Ваши дети без опаски смогут ходить хоть в темных чащах, хоть по светлым рекам, – развел руками Андрей, – вашим стадам

перестанут угрожать дикие звери, а огороды всегда будут обильны и плодородны, влажны и залиты солнцем. Покой, мир, здоровье, благополучие, многие союзники даже в самых темных дебрях. Что в этом плохого, отец?

– Мы сварожичи, шаман, – тихо возразил престарелый славянин. – Плоть от плоти его, кровь от крови. Мы издревле молимся Макоши и Триглаве, Похвисту и Хорсу, Даждбогу и Гамаюну.

– Жители великого города Кулома тоже молились этим богам, отец, – скривился в усмешке колдун. – Сильно им это помогло прошлой осенью? Боги защитили их? Спасли от разорения? Сберегли их город? Любый же защищает детей своих рьяно и искренно, днем и ночью, оберегает от болезней, упреждает от опасностей.

– Но это не наш бог!

– Отец, нельзя жить на земле лесов и молиться чужим богам, – покачал головой Андрей. – Земля отторгнет вас, отец, как отторгла славян на северных реках. Я не угрожаю вам, поклонники речных течений. Не сулю крови, не обещаю болезней. Оставайтесь здесь, будьте здоровы и счастливы. Но если вы хотите, чтобы земля лесов стала вашим домом, примите исконных богов! Настало время выбирать. Либо уютный дом и покровительство Любого, либо долгий путь по быстрым рекам в дальние края.

– Ты не боишься, что я обману тебя, шаман? – наклонившись к гостю, прошептал на самое ухо старик. – Пообещаю отречься от отчих богов и не сделаю этого?

– Ты можешь обмануть меня, отец, но никто не в силах обмануть бога, – чуть улыбнулся колдун. – Земля не примет ваш род до тех пор, пока Любый не услышит средь общих голосов вашей молитвы. Выбирайте скорее, отец, ибо волки ныне голодны. Они могут принять ваших лосей за чужаков.

Чем дальше спускался на юг Андрей, тем чаще возникали у славян такие вопросы. Мало кому хотелось покидать родные дома, обжитые земли. Колдун же не просил у них слишком многого. Он был мягок и дружелюбен.

Пришелец из будущего сумел сделать из пережитых испытаний правильные выводы.

Если бы сальный самодовольный Квасур встретил чужака добром, то сейчас Андрей наверняка бы командовал одной из славянских ладей с воинами, отлавливающими банды лесовиков в протоках у торных волжских путей. Если бы его приветила змееногая Табити, сейчас он был бы ее преданным слугой и, может статься, охотился за рабами среди лесных опушек. Но боги

славян и скифов захотели странного гостя унизить… И тем подписали себе смертный приговор.

Андрей не желал повторить подобную глупость и потому из каждого незнакомца старался сделать верного союзника. И только если это не удавалось… наступало время гнева.

Для славянских деревень это время еще не пришло. Колдун почти месяц ходил вдоль прикамских рек, но не садились еще в ладьи дружинники, не мчались боевые корабли в помощь сородичам. Значит – никто из услышавших его предупреждение селян о помощи к богам не взмолился. Обитатели деревень выжидали, не зная, к кому прислониться. Лесовиков больше не обижали, бортни не трогали, но и с молитвами к святилищам новым не спешили. Следовало помочь им определиться с выбором.

* * *

Город Кебрат стоял в необычайно удобном месте – неподалеку от Камы, в окружении сразу трех обширных озер, на небольшом возвышении посреди просторной низины, на севере постепенно сходящей в просторное болото. Озера были обильны рыбой, болота – мхами и ягодой, низина каждую весну подтапливалась талыми водами, и потому настоящий лес на ней так и не поднялся, а чахлые больные деревца славяне легко выкорчевали, превратив огромный наволок в бескрайний огород, к середине лета густо зеленеющий от ботвы.

Единственный недостаток сей долины – за дровами далеко ходить. Однако могучие лоси легко справлялись и с этой трудностью, каждый день доставляя в город длинные тяжелые сухостоины, охапки валежника и строительные жердины.

Легко понять, что речной народ обосновался здесь вольготно, отгрохав могучую твердыню аж из трех колец высоких бревенчатых стен с ровной крышей, промазанной толстым слоем глины от воды и крытой дерном – чтобы дожди не размывали. Часть домов была отведена под амбары и мастерские, часть – под жилье, часть – под хлев. Кебрат был столь богат и могуч, что в нем даже скот зимовал под крышей!

Не весь, конечно, только стельные телки да слабый молодняк. Но мало кто в мире мог позволить себе даже такую роскошь!

В самом центре города располагалась просторная площадь, способная легко вместить все его огромное население – почти пять тысяч человек – и еще дважды по столько же гостей. Хотя, понятно, использовалась она не для праздников, вече или иных

глупостей, а для важной насущной цели: на зиму здесь, в самом защищенном месте, складывались бурты репы, свеклы и других овощей, что кормили горожан всю долгую зиму.

Выкопать для своих обильных урожаев погреба Кебрат не мог – земля не позволяла. Даже в центре города яму по пояс копни – и то уже вода проступает. А уж в половодье – иногда прямо между городскими стенами рыбка плещется. Тут не то что погреб рыть – порой на стену остатки припасов утаскивать приходится.

Правил этой жемчужиной славянских рек внук самого Даждбога могучий Подага – невысокий, но широкоплечий муж с непропорционально большой головой, спрятанной под пышными и длинными каштановыми волосами, и с такой же разлапистой бородой. Глаза его постоянно смотрели на всех с подозрительным голубоватым прищуром, а большой мясистый нос забавно шевелился при разговорах, словно всегда хотел добавить что-то от себя. За свои триста с небольшим лет Подага стал уже бывалым, многоопытным воином, и потому известие о разгроме лесными дикарями Кулома он воспринял со всей серьезностью, подробно расспросил спасшихся воинов о ходе битвы и сразу принял меры для укрепления обороны: усилил все ворота дополнительными запорами, каковые каждый вечер собственноручно заговаривал заклинаниями от чужих рун, дозоры повелел выставлять тройные, дабы при опасности не поодиночке воины отбивались, а плечом к плечу. А кроме того, еще и дальние заставы придумал, дабы об опасности возможной задолго упреждали.

Именно эти заставы и доставили Андрею больше всего хлопот. Перебить их внезапным нападением было бы нетрудно – да только гибель дальнего дозора – это ведь и есть первейший сигнал тревоги. Отвести глаза воинам у колдуна тоже не получилось – везде обереги да амулеты, никакого от них спасения. Так что лесовикам пришлось сотня за сотней тихо и осторожно просачиваться между караульными сквозь самые непролазные завалы, каковые речной народ считал непроходимыми.

Ко времени созревания первой черники на Каме надолго установилась сухая и солнечная погода. Из-за жары на огородах начала жухнуть ботва, и потому Подага, в сопровождении жены посетив святилище и вознеся молитву своему деду, Триглаве и Макоши, торжественно воздел руки к небу, провозглашая трехдневные дожди. По небу почти сразу начали кучерявиться мелкие белые пятна, потихоньку стягиваясь в плотную облачность. Огородники принесли дары священным камням и

правителю города, на чем молебен и закончился. Славяне начали расходиться.

На берегах Камы потихоньку становилось все пасмурнее. От дальнего леса и со стороны озер к городу пополз густой, как молоко, туман. За пару часов он добрался до святилища, обогнул его, отчего-то не проникнув на землю, намоленную многолетними обрядами, двинулся дальше и уперся, словно в невидимую стену, в старую, почти осыпавшуюся борозду, пропаханную минувшей осенью женщинами Кебрата для защиты от болотных болезней, нежити и прочих напастей.

– Смотрите! – оторвавшись от стены, вытянул руку привратник. – Что это?

Из тумана вышел старый шаман, обвешанный звериными хвостами, встал ногами по разные стороны борозды, забормотал что-то, откинув голову, с силой опустил свой посох в борозду, вскинул ладони, омыл ими лицо, с силой хлопнул, выдернул посох и положил поперек борозды. Туман качнулся и с облегчением покатился дальше…

– Вторуша, Ерш, Рябиник, ну-ка, сходите, проведайте, что сие за лесовик? – пригладив курчавую бороду с несколькими косичками, распорядился старшина привратной стражи.

Трое молодых воинов, разобрав копья, отправились к странному гостю. Щиты оставили – чего понапрасну тяжесть таскать?

– Первый раз на памяти моей такое случается, – оценил рыхлую молочную стену старшина. – Ни зги не видно!

Из тумана вдруг шмыгнули распластанные над самой землей серые тени, стремительно влетели в распахнутые ворота. Целый поток теней, многие десятки.

– Волки? – растерянно пробормотал бородач.

Но прежде чем он успел еще что-либо сообразить, из тумана выкатился крупный медведь и одним взмахом лапы смахнул ему голову, отшвырнул второго караульного, вцепился клыками в лицо третьего.

– А-а-а!!! – завопил во весь голос мальчишка из самых дальних воинов и крепко сжал копье. – Трево-о-ога-а-а!!!

Медведь повернулся к нему, оскалился. Безусый воин что есть силы ударил врага пикой в грудь, но зверь оказался слишком быстр: отмахнул наконечник лапой, другой ударил храбреца по плечу, швыряя об угол стены, подпрыгнул и шустро вскарабкался на стену, где пять рысей обложили тройку дозорных. Затем поднялся на задние лапы, оказавшись на две головы выше людей, оглушительно заревел. Воины вскинули щиты – рыси тут же вцепились в открывшиеся ноги, опрокидывая врагов наземь…

По широким проходам между стенами все еще мчалась, сбивая с ног баб и детишек, серая стая. Мужчин волки так просто не отпускали. Либо походя цапали клыками за бедра, вырывая куски плоти, либо подпрыгивали и прихватывали за руки. У вторых ворот стая разделилась. Половина хищников кинулась на стражу, буквально завалив не ждавших атаки воинов телами, а еще с полсотни мелькнули дальше и остановились только в последних, третьих, воротах, в считанные мгновения порвав воинов.

В этот самый миг в первые, наружные, ворота, закрыть которые оказалось некому, быстрым шагом вошли храбрые лесовики – с черными копьями из обсидиана, с овальными, украшенными горячим тиснением щитами, в шапках, вывернутых мехом внутрь, и в куртках с толстыми наплечниками.

– Тревога!!! Трево-ога-а!!! – катилось по улицам города. – Дикари! Дикари здесь!

– И оборотни, – добавил Андрей, торжествующе выходя в самый центр главной площади города. Он крутанулся, засмеялся.

У него получилось! Он захватил ворота днем, не дав завалить их баррикадами, укрепить подпорками и заклинаниями. Воины народа леса уже внутри, и теперь остановить их не по силам никому.

– Лучников на стены! – Чуткое ухо колдуна уловило четкие отрывистые приказы. – Пусть бьют чужаков сверху. Мужчинам перекрывать ходы. И без дури! Поодиночке не драться, токмо семьями!

Андрей прыгнул, перекидываясь, стремительно скользнул на звук и остановился спиной к третьим воротам, в проходе между стенами, закрыв путь большеголовому крепышу с длинными, пахнущими крапивой и чесноком патлами. Воин в длинном балахоне, опоясанный широким ремнем с двумя ножами, топориком и сумкой, ощутимо светился и излучал тепло. Значит, это был именно тот, кто ему нужен. Тот, кто в десятки раз сильнее и быстрее обычных воинов, обладает колдовской силой и невероятным здоровьем. Тот, кто в одиночку способен решить исход войны. Здешний славянский бог.

Подага чуть не споткнулся от неожиданности, увидев перед собой крупного волка с серебряным амулетом на груди, остановился, склонил голову набок. Громко хмыкнул:

– Похоже, все наши беды ныне удастся решить одним махом! Щит, копье и… не мешайте! – Он развел руки в стороны. Дружинники вложили ему в широкие ладони истребованное оружие. Подага повел плечами, ударил тупым концом ратовища о землю и выдохнул: – Начнем!

Андрей прыгнул вперед и влево, прижимаясь к стене, оттолкнулся лапами от бревен, скользнул понизу, уходя от удара копья. Оружие бога вонзилось в бревно с такой силой, что мягкий железный наконечник расплющился в лепешку и сорвался с древка. Колдун, пользуясь шансом, попытался поймать клыками близкое колено противника, однако крепыш оказался шустрым и внимательным, ногу отдернул, ударил вниз щитом – но тоже промахнулся. И сразу хлопнул оборотня сверху вниз по хребтине. Ратовище с шелестом скользнуло по шерсти поднырнувшего волка, а клыки клацнули на предплечье здешнего бога.

– Ах ты… – Подага клацнул зубами от неожиданной боли, взмахнул рукой, отшвыривая зверя.

Андрей вспорхнул выше стены, унося в пасти оторванный рукав, описал пологий пируэт, рухнул вниз. Бог Кебрата, радостно гыкнув, бросил оружие, выхватил ножи, подставляя их под падающую тушу. Колдун, извернувшись, цапанул когтями стену, резко согнулся, выпрямился, отталкиваясь, и перемахнул через врага, лишь слегка задев острия втянутым брюхом. Приземлился под второй стеной, прыгнул врагу за спину, потом назад и тут же вперед, под самые ступни.

– Проклятье! – Подага чуть отпрянул и опустил руки, закрывая ноги ножами, а Андрей, наоборот, толкнулся и вцепился всей пастью в оказавшееся так близко горло.

В рот полилась соленая и горячая, пьянящая безрассудством кровь. Колдун сделал глоток, еще – и попятился, припадая к земле и рыча.

Дружинники Кебрата, составив щиты и опустив копья, быстро приблизились, отогнав зверя множеством острых наконечников, забрали тело погибшего вождя, упятились.

– Лучников на стены! – повторил кто-то приказы покойного правителя города. – Отстреливайте дикарей сверху! Перекрывайте проходы!

Славяне действовали быстро и споро, сбиваясь в отряды, перекрывая улицы между стенами, отрезая захваченные участки города от остального Кебрата. На стенах появилось множество лучников, пускающих стрелы в воинов леса. Правда, без особого успеха: лесовики не бегали туда-сюда, а тоже собрались в десятки и жались к бревнам, закрываясь щитами.

Стрелы толстую тисненую кожу пробивали – но не навылет, а застревая древком на глубину ладони. Так что поцарапать детей небесных духов они еще могли, но ранить серьезно – вряд ли.

– Потерпите, дети мои, – негромко попросил Андрей, вернувшись в центр площади. – Подождите всего чуть-чуть! Скоро наступит время нашей силы.

Небо постепенно темнело, улицы погрузились во мрак. Воевать стало невозможно – где там рубиться или стрелять, коли собственной руки вытянутой не видишь? Однако с улиц никто не уходил, хорошо понимая, что оставленное сейчас на рассвете никто обратно не отдаст. Горожане засуетились, стали запаливать факелы, относя их лучникам и дружине.

Колдун выждал еще немного, дабы уж точно настала ночь, вскинул руки, мысленно дотягиваясь ими до небес, и сжал висящие там тучи. На Кебрат рухнул дождь – именно рухнул плотной сплошной стеной. Все огни погасли мгновенно, и дымков не осталось. Непроглядный мрак победил окончательно и бесповоротно.

С этого самого часа дети небесных духов и начали свою главную битву!

Рыси и медведи быстро поднялись по стенам, плавными осторожными шагами двинулись вперед, поводя ушами и втягивая носом воздух.

Вот ощутился дымный аромат с примесью жаркого. Ближние звери замирают, поворачивают головы, принюхиваясь, подкрадываются на запах. Ближе, ближе… Вот уже слышен шелест затаенного дыхания. Мохнатый охотник вскидывается, точно определяя место.

Прыжок!

Слабый вскрик, густой запах парной крови, журчание ручейка, стук падающего тела – и стая снова двигается вперед, бесшумно ступая по влажному дерну. И опять – запах, шорох движения… Прыжок!

И еще одним лучником становится меньше.

– Будь я проклят, что творится?! – не выдержал кто-то из невидимых воинов. И почти сразу вскрикнул от боли, предсмертно захрипел.

Ночные охотники не упустили столь щедрой подсказки врага.

– О боги… – Кто-то побежал, кто-то вскрикнул. С другой стороны города послышался шум упавшего тела. И опять – чей-то вскрик, шаги, стоны. Вопли страха и отчаяния.

За пару часов дети духов очистили от врага все три кольца стен.

Андрей поднял голову и протяжно завыл, приказывая начинать следующий этап битвы.

На улицы выбежали волки, а также барсуки, куницы, лисы, и все вместе устремились по широким проходам, легким потявкиванием предупреждая о себе отряды, благоухающие дымком, мхом, свежей травой и вереском, и собираясь перед воинами, пахнущими дегтем и потом.

Слыша стаю, наверху подтягивались рыси и медведи.

Короткий рык – и первыми сверху рушились рыси и медведи, наугад раздирая когтями все, до чего дотягивались, и кусая все, что попадало в пасть. А затем понизу пробирались остальные оборотни, выгрызая икры, кромсая бедра, вцепляясь во все живое и мертвое, что встречалось на пути.

Несколько минут криков, ругани, стонов и воя – часть армии взмывала обратно на стену, другая часть пробегала дальше, сбивалась вместе и начинала охоту за следующим отрядом горожан…

Только наступивший рассвет подвел окончательный итог долгой ночной битвы. Тут и там на улицах лежали стонущие от боли мужчины в порванной окровавленной одежде. Некоторые пытались добраться до укрытий, оставляя за собой густые кровавые полосы, но большинство приняли поражение и теперь смиренно ждали решения своей участи. Из многих сотен защитников Кебрата на ногах могли стоять считаные десятки, но мало кому из них удалось бы поднять оружие.

Между тем армия воинов леса неплохо отдохнула, взбодрилась и горела желанием хоть немного поучаствовать в войне…

Возможно, город еще и не пал. Но никаких шансов устоять у него больше не осталось.

* * *

Через день в святилище развернулась напряженная работа. Под присмотром Андрея и Велихоста два десятка пленников выворачивали из земли огромные валуны, опрокидывая их на сосновые бревнышки, а затем придерживали, хватая освобождающиеся сзади катки и перенося их вперед. И так до тех пор, пока эти камни, пяти разных цветов, один за другим, не ушли под воду. Булыжники размером поменьше колдун утопил еще вчера. Сам, собственными руками, просто ради развлечения.

– Жаль, не знаю, какой из них символизировал Квасура, – вспомнил молодой чародей свой подвиг. – Наверное, один из круглых. Или толстяк считается слишком мелким богом, чтобы ему поклонялись в других землях?

Внезапно вода зашипела, забурлила, в глубине показался свет, и из него на берег вышло сразу трое бородачей: рыжеволосый широкоплечий коротышка в остроконечном шлеме, с огромным топором в руках, стройный светловолосый парень в красном плаще с чистым детским лицом и могучий богатырь с

окладистой русой бородой и такими же волосами, перехваченными на лбу простенькой бечевой. Правда, вместо меча гигант держал в руках посох.

Пленники разом опустились на колено и склонили головы.

– Что здесь происходит?! – кинулся к святилищу светловолосый. – Вы что творите?!

– Берег от мусора подчищаем, – ответил Андрей, повернулся к шаману и одними бровями указал ему на город. Старик понимающе кивнул, втянул голову в плечи и засеменил к Кебрату.

– От мусора?! – Парень взревел, взмахнул руками, и колдун ощутил острую боль в груди, причем боль очень странного очертания.

Андрей торопливо содрал с себя куртку, опустил глаза и увидел, как татуировка на его груди, еще темно-красная, медленно угасает.

– Моя свастика является оберегом? – немало удивился колдун собственному творению.

– Откуда на тебе колядов знак?! – грозно вопросил богатырь.

– Он уничтожил святилище! – Светловолосый, играя желваками, зашагал к чародею.

Андрей повернул руки ладонями вверх, легким усилием поднял из окрестной травы всех ос, шмелей, пчел и прочих кусачих насекомых, бросил их вперед, в лицо красавчика. Тот запрыгал, ругаясь и отмахиваясь.

Рыжий гость издал тихий рокот недовольства, колдун услышал шорох скользящего по коже топорища, дернул завязки штанов. И когда крепыш резко рванул и метнул топорик – прыгнул вперед, перекидываясь, подпрыгнул, клацнул парня за локоть, тут же шарахнулся в сторону и помчался на рыжего, высматривая для клыков место помясистее.

Коротышка ругнулся, дернул нож, взмахнул – но в последний миг колдун передумал, поднырнул, чуть отпрянул, уворачиваясь от взмаха посоха, заскользил по кругу, слегка оскалившись и прикидывая момент для броска.

Рыжий бог шустро метнулся куда-то в луга.

– Он меня укусил, дед! – Возмущению светловолосого парня не было предела. – Ты видел? Чуть руку не оттяпал!

– Вижу, Стрибог. Тварь наросла зело кусачая, – согласился богатырь. – Что сие за чудище, сваро-жичи?

– Это Любый, отче! – ответили сразу несколько пленников. – Главный шаман лесных дикарей.

– Это ненадолго… – Запыхавшийся крепыш вернулся с найденным топором. – Я постелю его шкуру у себя в сенях!

Однако тут, очень вовремя, от города примчались еще три десятка волков и включились в хоровод вокруг нежданных гостей. Рыжий вояка посерьезнел, отступил ближе к богатырю. Парень перестал ругаться и тоже попятился, зажимая рану на руке. Боги выглядели обескураженно. Вестимо, столь резкий отпор встречали в своей жизни впервые.

– В другой раз, Перун, – степенно произнес богатырь, удерживая посох двумя руками. – Мы проведали все, чего желали. Шкура сего зверя никуда от тебя не денется.

Боги отступили к реке, к бечевнику, втянулись на узкую тропу. Рыжий коротышка погрозил волкам топором и последним исчез в кустарнике, труся вниз по течению.

Волки сбились в стаю, провожая их голодным взором. Когда троица совсем скрылась из глаз, Андрей перекинулся и положил руку на плечо одного из кебратцев:

– Почему они уходят пешком, смертный?

– Боги перемещаются через зеркала, Любый, – поднялся с колена мужчина. – То, которое Подаге принадлежит, мыслю, убрано, и воспользоваться им у сварожичей не получилось.

– А как же они вышли из воды?

– Коли вода тихая и спокойная, аки зеркало, явиться через нее боги могут. Но уйти через нее им не удается. Не принимает вода, расступается. Посему сварожичи не любят являться туда, где нет зеркала. После сего им трудно возвертаться домой.

– Выходит, нам оказали редкостную честь? – рассмеялся колдун. – Интересно, почему? Наверное, раньше славянские святилища только возводили шаг за шагом в неведомых ранее местах? Ничего, скоро ваши бывшие боги привыкнут к обратному. Их время на этой планете истекло.

* * *

Весть о падении Кебрата медленно распространялась по рекам, расходясь в стороны, словно волны от упавшего в пруд камня. Андрей отлично это чувствовал, ибо все больше доходило до него молитв от все новых и новых поклонников и все больше вливалось тепла и могущества в его жилы. Селяне сделали свой выбор.

Закон леса также признали обитатели многих десятков деревень, на несколько дней пути вниз по Каме и ее притокам. Люди народа рек больше не верили в могущество славянских богов и в их защиту.

Разумеется, сварожичи не желали смириться с поражением.

Во многих местах стали появляться новые деревни, построенные наподобие маленьких крепостиц и заселенные большим числом привычных к оружию селян. Однако колдун сего подобия пограничных застав не признал, решительно их выкорчевывая и сдвигая свои идолы все дальше к западу.

«Застав» появлялось довольно много – так что и сил для их уничтожения требовалось изрядно. Андрей создал небольшие отряды из пары десятков оборотней и такого же количества обычных воинов в каждом – и дети небесных духов отлично справлялись с врагом, постепенно набираясь боевого опыта.

Сам Любый принимал участие в схватках редко – куда больше сил он тратил на дела лекарские. Воевать лесовики научились и без него. А вот врачевать – нет.

Лето уже катилось к завершению, когда в дни созревания рябины душу Любого вдруг пронзила острая боль – рвущая, мучительная, с самого краешка сознания. Колдун немедленно перекинулся, метнулся серой тенью сквозь чащи, болота, буреломы и вскоре оказался в каких-то дебрях к северо-западу от своей землянки, на берегу красивой речушки полусотни шагов шириной. Здесь догорала славянская застава хорошо знакомого Андрею вида: два больших дома и ограждающий двор частокол.

На траве перед забором лежало три мертвых зверя: рысь и два волка. Дети духов…

Колдун присел рядом, провел по телам ладонью.

Все три воина были убиты одинаково: толстыми короткими стрелами с широким наконечником. Лучники попали в разные места, но раны оказались столь опасны, что все оборотни истекли кровью еще до того, как сумели перекинуться обратно в людей.

– Кто? Как? – оглянулся Андрей на Сохота, шедшего старшим в отряде.

– Прости, Любый, – развел руками лесовик. – Никто не понял, как это случилось. Славян здесь поселилось совсем мало, мы не искали битвы. Хотели просто пугнуть, призвать к законам леса.

Колдун посмотрел на него, на догорающий дом. Воин покачал головой:

– Мы не поджигали. Знамо, дети духов пришли в ярость, кинулись внутрь. Дверь-то лишь прислоненной стояла. Потом она захлопнулась, и все полыхнуло… – Он сглотнул. – Пятеро детей твоих остались внутри. Сгорели вместе со славянами.

– Странно очень сгорели, Сохот. – Андрей выпрямился, подошел ближе к пожарищу. – Глазами я вижу пепелище. Но вот душой… Душой я чую в этом мертвом месте шесть живых душ. – Он глубоко вдохнул, выдохнул: – Поставь здесь крепкую охрану. Не хочу, чтобы эти яркие искорки исчезли, пока мы провожаем

наших друзей в последний путь.

Лесовики по древнему обычаю отнесли тела мертвых сородичей в лес, оставив в ложбинке одного из завалов, сами же вернулись, развели костры и провели вечер, вкушая жареную лосятину и вспоминая добрыми словами навсегда растворившихся в чаще воинов.

Дом еще догорал – местами дымил, местами потрескивали угольки, а жар стоял такой, что невозможно приблизиться. Но к утру основные головешки догорели, на пепелище стало более-менее терпимо. А вскоре после полудня там возникло какое-то движение.

Андрей услышал его первым, поднялся, прижал палец к губам, жестом приказал воинам приготовиться, подойти ближе.

Среди подернутых серой пеленой угольков поднялось слабое облачко пепла, земля мелко затряслась – и вдруг провалилась, открыв взору лесовиков глубокую яму, размером примерно шесть на шесть шагов и невесть сколько в глубину. На свет, щурясь, выглянули двое пареньков.

– Хорошего вам дня, добры молодцы, – кивнул колдун, в то время как воины леса приставили к головам появившихся наконечники копий. – Выбирайтесь, свежим воздухом подышите. У вас там небось жара как в печи до сих пор держится? Вылазьте, вылазьте. И друзей своих зовите. До шести я считать умею.

Вскоре молодые еще, лет двадцати, отроки народа рек стояли, заведя руки за спины, у частокола и угрюмо смотрели себе под ноги.

Андрей прошелся вдоль строя, обрывая со всех амулеты и ладанки, стаскивая одежду с нашитыми оберегами. Отступил, показывая добычу:

– Догадываетесь, почему я это все отобрал? Должны понять. Не дураки, раз такое придумать и учудить исхитрились. Так, может, сами все расскажете? Душу колдовством выжигать не понадобится?

– А чего тут сказывать, дикарь? – поднял голову голубоглазый мальчишка. – Великая премудрая Макошь нашла способ справиться с вами, вонючими крысами. Извести всех, до единого, под корень. Вытравить по всей земле! Убивать оборотней мы научились. Научимся и отыскивать. Макоши известна великая тайна Любого, главного вашего шамана. Теперь он обречен.

– И какова же эта тайна, дерзкий храбрец? – почти ласково поинтересовался Андрей.

– Великая Макошь узнала, что Любый пришел к нам из грядущего, – оскалился пленник. – Он родится только через сто поколений. То есть уже родился, колдовством пробрался к нам и

теперь всячески вредит нам в силу черного гнилого нутра.

Студент-медик сглотнул. Он ожидал любого ответа – кроме этого.

– Великая Макошь призвала бога Трояна, хранителя всех тайн, и по ее повелению он нашел и призвал в наш мир из грядущего сразу пятерых сварожичей, потомков наших в сотом поколении. Пятерых против одного… – Парень не удержался, поднял руку и растопырил пальцы: – Пятеро, дикарь! Ты слышишь: пятеро!!! И все они на нашей стороне!

notes

Сноски

1

Брод через Волгу находился возле Саратова.